№ 2.

ФЕВРАЛЬ

1871 ГОДЪ.

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

Содержаніе:

Счастливая минута 1
Очерки Восточной Сибири . . . 29
Прогулка близъ Капштадта . . 61
Молнія и громъ 75
Сверчокъ 87
Самообученіе въ живописи . . 95
Пылинки 113
Игры 119
Война кроликовъ съ кошками . 121
Бочка 141
Приложенія:
Мальчикъ съ бубликами.
Тоже—для раскрашиванья.
Тѣни.
Лото.
Папочная доска.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1871.

СЕМЬЯ и ШКОЛА

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ю. Л. СИМАШКО.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 2. ФЕВРАЛЬ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.Петербургъ, 18 марта 1871 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга I.

	стран.
Счастливая минута въ жизни поэта (по англійскому оригиналу)	1
Очерки Восточной Сибири. *Елены Б.*	29
Утренняя прогулка въ окрестностяхъ Кронштадта. *Л. В.*	62
Молнія и громъ. *А. Кочетова*	75
Сверчокъ. ***	87
Самообученіе въ рисованіи и живописи. *Самоучки*	95
Пылинки. *Марцелла*	113
Игры	119
Какъ кролики побѣдили кошекъ (сказка)	121
Дѣти между собою: Бочка	141

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Мальчикъ съ бубликами — хромолитографія.
2. Тоже черная картина.
3. Тѣни—6 картинъ.
4. Лото.
5. Папочная доска.

Книга II.

Отъ Редакціи. *Юл. Симашко*	
Фребель и его метода воспитанія. *М. Бларамберъ*	
О Преподаваніи Исторіи въ среднихъ учебн. заведеніяхъ. *В. Сиповскій.*	23
О первоначальномъ преподаваніи Ариѳметики. *Р. Чернявскій*	57
Элементарная Ариѳметика. Приготов. курсъ, ст. I. *Р. Чернявскій*	75
Забота о ребенкѣ до начала ученія. *А. Д—ій*	95
Библіографія: I. Вліяніе школъ на происх. близорукости. Д-ра *Эрисмана.*	103
— II. Идея воспитат. обученія въ примѣненіи къ народной школѣ. *С. Миропольскаго.*	123
— III. Значеніе воспитателя въ гимназіи. *В. Глаголевскаго.*	130

стран.
Библіографія: IV. Ученіе какъ оно у насъ есть и какъ должно быть: *А. Н. Робера*. 132
— V. Предохранительныя мѣры, принятыя къ сохраненію здоровья въ Берлинскихъ школахъ 145
— VI. Безплатное обученіе въ народныхъ школахъ 153
Некрологъ. *К. Д. Ушинскій* 160
Вступительныя правила и программы. *(Продолженіе)* 163
Корреспонденціи: *Бар. Н. Корфа, М. Бларамбергъ* 186
Таблицы числа нар. училищъ, ихъ стоимости и жалованья учителямъ . . 1

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письма Бэма—о воспитаніи (стр. 1—16).
Портретъ К. Д. Ушинскаго.
Транспортиръ.

СЧАСТЛИВАЯ МИНУТА ВЪ ЖИЗНИ ПОЭТА.

(По английскому оригиналу).

«Быть по сему», сказалъ одинъ изъ членовъ совѣта, вставая съ мѣста и обращаясь къ прочимъ. «Рѣшено окончательно. *Сказочница* должна быть замурована въ стѣну»!

Совѣтъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ не совѣтъ инквизиторовъ или мудрецовъ, а преступница, приговоренная къ жестокой средневѣковой казни,—не монахиня. Собственно говоря, *сказочница* (Mährchen-Frau) означаетъ въ Германіи вымышленную личность; въ настоящую же минуту подъ этимъ именемъ подразумѣвали одну старую книгу со сказками и балладами въ стихахъ. Такъ ее назвали дѣти въ одномъ семействѣ, о которомъ будетъ у насъ рѣчь. Эти дѣти имѣли обыкновеніе разъ въ годъ (6-го декабря вечеромъ) по очерсди прочитывать вслухъ сказки изъ этой книги; читающій облекался въ особаго рода костюмъ и долженъ былъ изображать собою миѳическое лицо сказочницы (Mährchen-Frau). Въ другое время года *Сказочницей* называли самую книгу. Книга эта не щеголяла ни переплетомъ, ни печатью. Она была не то что книги новѣйшаго изданія, гдѣ содержаніе часто уступаетъ наружному виду. Наша старая книга была почтеннѣе новыхъ. Она никогда не швырялась въ сторону съ пренебрежительнымъ замѣчаніемъ: «мы ужь это читали!» Напротивъ, она, какъ истинно хорошая вещь, была не просто старая знакомка, а другъ; за нее часто брались только что прочитавши ее, не изъ желанія критиковать, а отъ избытка любви и довѣрія къ ней. Листы ея истрепались не отъ дурнаго обращенія, а вслѣд-

ствіе постояннаго употребленія и засохшихъ слезъ; по подержанному переплету сейчасъ было видно, что она побывала и подъ подушкой, и въ карманѣ; и у огня грѣлась, и на травѣ мокла, вообще—довольно ознакомилась съ жизнью. Она не принадлежала никому въ частности, но всѣмъ вообще; была не моя, а наша, какъ о томъ гласила и надпись на первомъ листѣ: «въ подарокъ *дѣтямъ*».

И не смотря на все это, съ полнаго согласія дѣтскаго совѣта, *Сказочница* была осуждена на замурованіе. Прежде чѣмъ объяснить причину такого безжалостнаго приговора, я разскажу кое-что о самихъ судьяхъ.

Провидѣніе благословило одного почтеннаго торговца въ одномъ изъ городовъ Германіи большимъ потомствомъ. Онъ женился очень молодымъ на подругѣ дѣтства и скоро остался вдовцемъ съ крошечной дочерью. Одна сострадательная сосѣдка сжалилась надъ юнымъ отцемъ, взяла къ себѣ ребенка и ухаживала за нимъ; отцу же помогала полезными совѣтами. Тотъ догадался, что она ему нужна, и женился на ней.

У нихъ было восемь человѣкъ дѣтей; двухъ изъ нихъ онъ схоронилъ, остальные шестеро и седьмая старшая составили не маленькій семейный кружокъ, содержать который было иногда нелегко отцу, хотя у него и дѣла шли не дурно, и жена была хозяйка. Дѣти же,—какъ всѣ дѣти,—знай себѣ росли да росли, и въ то время, какъ наша повѣсть началась, младшій выходилъ изъ младенческаго возраста, а старшая сестра, Марія, достигла крайней точки дѣтскаго стремленія: она была—*большая*.

Добрая была эта Марія, и всегда она была такая; какъ прежде, когда бывало бѣгала въ школу съ маленькой сумкой за спиной, а бѣлокурыя косы висѣли на свободѣ, такъ и теперь, когда она нѣжно и заботливо прицѣпляла туже сумочку на плечи младшей сестрѣ, а косы, прежде свободныя, давно уже свертывались калачикомъ подъ гребенку. «Наша Марія не особенно умна», говорилъ одинъ изъ братьевъ, тотъ, который воображалъ себя крошечнымъ экземпляромъ генія; «наша Марія не особенно умна, но она всегда и во всемъ права».

Вотъ именно съ этимъ геніемъ намъ и приходится имѣть дѣло.

Фридрихъ былъ необыкновенно талантливый мальчикъ; фактъ

этотъ, къ счастію для него, открылся только тогда, когда ему было уже двѣнадцать лѣтъ. Онъ быстро выучился читать, и скоро прочелъ всѣ книги въ домѣ; правда, что не много ихъ и было, зато онъ ихъ читалъ по нѣскольку разъ, и зналъ хорошо что въ нихъ есть.

Когда Марія была ребенкомъ, школу содержалъ одинъ старичокъ, очень милый человѣкъ и скромный ученый. Онъ нѣжно полюбилъ свою бѣлокурую ученицу, и когда она оставила школу, приходилъ иногда учить её латинскому языку и ботаникѣ по системѣ Линнея. Онъ умеръ, на его мѣсто поступилъ менѣе симпатичный педагогъ; и Фридрихъ завистливо выслушивалъ разсказы счастливой сестры объ ея другѣ—учителѣ.

«Такъ онъ тебя училъ великому языку, латинскому! и ботаникѣ,—а вѣдь ботаника наука!»—восклицалъ мальчикъ съ завистливымъ восторгомъ,—если можно такъ выразиться,—слушая въ тысячный разъ малѣйшую подробность о томъ, какой добрый былъ школьный учитель.

А Марія бывало преспокойно разсказываетъ, штопая отцовскіе чулки: «мы очень много занимались грамматикой, не знаю, не забыла ли я ее; потомъ я выучила нѣсколько псалмовъ по латыни; ихъ я и теперь помню. Мы начали проходить систему Линнея; но я была такъ глупа, мнѣ всегда нравились больше цвѣты, нарисованные въ настоящемъ видѣ, а не въ разрѣзѣ, а онъ говорилъ, что тѣ гораздо полезнѣе. Но главное—онъ училъ меня быть доброй. Правда, я многое перезабыла изъ его уроковъ; но кое-что изъ его словъ, совѣтовъ,—именно то, что я тогда пропускала мимо ушей,—теперь мнѣ иногда припоминается и научаетъ меня жить. Отецъ какъ то слышалъ отъ бургомистра *), что будто бы учитель нашъ былъ геній; а я знаю одно: онъ былъ добрый человѣкъ, и это лучше всего».—Затѣмъ, вывернувъ пятку, Марія положитъ бывало чулокъ повыше, чтобы кошка не сдернула, и станетъ накрывать на столъ.

А Фридрихъ! Бѣдный Фридрихъ! Онъ то мысленно роптalъ на сестру за то, что она такъ безпечно упустила возможность поучиться, то размышлялъ объ участи, постигшей каждый томикъ учительской библіотеки, которую распродавали, когда увы! ему,

*) Бургомистръ—начальникъ города, въ родѣ городничаго.

Фридриху, было только три года. Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, слѣдуетъ сознаться, что Фридрихъ еще сдержанно выражался, говоря: «наша Марія не особенно умна».

Школьный учитель не существовалъ болѣе, но Фридрихъ все же былъ не безъ друзей.

Въ его родномъ городѣ была книжная лавка; для ея хозяина онъ исполнялъ на досугѣ разныя порученія, а тотъ въ награду позволялъ ему проводить свободные дни и часы въ обществѣ своихъ книгъ. Тамъ, взобравшись по лѣстницѣ до самой верхней полки, или сидя на корточкахъ передъ самой нижней, онъ нѣкоторые томы прочитывалъ по нѣскольку разъ, другіе переписывалъ.

Больше всего любилъ онъ поэзію. Многіе мальчики любятъ стихи; этотъ любилъ ихъ до безумія; только бывало увидитъ книгу стихотвореній, такъ и прильнетъ къ ней.

Разъ, незадолго передъ началомъ этого разсказа, путешествуя съ полки на полку, нашелъ онъ нѣсколько изящно переплетенныхъ томиковъ; открывъ одинъ изъ нихъ, увидѣлъ онъ стихи, напечатанные прекраснымъ римскимъ шрифтомъ, но увы! на неизвѣстномъ ему языкѣ. Въ лавкѣ были посѣтители, и онъ продолжалъ стоять въ углу, пожирая глазами открытую страницу, какъ будто насильно выжималъ смыслъ очаровательныхъ стиховъ. Какъ только послѣдній посѣтитель скрылся за дверью, Фридрихъ подошелъ къ прилавку съ книгою въ рукѣ.

«Что скажешь?» спросилъ его, добродушно улыбаясь, книгопродавецъ.

«Эта книга на какомъ языкѣ?»

Тотъ нацѣпилъ на носъ очки и, снова улыбнувшись, отвѣчалъ: «на итальянскомъ; это сонеты Петрарка, дитя. Богатое изданіе, побереги эту книжку».

Фридрихъ пошелъ на свое мѣсто, тяжело вздыхая. Немного погодя онъ опять пришелъ.

«Ну что тамъ еще?» спросилъ весело купецъ.

«Есть у васъ итальянская грамматика?»

«А вотъ только и есть что эта», сказалъ тотъ, снявъ съ полки книгу и положивъ ее на прилавокъ.

Мальчикъ открылъ книгу и разочаровался.

«Это все по итальянски», сказалъ онъ.

«Нѣтъ, это французское съ итальянскимъ; напечатано въ Парижѣ. Но на что тебѣ грамматика»?

Мальчикъ покраснѣлъ, какъ будто его уличили въ кражѣ, и живо отвѣтилъ:

«Я долженъ непремѣнно прочесть эти стихи, а для этого необходимо выучиться по итальянски».

— «И ты хочешь читать Петрарка съ помощію одной грамматики»? воскликнулъ купецъ, «ого—го!»

— «И съ помощію лексикона», сказалъ Фридрихъ, «почему же нѣтъ?»

— «Почему нѣтъ», повторилъ смѣясь купецъ; «потому, мой другъ Фридрихъ, что когда хочешь учиться иностранному языку, тутъ нуженъ и учитель, и упражненія, и діалоги, и постепенное чтеніе, да съ словаремъ; однимъ словомъ, языку слѣдуетъ учиться такъ, какъ всѣ учатся; вотъ почему нѣтъ, мой милый».

«Объ этихъ всѣхъ не стоитъ разговаривать, сказалъ горячо Фридрихъ. Будь у меня только грамматика и лексиконъ, я знаю, что съумѣлъ бы прочесть эти стихи».

— «Толкуй съ нимъ», сказалъ весело купецъ. «Вздумалъ Петрарка читать! Да! если моимъ книгамъ суждено простоять на полкахъ до того дня, когда ты будешь въ состояніи прочесть ихъ, мой милый, о, го, го!» и онъ погладилъ свою жесткую бородку.

Характеръ Фридриха былъ не изъ самыхъ мягкихъ; притомъ дѣло касалось его чувствительной струны, и онъ отвѣчалъ съ сердцемъ:

«Берегите ваши книги. Если буду живъ и здоровъ, не застоятся онѣ на полкахъ: я куплю ихъ когда нибудь. Помните»!

Тутъ онъ быстро отвернулся, чтобы скрыть выступившія слезы.

Въ минуту ротъ маленькаго книгопродавца сдѣлался такимъ же кругленькимъ какъ и глаза, какъ и лицо; онъ положилъ руки на прилавокъ и, ловко перескочивъ черезъ него, повалилъ стулъ на Фридриха и съ чувствомъ обнялъ его.

«Мой бѣдный мальчикъ! (при этомъ онъ поцѣловалъ его)— какъ жаль, что Богу не угодно было, чтобъ ты родился дворяниномъ! Выслушай меня. Въ Берлинѣ сочиняютъ итальянскую грам-

матику. Она будетъ окончена черезъ мѣсяцъ или черезъ два. Мнѣ пришлютъ экземпляръ, и я покажу тебѣ её. Если же ты когда нибудь научишься читать Петрарка—я подарю тебѣ всѣ его сочиненія. А теперь, такъ какъ ты давно уже здѣсь, пойдемъ ко мнѣ и пообѣдаемъ». Добродушный нѣмецъ крѣпко поцѣловалъ еще разъ своего молодаго друга и пригласилъ его въ заднюю комнату, гдѣ они скоро забыли Петрарка, уписывая Gemüse *) въ топленомъ маслѣ.

Здѣсь можно прибавить, что томы Петрарка не долго оставались на полкѣ: черезъ нѣсколько лѣтъ круглолицый книгопродавецъ съ гордостію исполнилъ свое обѣщаніе.

О настоящемъ смыслѣ посѣщеній книжной лавки отецъ Фридриха ничего не зналъ. Онъ слышалъ только, что мальчикъ бывалъ иногда у книгопродавца; что тотъ ласкалъ его; но ему и въ голову не приходило, что сынъ его читалъ книги, наполнявшія лавку сосѣда. Ничего не зналъ онъ и о дикихъ фантазіяхъ, почерпнутыхъ въ этой лавкѣ и дѣлавшихъ то, что мальчикъ смотрѣлъ на жизнь какъ бы сквозь сонъ. Отецъ и сынъ смотрѣли на жизнь съ различныхъ точекъ зрѣнія. Мальчикъ чувствовалъ себя способнѣе братьевъ и назначалъ себя въ поэты; отецъ видѣлъ, что мальчикъ способнѣе братьевъ, и назначалъ его въ купцы. Эта противоположность воззрѣній составляла главное горе Фридриха.

Если источникъ горестей мальчика былъ тайною для всѣхъ, не исключая ни братьевъ, ни сестеръ, ни даже друга—книгопродавца, то источникъ его радостей также былъ тайною для всѣхъ. Никто не видѣлъ тѣхъ обрывковъ бумаги, которые онъ выпрашивалъ себѣ въ книжной лавкѣ и испещрялъ дѣтскими попытками стихотворства. Никто не раздѣлялъ тѣхъ счастливыхъ часовъ, которые посвящались на сочиненіе этихъ стихотворныхъ опытовъ, или на воздушные замки о будущемъ. Никто не зналъ и того, что, благодаря порывамъ пылкаго воображенія, Фридрихъ ночью былъ счастливѣе, чѣмъ днемъ. Днемъ онъ былъ дитя и (какъ семья не безъ основанія находила)—несносное дитя; ночью же онъ былъ не только взрослый, но и великій человѣкъ. Онъ посѣщалъ европейскіе дворы, выслушивалъ лю-

*) Овощи.

безности отъ царственныхъ особъ; его драмы разыгрывались на театрахъ; томы его стихотвореній стояли на полкахъ книжныхъ лавокъ; онъ обогащалъ свою семью (мальчикъ былъ слишкомъ молодъ, чтобъ желать денегъ для себя); онъ всѣмъ доставлялъ наслажденіе, а себѣ пріобрѣталъ славу, безсмертіе.

Слава! безсмертіе! звуки эти раздавались у него въ ушахъ, вертѣлись передъ глазами во время безсонныхъ ночей, и онъ въ воображеніи переживалъ уже блестящій періодъ жизни. И когда мать, со свѣчею въ рукѣ, обходила, какъ ангелъ хранитель, спящихъ дѣтей, чтобы удостовѣриться, все-ли въ порядкѣ, онъ притворялся спящимъ, лицомъ въ подушку, желая скрыть слѣды слезъ, пролитыхъ при сочиненіи эпитаѳіи къ монументу Фридриха, знаменитаго поэта, философа, и т. д. Если кто сомнѣвается въ возможности этого факта, если онъ ему кажется преувеличенною нелѣпостію, тотъ значитъ никогда не зналъ, что̀ такое сильное дѣтское воображеніе, и самъ никогда не плакалъ надъ вымышленными несчастіями; а онѣ въ свое время очень горьки, нужды нѣтъ, что впослѣдствіи мы вспоминаемъ о нихъ смѣясь и краснѣя.

Счастливъ ли былъ Фридрихъ въ своихъ мечтахъ или нѣтъ, дѣло въ томъ, что онъ всегда былъ въ нихъ *великъ*,—а больше ему ничего не нужно было: онъ былъ честолюбивъ, какъ почти всѣ тѣ, кто чувствуетъ себя сколько нибудь своеобразнѣе и выше окружающихъ. Ночью онъ шумно ликовалъ, упивался славой и почестями; вотъ почему ночью онъ былъ счастливъ. День же встрѣчалъ онъ непривѣтливо; день начинается тѣмъ, что ему приказывали вставать и надѣвать чулки; днемъ отъ него уходила слава, и онъ снова превращался въ ребенка, и снова попадалъ на родину, подъ отеческій кровъ.

Этимъ грустнымъ мечтамъ (грустнымъ по своей безполезности) суждено было впослѣдствіи составить его счастіе; и дѣтскій совѣтъ, осуждая книгу съ балладами, рѣшилъ и участь Фридриха. Вотъ какъ это случилось.

Дѣти имѣли обыкновеніе, какъ уже было сказано, праздновать Николинъ день чтеніемъ вслухъ любимыхъ сказокъ. Шестое декабря уже много лѣтъ считается любимымъ праздникомъ дѣтей во многихъ европейскихъ государствахъ. Во Франціи дѣтямъ усердно внушаютъ, что святой угодникъ спускается ночью

въ комнату по трубѣ и наполняетъ дѣтскіе башмачки (которые и выставляются по этому случаю рядкомъ на ночь) или гостинцами, или розгами,—смотря потому, какъ владѣльцы ихъ вели себя въ продолженіи года. Простой народъ во Франціи разсказываетъ, что святой Николай путешествуетъ по воздуху, въ сопровожденіи осла, нагруженнаго двумя коробами, изъ которыхъ одинъ содержитъ въ себѣ хорошія вещи, а другой—прутья. Осла онъ оставляетъ у отверстія трубы, и спускается въ комнату одинъ. Тоже самое повѣрье существуетъ и въ Голландіи; а въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи думаютъ даже, что онъ уноситъ дурныхъ дѣтей въ мѣшкѣ, какъ нашъ бука.

Этотъ день, какъ и слѣдуетъ полагать, ожидается съ волненіемъ; башмачки, чисто, аккуратно вычищенные, выставляются дѣтьми на видное мѣсто; а родители, цѣлый годъ твердившіе отъ имени святаго Николая то угрозы, то обѣщанія, стараются, чтобъ тѣмъ или другимъ а непремѣнно наполнить башмаки. Великій вопросъ—розги или гостинцы? окончательно разрѣшается въ великій день утромъ; а передъ обѣдомъ (вопреки материнскимъ увѣщеваніямъ) обыкновенно лакомства бываютъ уже истреблены.

Добрая мать Фридриха обыкновенно отправляла отца подъ разными предлогами къ сосѣдямъ, поужинать и покурить, такъ какъ у него такой ужь былъ характеръ, что въ его присутствіи не клеплись дѣтскія игры. Сама она удалялась въ кухню, а дѣти располагались хозяевами около пылающей печи, и игра начиналась.

Каждый по очереди прочитывалъ выбранное имъ стихотвореніе; для этого онъ облекался въ большой капоръ и плащъ, всегда имѣвшійся въ запасѣ для этого торжественнаго случая, и получалъ прозваніе *Сказочницы* (Märchen-Frau). Иногда, по смыслу пьесы, дѣти пѣли хоромъ, подобравъ къ тексту одну изъ тысячи мелодій, постоянно бродящихъ въ головѣ всякаго нѣмца. Иногда, если баллада была любимая, принимали участіе въ чтеніи нѣсколько человѣкъ. Это всегда случалось напримѣръ при чтеніи любимой сказки о Синей Бородѣ, на томъ интересномъ мѣстѣ, гдѣ сестра Анна смотритъ въ окно замка. Прежде Сказочница прочтетъ бывало грубымъ голосомъ:

Schwester Aennchen, siehst du nichts?
(Что ты Аннушка тамъ видишь)?

А другіе отвѣчаютъ за Анну:

Stäubchen fliegen, Gräschen wehen.
(Травка гнется, пыль несется).

потомъ снова сказочница:

Aennchen lässt sich sonst nichts sehen?
(А за пылью что несется)?

и непріятный отвѣтъ:

Schwesterchen, sonst seh' ich nichts.
(Я не вижу ничего).

Потомъ Сказочница кончала балладу одна, и заключительная строфа принималась залпомъ рукоплесканій и смѣха. Какъ бы этотъ залпъ удивилъ добраго отца, еслибы онъ былъ дома. А мать, услыша шумъ, иногда выходила изъ кухни и призывала собраніе къ порядку — приличія ради; въ сущности же добрая женщина любила слушать дѣтей, и часто подпѣвала хору, перебирая въ кухнѣ бѣлье.

Вотъ наконецъ, послуживши въ продолженіи многихъ лѣтъ любимою забавою Николина дня, книга сказокъ начала терять свое обаяніе. Въ послѣдній разъ уже чтеніе было просто неудачно, не потому, что старую книгу замѣнила новая, и не потому, что дѣти выросли изъ ея сказокъ; причинилъ паденіе ея Фридрихъ.

Его быстро шагающее развитіе, продолжительныя чтенія въ книжной лавкѣ, о которыхъ сестры и братья ничего не знали, пробудили въ немъ чувство презрѣнія къ единственной книгѣ, которой ежегодно воздавался такой почетъ; и когда онъ, облекшись въ доспѣхи Сказочницы, читалъ въ свою очередь вслухъ, чтеніе его сопровождалось безпрестаннымъ зѣваніемъ. Эффектъ паденія книги не ограничился однимъ разомъ; не только въ тотъ день, но и послѣ дѣти постоянно чувствовали, что обаяніе *Сказочницы* исчезло, и ихъ очень обезпокоилъ этотъ фактъ.

Наконецъ, въ одинъ лѣтній день того года, въ который исторія началась, одного изъ мальчиковъ поразила—какъ онъ говорилъ — богатая мысль; а такъ какъ богатыя мысли вообще составляютъ рѣдкость, то онъ поспѣшилъ созвать въ саду конгрессъ изъ братьевъ и сестеръ. Было какъ разъ свободное время, и они скорёхонько собрались вокругъ липоваго дерева, а младшая

шестилѣтная сестра явилась на совѣтъ, крѣпко сжимая въ объятіяхъ книгу съ балладами.

Фридрихъ началъ обвинительный актъ описаніемъ того, какъ старая книга начала терять интересъ съ самаго Николина дня. «Мы не то что разлюбили эти разсказы, говорилъ онъ, а мы ихъ слишкомъ хорошо знаемъ». Какую бы балладу ни выбрала Märchen-Frau, каждая строка ея была всѣмъ такъ знакома, что казалось даже глупо повторять её. Соображаясь съ этими обстоятельствами, становилось очевидно, что самое любезное, что они могли сдѣлать относительно старой книги, это — забыть ее.

«Откажемся теперь же всѣ отъ нея ради будущаго удовольствія», говорилъ мальчикъ; «спрячемъ ее до слѣдующаго Николина дня и постараемся забыть ее сколько возможно».

Но тутъ возникалъ вопросъ: куда запрятать книгу? Изобрѣтательный братъ представилъ слѣдующій планъ. Въ каменной стѣнѣ, окружавшей садъ, нѣсколько кирпичей отстали, и если ихъ отнять, получится отличная пещерка, какъ будто нарочно для дѣтей сдѣланная; они хорошенько завернутъ книгу, заложатъ ее въ стѣну и снова вложатъ кирпичи на мѣсто. Предложеніе было принято ко всеобщему удовольствію. «Быть по сему», сказалъ изобрѣтатель въ заключеніе. «Рѣшено окончательно. Сказочница должна быть замурована въ стѣну».

Она и была замурована немедленно, получивъ прощальные поцѣлуи отъ осудившихъ ее. Младшая дѣвочка втайнѣ надѣялась, что въ декабрѣ Св. Николай чудотворецъ положитъ на это мѣстечко новую книгу съ новыми сказками. «Впрочемъ я не думаю, что буду любить новую книгу», прибавила она.

Идя домой, дѣвочка встрѣтила Фридриха, шедшаго изъ книжной лавки.

«Фридрихъ», сказала она торжественнымъ голосомъ, «мы замуровали «Märchen-Frau».

— «Вотъ какъ»? —

Больше Фридрихъ ничего не сказалъ; и если бы у него спросили, что ему объявила сестра, онъ и не зналъ бы что отвѣчать. Не мудрено, — онъ шелъ изъ книжной лавки.

Лѣто прошло, и дѣти оставались вѣрны рѣшенію. Младшая дѣвочка иногда садилась у стѣны и утѣшала Märchen-Frau обѣщаніемъ, что скоро ее вынутъ, но не тронула ни одного кир-

пича. Было что-то трогательное въ добровольномъ отреченіи дѣтей отъ любимой забавы.

Отецъ слишкомъ часто отлучался, мать слишкомъ была занята, чтобы замѣтить утрату. Мари, правда, замѣтила и спрашивала дѣтей; но ее умоляли не выдавать секрета, и она молчала. Зима подходила. Въ одномъ изъ мальчиковъ замѣтили перемѣну; онъ безпокоился, тревожился, и наконецъ открылся, что какъ ни старался, не могъ забыть стихи изъ Märchen-Frau.

«Какъ будто нарочно», ворчалъ онъ въ негодованіи, «чѣмъ ближе подходитъ время, и чѣмъ больше я стараюсь забыть, тѣмъ яснѣе помню каждую балладу. Вы знаете, моя любимая — Синяя Борода; ну вотъ, я и старался въ ней забыть каждое слово; и когда пришла бы моя очередь быть сказочницей, я хотѣлъ опять ее читать. А теперь, какъ на зло, эта самая сказка такъ и бродитъ у меня въ головѣ. Точно нарочно». —

Тутъ невольно вся компанія, успѣвшая повидимому забыть не больше его, крикнула веселымъ хоромъ:

«Blaubart war ein reicher Mann».
(Жилъ богатый человѣкъ).

«О молчите», вскричалъ мальчикъ. «И такъ ужъ она у меня изъ головы не выходитъ, особенно этотъ стихъ:

Stark war seines Körpers Bau,
Feurig waren seine Blicke;
Aber ach! ein Missgeschicke!
Aber ach! sein Bart war blau.

(Былъ онъ статенъ, какъ герой,
Храбръ, силенъ, огонь во взорѣ;
Только вотъ въ чемъ было горе —
Былъ онъ—съ синей бородой).

«Въ воскресенье, когда священникъ читалъ проповѣдь, мнѣ вдругъ пришло въ голову, и я чуть не сказалъ вслухъ: былъ онъ съ синей бородой! Сегодня въ школѣ учитель спросилъ меня о Соломонѣ; я ничего не могъ припомнить кромѣ стиховъ: былъ онъ съ синей бородой! Я старался всю недѣлю какъ только могъ, но чѣмъ больше стараюсь, тѣмъ лучше запоминаю каждое слово. Это ужасно!»

Это было дѣйствительно ужасно; но мальчикъ отчасти утѣшался тѣмъ, что память его сестеръ и братьевъ оказалась тоже не дурною. Эти баллады не такъ то легко было забыть.

Дѣти всѣ пріуныли за исключеніемъ Фридриха; тотъ, по обыкновенію, отдавалъ только половину вниманія текущему вопросу; онъ разсѣянно напѣвалъ про себя мелодію изъ Синей Бороды. Остальные объявили, что единственная надежда возлагалась на Николинъ день, а именно, что можетъ быть въ старой книгѣ очутятся новыя баллады, — и всѣ отправились къ запрятанной книгѣ; позади всѣхъ бѣжала малютка, стиснувъ губки и широко раскрывъ глазки отъ страха и ожиданія. Вынули кирпичи, развернули книгу. Увы! все было тоже, даже плохая гравюра, изображавшая Синюю Бороду въ ту минуту, какъ онъ точитъ свой палашъ. Перемѣна состояла лишь въ томъ, что переплетъ какъ будто пострадалъ отъ сырости. Книгу бросили съ досадой; только одна малютка подхватила ее и прижала къ себѣ, покрывая слезами и поцѣлуями. Обаяніе Märchen-Frau исчезло на вѣки.

Всѣ дѣти были не въ духѣ и по обыкновенію пріискивали на кого бы свалить вину. Фридрихъ подвернулся въ эту минуту, и они напали на него съ упреками въ недостаткѣ участія къ ихъ общему горю. Мальчикъ очнулся отъ задумчивости и началъ защищаться: онъ говорилъ, что и ему очень жаль, но что только онъ не знаетъ, стоитъ ли такъ хлопотать изъ за какихъ то балладъ, въ которыхъ нѣтъ ничего особеннаго.

Это была уже явная ересь, и его съ негодованіемъ просили сказать, гдѣ же можно было достать что нибудь подобное, если уже и Николинъ день ничего не принесъ. Тутъ Фридрихъ сказалъ что-то, что въ переводѣ вышло бы очень некрасиво. Тѣмъ не менѣе, это все же былъ не отвѣтъ на вопросъ: гдѣ достать балладъ? И вотъ новая буря собралась надъ головой Фридриха: его мучили, дразнили, и онъ,—вѣроятно чтобъ отвязаться,—сказалъ, что и самъ не хуже бы сочинилъ. Это дало другой оборотъ дѣлу. Дѣти и прежде безсознательно вѣрили въ талантъ Фридриха, и теперь они не видѣли причины, почему бы онъ не могъ сдѣлать того, что говорилъ; поэтому начали его ласкать также немилосердно, какъ бранили пять минутъ назадъ.

«Милый Фридрихъ! Дорогой братецъ! Напиши для насъ балладу. Мы знаемъ: ты можешь».

— «Я не могу,» сказалъ Фридрихъ, «это вздоръ, я пошутилъ.»

— «Нѣтъ, не вздоръ. Мы знаемъ, что ты можешь! Милый Фрицъ, потѣшь насъ!»

— «Пожалуйста,» заговорилъ кто-то, «еще вчера мама говорила: *Фридрихъ не можетъ сдѣлать ничего полезнаго; онъ ни на что не способенъ.*» А если ты напишешь стихотвореніе, ты сдѣлаешь больше, чѣмъ всѣ мы, даже чѣмъ всѣ въ городѣ. А если ты хоть одно что нибудь сочинишь, ты и дальше пойдешь, и будешь какъ Гансъ Саксъ, или какъ двѣнадцать мудрыхъ учителей, про которыхъ ты часто разсказываешь.

Даже имя Ганса Сакса не сдѣлало на Фридриха такого впечатлѣнія, какъ одна фраза изъ всего этого спича; она одна его убѣдила: — *Фридрихъ не можетъ сдѣлать ничего полезнаго.*

— Я посмотрю, что̀ я могу сдѣлать, сказалъ онъ, и поспѣшно вышелъ. Скорѣе изъ сада на дорогу, скорѣе къ мельницѣ; тамъ онъ могъ постоять надъ ревущей водой и поговорить самъ съ собою вслухъ. «Фридрихъ ни на что не способенъ? Да, я напишу балладу»!

Онъ пошелъ домой, собралъ нѣсколько лоскутковъ бумаги и началъ.

Въ продолженіи шести дней онъ начиналъ шесть балладъ и всѣ шесть разорвалъ. На седьмой день онъ мучился, придумывая завязки, и ни одною изъ нихъ не былъ доволенъ. Была у него и красавица, и жестокій родитель, и злая сестра, и прекрасный рыцарь, и замокъ на Рейнѣ; онъ пускался въ описанія романическихъ похожденій, описывалъ встрѣчи при лунѣ, похищенія, погоню, плѣнъ, отчаяніе, самоубійство и появленіе призрака, плывущаго по рѣкѣ и ломающаго руки передъ окномъ замка. Кажется, больше этого ни одинъ авторъ не можетъ сдѣлать для своей героини, а нашъ авторъ былъ все таки недоволенъ. Онъ самъ еще мало зналъ жизнь и ощущалъ безотчетное отвращеніе къ ноющимъ печалямъ своихъ героевъ, которые еще въ довершеніе всего были такъ досадно похожи на всѣхъ героевъ и героинь, о которыхъ онъ читалъ. Одну потребность сознавалъ онъ ясно,—быть оригинальнымъ. Полунадеждъ онъ не признавалъ.

Съ неустрашимостью дѣтскаго самолюбія онъ твердо рѣшился дойти до того совершенства, на какое былъ способенъ, и постараться, чтобы это совершенство было совершеннѣе всего, что другіе когда либо совершали.

Провалившись въ сентиментальномъ родѣ, онъ попробовалъ написать что нибудь смѣшное. Вѣроятно же не трудно написать дѣтскую сказку, въ родѣ Синей Бороды, Чиндереллы, и т. д. Онъ началъ Пѣснь Дитяти,—но ошибся: написать оригинальную дѣтскую балладу оказалось всего труднѣе. Нѣсколько разъ онъ принимался; наконецъ однажды, выбившись изъ силъ, легъ въ постель въ безнадежномъ горѣ. Но грусть разочарованія мало по малу уступила мѣсто мечтамъ. И вотъ ему приснилось, что онъ отыскиваетъ на полкахъ въ книжной лавкѣ обрывокъ бумаги, на которомъ онъ только что писалъ. Бумагу онъ найти не можетъ, но натыкается на изящно переплетенные томы Петрарка. Открываетъ одинъ томъ и видитъ тамъ не итальянскій текстъ, а собственную свою балладу, ту самую, которую онъ не могъ написать, напечатанную нѣмецкимъ шрифтомъ; его имя стоитъ на заглавной страницѣ. Онъ беретъ въ руки книгу и выходитъ изъ лавки, и кажется ему во снѣ, что онъ взрослый человѣкъ. Сходитъ онъ съ лѣстницы; народъ обступаетъ его съ радостными восклицаніями, женщины приподнимаютъ дѣтей, чтобы показать имъ великаго человѣка! Онъ опять идетъ въ лавку и видитъ за прилавкомъ улыбающагося купчика,—точь въ точь на яву; и улыбается и кланяется онъ, точно какъ бывало кланялся и улыбался всѣмъ посѣтителямъ, приходившимъ за книгами; Фридрихъ такъ часто видѣлъ эти сцены.

«Сколько продали вы этихъ книгъ?» спрашиваетъ онъ.

«Сорокъ тысячъ,» отвѣчаетъ ему купецъ съ поклономъ и улыбкой.

«Сорокъ тысячъ! Значитъ весь свѣтъ читаетъ ихъ. Вотъ она—слава!»

Онъ выходитъ изъ лавки и черезъ рукоплещущую толпу направляется къ своему дому. Отецъ встрѣчаетъ его и предлагаетъ трубку и кружку пива, точно бургомистру. Онъ садится. Входитъ мать; онъ встаетъ, чтобы поцѣловать ее, и роняетъ на полъ кружку. Кракъ! Кружка съ шумомъ разбивается, и онъ вскакиваетъ. Оказывается, что онъ въ постели, но что дѣйствительно

столкнулъ кружку съ водой, которую поставилъ было поближе къ себѣ, чтобъ утолять жажду во время лихорадочныхъ безсонныхъ часовъ.

Онъ *не великій*, и даже *не человѣкъ*, а — *дитя!* Баллады онъ не написалъ, а кружку разбилъ: *Фридрихъ ни къ чему не способенъ.*

Онъ спряталъ лицо въ подушку и горько заплакалъ.

Но скоро мало по малу успокоился. Вставать было еще рано; онъ лежалъ, страдая внутренно. Къ своимъ прежнимъ преступленіямъ, онъ прибавилъ еще одно: разбилъ кружку.

Надо же, надо что нибудь сдѣлать. Только не смѣшную балладу. Онъ лучше напишетъ что нибудь ужасное, жалкое, что заставитъ плакать и другихъ, какъ онъ самъ плакалъ. Герой его пойдетъ бродить по всему свѣту за счастьемъ; а вернувшись, найдетъ свою возлюбленную въ монастырѣ. Но— это старая исторія. Ну, хорошо, будетъ по другому: герой пойдетъ самъ въ монастырь. Но и это не особенно ново. Или такъ сдѣлать: оба они будутъ долгое время въ заключеніи и увидятся только когда и онъ и она будутъ пострижены! Но вѣдь это изъ стараго-то старое.... И Фридрихъ отказался разъ навсегда отъ романическихъ происшествій. Ясное дѣло, въ нихъ онъ былъ не силенъ.

Потомъ онъ придумалъ описать большое семейство и уморить всѣхъ чумой. Но не говоря о томъ, что дальше смерти уже нечего было придумывать, самая идея ему показалась не достаточно грустною. Мысль о смерти никогда не представляетъ дѣтскимъ умамъ, полнымъ вѣры въ жизнь,той мрачности, какую видятъ въ ней умы болѣе опытные, знающіе и цѣнящіе жизнь.

Нѣтъ, повѣсть о чумѣ можетъ быть очень трогательна, но она не довольно жалка, по крайней мѣрѣ для Фридриха.

Онъ наконецъ пришелъ къ тому заключенію, что всякая скорбь, какую бы онъ ни придумалъ для своихъ героевъ, терялась при сравненіи съ его собственною дѣйствительною скорбью, охватившей всю его молодую жизнь; и вдругъ—великая идея озарила его. Какъ это глупо не догадаться раньше!

Онъ напишетъ исторію, жалкую, горькую исторію великаго человѣка, родившагося въ смиренной долѣ; личныя достоинства

возвысятъ его надъ ничтожной средой, и покажутъ ему путь къ славѣ. Онъ будетъ трудиться, бороться, достигать, и когда его надежды и молитвы какъ будто начнутъ исполняться, когда близка будетъ награда за труды . . . . . онъ проснется! онъ почувствуетъ, что все было сонъ; онъ пойметъ, что также далекъ отъ славы, какъ и былъ, и вѣроятно никогда не достигнетъ ея. Вотъ тутъ довольно и скорбнаго и трагическаго! Теперь слѣдуетъ писать балладу!... На другой день Фридрихъ ворвался въ книжную лавку.

«Ну что тамъ еще?» спросилъ, добродушно улыбаясь, купецъ.

«Позвольте мнѣ бумажки,» говорилъ задыхаясь Фридрихъ; «побольше, если можно, и потомъ, пожалуйста, нельзя ли мнѣ сейчасъ же уйти. Я приду убирать вашу лавку въ концѣ недѣли; а сегодня я очень занятъ».

— Я вынужденъ пожертвовать чистотой моей лавки,—сказалъ высокопарно книгопродавецъ, — болѣе важнымъ требованіямъ, какъ напримѣръ твое требованіе, дитя мое, хотя оно мнѣ и не нравится. Ты блѣденъ, какъ бумага, которую я тебѣ съ удовольствіемъ даю. Я молчу, но кое-что вижу. Ты будешь писателемъ, но ты еще не сдѣлался мыслителемъ, Фридрихъ. Въ твоей философіи недостаетъ равновѣсія. Ты успѣлъ свалить три книги и стулъ съ тѣхъ поръ какъ вошелъ въ лавку. Успокойся, дитя, помни что если даже дѣйствительно вѣчно связанное недвижимое условіе вѣчнаго тяготѣнія, и т. д. и т. д....

Наконецъ Фридрихъ дома. Какъ онъ провелъ слѣдующіе три дня, онъ и самъ не помнилъ. Дома онъ толкался взадъ и впередъ съ неловкостью идіота, въ школѣ былъ такъ нестерпимо глупъ, что только благодаря прежнимъ заслугамъ, его не высѣкли.

Наканунѣ Николина дня, учитель отпускалъ его домой съ сердитымъ вопросомъ: не намѣревается ли онъ всю жизнь остаться неучемъ? Фридрихъ пошелъ домой, а въ головѣ у него раздавались двѣ фразы:

Не намѣреваюсь ли я остаться неучемъ на всю жизнь?

Фридрихъ ни на что неспособенъ.

«Сегодня вечеромъ баллада *должна* быть окончена!»

Онъ рѣшился просидѣть вечеромъ дольше обыкновеннаго, спрятался за большимъ комодомъ,—и тамъ писалъ, писалъ, покуда не почувствовалъ, что сердце у него забилось, и голова какъ будто хотѣла треснуть.

Вдругъ мать хватилась его, вспомнивъ, что онъ съ ней не прощался. Его вытащили изъ-за комода и послали спать.

Онъ взялъ свѣчку и пошелъ тихонько на антресоли; къ счастію другіе спали. Онъ легъ, но свѣчи не погасилъ, а заслонилъ ее шкатулкой, чтобъ не обезпокоить никого свѣтомъ, досталъ бумагу и сталъ опять писать.

Баллада готова; надо только хорошенько переписать для Märchen-Frau; это было всего труднѣе, — ночью, въ жару, въ лихорадкѣ, переписывать уже оконченную вещь; но онъ работалъ не на шутку, наконецъ окончилъ дрожащими руками и сунулъ переписанное подъ подушку. Тогда онъ сѣлъ на постель и посмотрѣлъ вокругъ. Время проходило; онъ сидѣлъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, сидѣлъ,—потому что боялся лечь. Тяжелый трудъ былъ оконченъ, но напряженный умъ, переставъ мыслить, наполнился призрачными ужасами. Онъ не смѣлъ загасить свѣчу, и слабое ея сіяніе дѣлало мракъ еще болѣе ужаснымъ. Онъ не смѣлъ обернуться, хотя и зналъ, что сзади ничего особеннаго нѣтъ; дрожалъ, слыша какъ что то скребется, хотя и зналъ, что это мыши.

Вдругъ что-то освѣтило окно; послышалось хоровое пѣніе, и сердце мальчика сильно забилось. Это буйные студенты возвращались домой съ факелами. Потомъ свѣчка вспыхнула и потухла. Далѣе Фридрихъ не могъ выносить; онъ бросился съ постели къ тому мѣсту, гдѣ свѣтъ шелъ по лѣстницѣ снизу изъ кухни. Тамъ герой нашъ присѣлъ, не смѣя двинуться, и утѣшался звуками жизни снизу. Но это его утомило; а назадъ онъ не смѣлъ идти. Онъ видѣлъ, какъ взошелъ къ нимъ сосѣдъ; онъ могъ видѣть фигуры всѣхъ проходившихъ по кухнѣ. Прошла его сестра; свѣтъ падалъ на ея русыя косы. Онъ рискнулъ позвать потихоньку: Мари! Мари! Она остановилась на минуту, потомъ прошла дальше; но чрезъ нѣсколько минутъ вернулась и начала всходить по лѣстницѣ, положивъ палецъ на губы, чтобы напомнить Фридриху объ осторожности. Онъ и не нуждался въ предостереженіяхъ; онъ зналъ, что еслибы отецъ

услышалъ шумъ, то счелъ бы первымъ долгомъ родителя строго наказать сына за его безумное поведеніе, чтобы искоренить зло въ началѣ.

Мальчикъ поползъ на постель; Мари пошла за нимъ.

Въ жизни даже великихъ людей бываютъ иногда минуты малодушія. Пока въ умѣ все твердо и ясно, пока вокругъ насъ вдоволь и свѣта и добрыхъ людей, тогда пріятно и возможно, снисходительно улыбаясь, говорить о безполезности женщинъ. Но бываютъ и такія минуты, когда не совсѣмъ непріятно укрыться въ добрыя женскія объятія, зная, что онѣ пожалѣютъ не распрашивая, зная, что подъ ихъ защитой даже безумецъ можетъ не краснѣть за свое безуміе. И какъ полезно для сильныхъ умовъ,—которые способны возноситься при каждомъ новомъ открытіи и падать духомъ при каждомъ сомнѣніи,—имѣть при себѣ нѣжнаго утѣшителя въ образѣ женщины, въ глазахъ которой читаешь участіе, теплоту и ласку.

Вотъ такое именно лицо смотрѣло теперь на Фридриха. Онъ обхватилъ руками шею Мари, склонилъ на ея плечо свою голову, и ему стало такъ хорошо!

Послѣ многихъ, многихъ поцѣлуевъ она спросила: «что, дорогой мой?»

— «Кажется, я такъ и не засну,» отвѣчалъ Фридрихъ.

Мари ничѣмъ не отозвалась на его замѣчаніе. И Фридрихъ молчалъ; ему было хорошо; такъ хорошо, что хотя онъ и пренебрегалъ мнѣніемъ сестры въ подобныхъ случаяхъ, а тутъ спросилъ ее шопотомъ: «Мари, ты не думаешь, что самое лучшее для человѣка, это—сдѣлаться великимъ? Трудиться, стремиться и наконецъ добиться имени великаго человѣка?»

— «Нѣтъ,» отвѣчала Мари, тоже шопотомъ, но очень рѣшительно.

«Отчего нѣтъ, Мари?»

— «Быть великимъ прекрасно, и какъ бы я рада была видѣть въ тебѣ великаго человѣка, Фридрихъ! но лучше всего быть добрымъ. Великіе люди рѣдко счастливы. Конечно, если они при этомъ и добрые люди, тогда имъ много славы; тогда можно къ нимъ примѣнить слова бѣдныхъ язычниковъ Ликаоніи: *боги сошли къ намъ во образѣ людей*. И если тебѣ выпадетъ на долю быть великимъ человѣкомъ, помни, Фридрихъ, что не

великія, а *хорошія* качества могутъ доставить тебѣ душевное спокойствіе. Впрочемъ нѣтъ, лучше сказать,—совсѣмъ не качества твои, а только милость Божія одна можетъ успокоить тебя.»

Въ этомъ мнѣніи Мари была, казалось, такъ непоколебима, что Фридрихъ ей и не возражалъ.

«Теперь я кажется засну,» сказалъ онъ; «очень тебѣ благодаренъ, Мари.»

Она его снова поцѣловала, благословила, пожелала ему доброй ночи, и стала спускаться по лѣстницѣ.

Фридрихъ опять остался одинъ. Ему сдѣлалось полегче, но все же онъ не могъ заснуть. Усталый, раздраженный, онъ устремлялъ глаза во мракъ, покуда не услыхалъ шаговъ на лѣстницѣ; тутъ онъ увидалъ..... Николая Чудотворца.

Вошла мать съ корзинкой въ рукѣ. Фридрихъ видѣлъ, какъ она пошла къ тому мѣсту, гдѣ были выставлены всѣ башмаки, въ томъ числѣ и его собственные.

Дѣти были далеко не безупречны, ничѣмъ не лучше другихъ дѣтей; но мать у нихъ, какъ видно, была предобрая, и плохо помнила прошедшіе грѣхи. Фридрихъ видѣлъ, какъ она наполняла одинъ башмакъ за другимъ пряниками и конфетами. Дошла очередь до его башмаковъ, и она остановилась.... Онъ поднялъ голову въ волненіи и гнѣвѣ. Правда, онъ былъ все время очень несносный мальчикъ, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ началъ свою балладу; но неужели она положитъ розги только въ его башмаки!! Онъ, кажется, все бы перенесъ, только не это.... Она между тѣмъ рылась въ корзинкѣ, и наконецъ вытащила — не розгу, нѣтъ! а завернутые въ бумагу пряники, его любимые пряники; она плотно набила ими башмаки, сверху наложила конфетъ, и ушла.

О мать! какъ ты добра! слишкомъ, слишкомъ добра! Онъ вспомнилъ свою вчерашнюю оплошность, свою вчерашнюю глупость, да и нетолько вчерашнюю, а съ нѣкотораго времени всегдашнюю; его что то поразило въ сердце, и вызвало давно готовыя слезы. Но онъ не долго плакалъ; онъ былъ счастливъ тѣмъ, что не поставленъ ниже братьевъ и сестеръ; онъ получилъ даже больше, чѣмъ они всѣ. Но что еще лучше: ему удалось подсмотрѣть св. Николая. И все это вмѣстѣ,—и пряники, и

материнская доброта, — все у него смѣшалось, и онъ крѣпко и сладко заснулъ.

На другой день, бросившись на шею матери, онъ объявилъ, что пряники были *такіе славные*.

«Только я не заслужилъ ихъ», прибавилъ онъ.

— «Ты исправишься, отвѣчала ему ласково мать. Ужь вѣрно Угодникъ зналъ, что ты всю недѣлю почти не обѣдалъ, вотъ и принесъ тебѣ любимыхъ пряниковъ, чтобы соблазнить тебя. Кушай же ихъ всѣ, дитя; будь увѣренъ, что ихъ еще много-много тамъ, откуда они явились».

— «Я очень благодаренъ тому, кто позаботился чтобъ ихъ было много», — сказалъ Фридрихъ.

Послѣ, накрывая на столъ вмѣстѣ съ Мари, добрая женщина сказала ей: «а вѣдь правда, что этихъ пряниковъ очень много тамъ, откуда они явились: лавка Луизы Япсенъ биткомъ набита ими. Но что это за мальчикъ у насъ! отъ него ничто не скроется. Его не напугаешь Св. Николаемъ».

Вотъ и день прошелъ; насталъ вечеръ. Отецъ на этотъ разъ самъ догадался уйти; ему захотѣлось повидаться съ бургомистромъ. Дѣти не знали что дѣлать отъ нетерпѣнія услышать балладу Фридриха.

Онъ не захотѣлъ читать ее самъ; атаковали Мари, и вотъ она разодѣта въ капоръ и плащъ и произведена въ Mährchen-Frau. Самъ авторъ сѣлъ въ кресло съ такимъ блѣднымъ и жалкимъ лицомъ, какъ будто его приговорили къ казни. Онъ болѣзненно отличался отъ своихъ румяныхъ братьевъ и сестеръ, и казалось уже начиналъ испытывать на себѣ истину упорнаго мнѣнія Мари, что великіе люди не самые счастливые люди.

Баллада была уже въ рукахъ у Mährchen-Frau и ей объявили имя автора. Она быстро взглянула на сочиненіе и спросила, правда ли, что Фридрихъ все самъ сочинилъ. Дѣти подтвердили это,—и Мари начала.

Молодой поэтъ имѣлъ повидимому музыкальное ухо; стихи были плавны, стройны, размѣръ болѣе чѣмъ сносенъ. Когда герой баллады началъ трудиться усерднѣе и усерднѣе, и все болѣе и болѣе возвышаться надъ окружавшею его средою, дѣти захлопали въ ладоши и заявили, что это точь въ точь Фридрихъ.

Только зачѣмъ, въ то время какъ герой былъ на вершинѣ благополучія, и слушатели радовались его успѣхамъ, зачѣмъ чудакъ сочинитель закрылъ лицо руками и заплакалъ тихо и горько?

Поглотившее его горе было повидимому такъ тяжко, что онъ и не замѣтилъ, какъ Мари остановилась на минуту, потомъ снова продолжала; не слышалъ, что въ комнату кто-то вошелъ; не зналъ того, что отецъ съ бургомистромъ стояли позади его стула.

Сказочница продолжала балладу; герой очнулся отъ мимолетнаго счастія къ дѣйствительности и оплакивалъ въ стихѣ за стихомъ тяжкое бремя рожденія, бѣдности и обстоятельствъ, которое мѣшало ему вступить на путь славы. Баллада была окончена....

Вдругъ Фридрихъ услышалъ голосъ, испугавшій его чуть не до обморока. Отецъ спрашивалъ сурово: что все это значитъ?

Потомъ Фридрихъ какъ будто видѣлъ, какъ Мари встала съ мѣста съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица, и слышалъ, какъ она сказала:

«Это сочиненіе Фридриха. Онъ самъ все это написалъ, каждое слово. А ему только двѣнадцать лѣтъ.» Она указала при этомъ на него, а то бургомистръ пожалуй и не узналъ бы въ измятой, жалкой фигурѣ—генія семьи.

Заговорилъ и бургомистръ; его слова Фридрихъ едва понималъ; только заключеніе его рѣчи онъ ясно понялъ.

«Богъ благословилъ меня достаткомъ, но не благословилъ дѣтьми, сосѣдъ. И женѣ моей и мнѣ стыдно было бы, если бы такой геній пропалъ для свѣта, за неимѣніемъ денегъ. Отдай мнѣ этого ребенка. Онъ получитъ хорошее образованіе и будетъ великимъ человѣкомъ».

— «Я не стану ему поперегъ дороги,» сказалъ отецъ, «и не ослушаюсь вашихъ приказаній, бургомистръ. Незнаю, какъ благодарить васъ за ваши ласки. Съ Божіею помощію, я надѣюсь, онъ будетъ славою своего города.»

— «Съ Божіею помощію онъ будетъ славою своей страны,» отвѣчалъ бургомистръ.

Слова эти раздавались какъ эхо, какъ колокола, въ ушахъ

Фридриха; они стояли у него передъ глазами, какъ будто онъ читалъ ихъ въ книгѣ; они напечатлѣлись въ его сердцѣ, какъ будто врѣзались въ него желѣзнымъ перомъ: *Съ Божіею помощію онъ будетъ славою своего города. Съ Божіею помощію онъ будетъ славою своей страны.—Онъ получитъ обширное образованіе и сдѣлается великимъ человѣкомъ.*

Фридрихъ постарался встать на ноги и поблагодарить бургомистра, но не могъ проговорить ни слова. Бургомистръ, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы подумать, что мальчикъ—идіотъ; до того лицо его было блѣдно и исковеркано позывами къ слезамъ и смѣху. Какой-то туманъ началъ застилать его глаза, и въ туманѣ онъ видѣлъ, какъ голова бургомистра качалась взадъ и впередъ, также голова отца и матери, и голова Мари, съ состраданіемъ смотрѣвшей на него. Ему хотѣлось ей высказать, что онъ и теперь уже великій человѣкъ, а между тѣмъ совершенно счастливъ; но—онъ только и могъ разразиться слезами, потомъ смѣхомъ, потомъ острая боль стрѣльнула ему въ голову,—и онъ потерялъ сознаніе....

Фридрихъ смутно помнилъ, что было послѣ того: какъ его положили въ постель, какъ онъ заснулъ, и какъ тяжело заснулъ. Проснувшись, онъ увидалъ у своей постели Мари. Въ комнатѣ было темно. Мари сказала, что она съ нимъ посидитъ пока мать въ кухнѣ. Фридрихъ, помолчавъ съ минуту, сказалъ:

«Я счастливъ, Мари.»

— «Очень рада, дружочекъ.»

— «Ты думаешь, отецъ позволитъ бургомистру дать мнѣ воспитаніе, Мари?»

— «Да, милый, я знаю, что позволитъ.»

— «Какъ онъ добръ, если такъ,» сказалъ задумчиво Фридрихъ; «вѣдь онъ назначалъ меня себѣ въ помощники. Но я ему буду помогать послѣ. И знаешь, Мари, я буду добрый человѣкъ, и когда разбогатѣю, буду много помогать бѣднымъ.»

— «Ты будешь добрый человѣкъ, прежде чѣмъ сдѣлаться богатымъ, я надѣюсь,» сказала Мари. «Въ насъ цѣнятъ то, что въ насъ есть, а не то, чего нѣтъ. Въ тебѣ есть великій талантъ и ты отдашь его Богу, чѣмъ бы онъ тебя ни сдѣлалъ, богатымъ или бѣднымъ. Не правда-ли, милый?»

— «То есть какъ, Мари? Ты хочешь сказать, что я ничего не долженъ писать, кромѣ духовныхъ стихотвореній?»

— «Нѣтъ, нѣтъ; я не то хочу сказать,» сказала она. «Я такая неученая, и не знаю, какъ тебѣ это объяснить. Видишь ли: геній—это такой великій, такой опасный даръ. Фридрихъ! обѣщай мнѣ вотъ что: никогда не писать ничего противъ вѣры и ученія Спасителя, никогда не употреблять благодатнаго дара поэзіи на прикрытіе безобразія грѣховъ. Помни, что мы всѣ, пока живемъ, обязаны видѣть грѣхъ въ настоящемъ свѣтѣ, и мужественно бороться съ нимъ.»

— «О, Мари, и ты думала, что я могу быть такимъ негодяемъ!»

— «Нѣтъ. нѣтъ,» сказала она, осыпая его поцѣлуями. «Я знаю, ты будешь и хорошій и великій, и мы всѣ будемъ гордиться нашимъ братцемъ! Пошли тебѣ Боже бойкое перо, и благодать, чтобы употреблять его на славу Ему!»

«Да будетъ такъ!» сказалъ онъ. «Богъ поможетъ мнѣ! Я буду сочинять чудесные гимны для тебя, Мари, и когда умру, пускай ихъ поютъ въ церквахъ. Они будутъ въ родѣ того вечерняго гимна, который мы часто поемъ. Спой-ка, сестрица.»

Мари прокашлялась и начала сначала тихо, потомъ громче, громче, и наконецъ запѣла на весь домъ—чудесный старый гимнъ.....

Мальчикъ лежалъ, упиваясь незатѣйливыми звуками вокальной музыки, которая такъ сроднилась съ германскимъ ухомъ; онъ, лежа въ постели, старался вторить въ полголоса; мать, внизу за работою, невольно подхватила мелодію и тоже присоединила къ ней свой голосъ. Звонкій голосъ Мари проникъ и на улицу; одинъ прохожій услышалъ пѣніе, и, подтягивая басомъ, пошелъ своей дорогой. Еще гимнъ не былъ оконченъ, а Фридрихъ уже крѣпко спалъ....

Эта ночь была послѣдняя ночь горькаго, убогаго дѣтства Фридриха.

Герцогъ — былъ просвѣщенный и великодушный человѣкъ, щедрый покровитель наукъ и искусствъ, литераторовъ и ученыхъ. Онъ былъ не геніальный, но даровитый человѣкъ: нем-

ножко писатель, чуть-чуть музыкантъ и слегка художникъ. Онъ иногда печаталъ свои сочиненія и украшалъ рамками свои картины. Но что было въ немъ всего дороже и замѣчательнѣе, это—его искреннее и чистосердечное сочувствіе талантамъ по художеству и искусству (тогда какъ часто случается, что высоко поставленныя посредственности съ пренебреженіемъ относятся къ дѣйствительнымъ талантамъ, занимающимъ низшее, сравнительно съ ними, положеніе въ обществѣ). Онъ покупалъ хорошія картины, хотя самъ писалъ плохія; и вообще всѣ писатели, музыканты, художники и т. д., которые могли сказать мало лестнаго объ его произведеніяхъ, должны были по справедливости весьма лестно отзываться о его щедротахъ. Онъ особенно восторгался талантами, разцвѣтшими во мракѣ, и въ то время, какъ мы о немъ пишемъ (т. е. много лѣтъ спустя послѣ событій, разсказанныхъ выше) любимцемъ его былъ одинъ извѣстный поэтъ, сынъ незначительнаго торговца, родившійся въ незначительномъ городкѣ Германіи и воспитанный милостями покойнаго бургомистра. Теперь слава его гремѣла по всей Европѣ. Онъ посѣтилъ многіе дворы, былъ обласканъ царственными особами; его драматическія сочиненія игрались на сценахъ, томы его стихотвореній стояли на полкахъ книгопродавцевъ. Этотъ великій человѣкъ былъ—Фридрихъ.

Былъ прекрасный лѣтній вечеръ, и герцогъ, опираясь на руку любимца, гулялъ взадъ и впередъ по террассѣ. Герцогъ былъ (по обыкновенію) въ отличномъ расположеніи духа. Поэтъ (почти по обыкновенію) былъ скорѣе въ дурномъ, чѣмъ въ хорошемъ настроеніи. Они только что прочли критику на его сочиненія. Его, правда, хвалили, но разбирали не довольно глубоко и справедливо, и это его огорчало. Онъ какъ будто чувствовалъ (нельзя же запретить поэтамъ чувствовать!), что пѣвцу, способному на *такія* пѣсни, слѣдовало бы имѣть и критика, способнаго понимать его. Но добрый герцогъ былъ какъ-то особенно расположенъ шутить и ему сильно хотѣлось успокоить встревоженнаго Фридриха.

«Какіе же вы, геніи, однако неудобо-удовлетворяемыя созданія! Признайтесь, другъ мой, случалось ли вамъ когда нибудь, съ самаго начала вашей карьеры, съ удовольствіемъ выслушать какую нибудь похвалу или одобреніе?»

— «О, да!» сказалъ поэтъ, такимъ тономъ, какъ будто говорилъ: о, нѣтъ.

«Я не совсѣмъ этому вѣрю», сказалъ герцогъ. «Что еслибы я васъ попросилъ, могли ли бы вы описать мнѣ самый счастливый и самый пріятный для самолюбія моментъ вашей жизни?»

Новое выраженіе сверкнуло въ глазахъ поэта и освѣтило исхудалое лицо. Старинныя воспоминанія выступили передъ нимъ, и врядъ ли видѣлъ онъ тотъ пейзажъ, на которомъ въ эту минуту остановились его глаза. Но герцогъ, какъ ни былъ добръ, не догадался; онъ подумалъ, что Фридрихъ не разслышалъ его и повторилъ вопросъ.

«Да», сказалъ поэтъ, «конечно могъ бы».

— Ну, хорошо, дайте мнѣ отгадать, сказалъ шутливо герцогъ. Не тогда ли это было, когда ваша великая «Боадицея» въ первый разъ давалась въ Берлинѣ, и весь театръ всталъ какъ одинъ человѣкъ, чтобы достойно воздать хвалу? Я былъ бы не прочь, если бы моимъ произведеніямъ былъ оказанъ такой пріемъ. Тогда это было»?

— «Нѣтъ не тогда».

— «Или когда Его Величество Императоръ удостоилъ васъ пожалованіемъ золотой табакерки, осыпанной брилліантами, и соблаговолилъ выразить мысль, что ваши историческія драмы можно смѣло отнести къ разряду отличнѣйшихъ произведеній поэтическаго генія»?

— «Его Величество», отвѣчалъ Фридрихъ, «храбрый воинъ, это правда; но критикъ онъ,—гмъ,—гмъ,—посредственный. Я табаку не нюхаю, а Его Величество стиховъ не читаетъ. Свиданіе было для меня лестно, но все не такъ лестно, какъ вы думаете».

— «Не тогда ли это было, когда вы были съ докторомъ Кранцемъ въ Г., и студенты, помните, дали въ честь васъ большой ужинъ и сопровождали вашу карету туда и обратно съ факелами»?

— «Бѣдные юноши!» сказалъ со смѣхомъ поэтъ; «имъ этотъ ужинъ былъ совсѣмъ не по средствамъ. Но я утѣшаюсь тѣмъ, что они точно также напились бы и въ честь кого нибудь другаго, напримѣръ того, кто вынулъ бы механику изъ университетскихъ часовъ, или сжегъ бы парикъ ректора. Меня прово-

жала домой далеко не степенная процессія, могу Васъ увѣрить. Они такъ совали другъ другу въ лицо факелы, что одинъ студентъ, какъ я потомъ слышалъ, принужденъ былъ расплачиваться восемью дуэлями за свою неловкость. Ахъ! и какъ же они горланили мои задушевныя пѣсни! Нѣтъ, нѣтъ! не тогда!»

Герцогъ смѣялся отъ души.

«Или въ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда германскія дамы и дѣвицы выражали свой восторгъ по своему, поднося его въ формѣ рукодѣлья и тому подобныхъ видимыхъ знаковъ сочувствія?»

— «Нѣтъ!» заревѣлъ Фридрихъ.

— «Такъ ли полно»? сказалъ герцогъ лукаво. «Мнѣ что то разсказывали о разныхъ кашне и туфляхъ, о букетахъ и локонахъ, даже о дюжинѣ шерстяныхъ чулокъ, будто бы связанныхъ для васъ какими-то прекрасными ручками».

— «Пощадите меня», стоналъ Фридрихъ съ презрительнымъ негодованіемъ. «У меня столько ихъ волосъ, что я могъ бы себѣ набить диванъ; моихъ кашне достало бы на цѣлый полкъ въ Сибири; туфлей, чулокъ! ....я продамъ ихъ, я сожгу ихъ! Я отослалъ бы ихъ назадъ, но барыни прислали мнѣ только свои собственныя имена, а догадываться, кто такое Луиза, Гретхенъ, Катерина и Беттина—это свыше силъ моихъ. Нѣтъ! нѣтъ!»

Когда они вдоволь насмѣялись, герцогъ продолжалъ свои распросы.

— «Не тогда ли это было, когда вы проходили случайно по улицамъ Дрездена, и толпа узнала васъ, подхватила на плечи и такъ несла до гостинницы?»

Минутный гнѣвъ слетѣлъ съ лица Фридриха, и онъ снова разсмѣялся.

«И когда тащившія меня личности такъ помяли мнѣ ногу, что я не могъ ходить въ продолженіи двухъ недѣль, не говоря о головной боли, вслѣдствіе безпрерывныхъ поклоновъ толпѣ по примѣру китайскихъ мандариновъ? Нѣтъ».

— «Былъ ли это какой нибудь тріумфъ, устроенный въ честь вашу въ чужихъ краяхъ?

— «Нѣтъ».

— «Ну, дражайшій мой геній, я больше не умѣю отгадывать. Скажите мнѣ сами, когда же была эта счастливая минута?»

— «Длинная исторія, Ваше Высочество, и занимательная только для меня одного».

— «Вы меня обижаете», сказалъ герцогъ. «Длинная исторія, разсказанная вами и про васъ, это слишкомъ хорошая вещь, чтобы ее выпустить изъ рукъ. Садитесь-ка и начинайте».

Желаніями покровителей пренебрегать не приходится, и поэтъ, хотя не охотно, сѣлъ и разсказалъ исторію своей баллады въ Николинъ день, которую мы уже знаемъ. Источникъ слезъ, обильный въ дѣтствѣ, высыхаетъ въ зрѣломъ возрастѣ; онъ не заплакалъ, но все таки онъ былъ взволнованъ, когда сказалъ въ заключеніе: «Каждое обстоятельство этого вечера также свѣжо въ моей памяти, какъ было тогда, и такъ останется до могилы. Эта радостная, торжественная минута никогда не потеряетъ своего блеска. Слова, когда-то вызвавшія меня изъ мрака отчаянія, обѣщавшія лучъ познаній моему невѣдѣнію, громкую славу моей убогой долѣ, слова эти и до настоящей минуты заставляютъ трепетать мое сердце и вызываютъ слезы надежды на мои, отвыкшіе отъ слезъ глаза:

«*Съ Божіею помощію онъ будетъ славою своего города*».

«*Съ Божіею помощію онъ будетъ славою своей родины*».

«*Онъ получитъ обширное образованіе и сдѣлается великимъ человѣкомъ*».

«Да это цѣлая поэма», сказалъ въ восхищеніи герцогъ. «Я скажу сегодня же вечеромъ при всѣхъ, что я самый счастливый человѣкъ въ Германіи. Я слышалъ вашу ненапечатанную поэму. Кстати, поэтъ, напечатана ли баллада»?

— «Нѣтъ, и никогда не будетъ напечатана. Ни одинъ критикъ не оцѣнитъ ея такъ тепло, какъ ее тогда оцѣнили».

— «И вы говорите серьезно? Дѣйствительно, это былъ самый пріятный для васъ тріумфъ, который вамъ когда либо доставилъ вашъ талантъ?

— «Совершенно серьезно», отвѣчалъ Фридрихъ. «Первый звукъ, изданный трубою славы, всегда самый пріятный. Впослѣдствіи намъ все кажется, что она беретъ не въ тонъ».

— «Ваши родители скончались»?

— «Да, и младшая сестра также».

— «А Марп»?

— «Она вышла замужъ за человѣка, который ея не стоитъ. Она такой ангелъ въ его домѣ, что онъ никогда не въ состояніи ее понять».

— «Видитесь ли вы съ ней»?

— «Иногда, когда мнѣ бываетъ нуженъ отдыхъ. Я посѣтилъ ее недавно; она нисколько не перемѣнилась. Я сѣлъ у ногъ ея, положилъ голову ей на колѣни и старался опять сдѣлаться ребенкомъ. Я упросилъ ее разсказать мнѣ сказку о Синей Бородѣ, и все старался забыть, что потерялъ уже дѣтскую простоту, которую она такъ хорошо сохранила; и мнѣ это почти удалось».

Они были у ступеней дворца.

— «Ваша повѣсть меня невыразимо заинтересовала и растрогала.» сказалъ Герцогъ. «Въ ней только одинъ недостатокъ. Она, какъ говорится, нехорошо кончается. Мнѣ кажется, вы и теперь не совсѣмъ счастливы.»

— «Я доволенъ», сказалъ Фридрихъ, «я даже счастливъ. Въ ребенка превратиться я никакъ бы не могъ, еслибы даже мнѣ удалось возвратить всю обстановку дѣтства. Пускай остается все какъ теперь; я счастливъ, потому что испыталъ уже на себѣ истину словъ Мари: хорошія, а не великія дѣла въ моей жизни, доставляютъ мнѣ душевное спокойствіе».

Этотъ Фридрихъ былъ — Фридрихъ Шиллеръ.

ОЧЕРКИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

I

Природа и люди на рѣкѣ Енисеѣ.

(Окончаніе).

Чѣмъ сѣвернѣе течетъ Енисей, тѣмъ берега его становятся болѣе плоскими, а непроходимыя чащи лѣсовъ все болѣе и болѣе мельчаютъ и рѣдѣютъ, и наконецъ переходятъ въ мелкія кривослыя деревья и кустарники; климатъ дѣлается суровѣе, и страшный сѣверовосточный вѣтеръ, безпрепятственно пробѣгающій пространства, лежащія у Ледовитаго моря, не даетъ деревьямъ расти въ вышину и толщину. Обогрѣтыя лѣтнимъ солнцемъ, они быстро выпускаютъ одинъ отростокъ за другимъ, но не имѣютъ силы и времени окрѣпнуть и, выпустивъ отростокъ, снова оковываются продолжительнымъ зимнимъ сномъ. Вслѣдствіе этого, на далекомъ сѣверѣ рѣдко-рѣдко встрѣтишь представителей величественныхъ хвойныхъ деревьевъ тайги, да и то средняго роста; большею же частью, этихъ представителей, на которыхъ привыкъ смотрѣть, поднявъ голову высоко къ верху, теперь приходится искать подъ ногами, гдѣ они стелятся мелкими кустарниками.

Подвигаясь на сѣверъ, старецъ Енисей несетъ свои воды все тише и плавнѣе, и такъ какъ онъ составляетъ почти единственный путь сообщенія, то, слѣдуя его теченію, знакомишься со всѣми разнообразными его видами—съ половодьемъ (разливомъ) и замерзаніемъ. Вотъ что разсказываетъ между прочимъ одинъ путешественникъ о замерзаніи Енисея.

«Отправился я изъ Енисейска внизъ 21-го сентября, въ холодъ и въ самое опасное время, когда въ Енисейскѣ уже порошилъ снѣгъ. Едва отплыли отъ города, какъ могучій Енисей захотѣлъ показать свою силу и пріучить на случай къ своему своенравному характеру. Боковой вѣтеръ закачалъ лодку, и вещи, покачиваемыя въ ней изъ стороны въ сторону, ударялись бокъ о бокъ, издавая разнообразные звуки.

Перекрикиванье кормчаго съ гребцами, однообразный полушумъ и полусвистъ проносящагося вѣтра, поплескиванье и глухой, какой то безразличный шумъ заходившей массы водъ Енисея, наконецъ, удары волнъ въ борта, то мрачно, глухо уходящихъ подъ лодку, то изъ глухаго звука переходящихъ въ ясный всплескъ волны, вздымающейся по лодкѣ вверхъ, съ пѣной на гребнѣ своемъ, все сливалось въ какую то дикую дѣвственную гармонію.

Вскорѣ потемнѣло; вѣтеръ стихъ, а съ нимъ и волны; не зналъ бы, казалось, гдѣ вода, гдѣ небо (такъ все стало изъ синя темно-сѣро), если бы материкъ съ своими горами и лѣсами не провелъ на склонѣ неба своего чернаго круга и не раздѣлилъ Енисея отъ неба узкою, черною но рѣзко—явственною (среди общаго однообразія природы) полосою.

Первый день прошелъ безъ особенностей: зыблющаяся поверхность Енисея, по прежнему сѣрая поверхность неба, да рѣдкій, безлистный, желтый лѣсъ—и болѣе ничего.

Съ вечера я уснулъ. Но ночью пробуждаюсь: — луна весело смотритъ на голубоватомъ небѣ, весело отражается на легкихъ волнахъ и горитъ почти разноцвѣтной полосой, въ аршинъ шириной, чрезъ все протяженіе Енисея къ окну моей каюты. Шума въ природѣ не было; какъ то пріятно—весело плескались волны о бортъ и явственнѣе всего слышалось безконечное и безостановочное *шш—уу—шш—уу;* на носу веселый смѣхъ и даже возня, вызвавшіе протяжное замѣчаніе кормщика: «эхъ, завозились!» «А чего не возиться то? лодку Богъ самъ катитъ. Еще бы пѣсню затянули, кабы баринъ не спалъ. А ты ужь сиди тамъ да молчи, знай дѣло дѣлать поспѣвай, въ тебѣ теперь вся и сила!» Изъ этихъ словъ легко было заключить, что вѣтеръ былъ попутный; мы неслись на всѣхъ парусахъ, и лодка смѣло разсѣкала волны, производя неизмѣнное, безостановочное *шш—уу—шш—уу.*

Вѣтеръ усиливался съ каждой минутой, лодку понесло необыкновенно быстро, люди задвигались, захлопотали, какъ бы скорѣе и лучше пристать къ станціи, къ которой подплывали.

Скоро порывы вѣтра стали метать лодку, какъ щепку, то сильно ударяя о берегъ и всаживая въ него, то отнимая отъ берега и бросая въ середину, на просторъ расходившагося Енисея; но толстые канаты еще сдерживали ее. Вдругъ раздались безпорядочные крики нѣсколькихъ голосовъ и скороговоркой: «у—у, что это, други, несется! быть видно бѣдѣ; пропадать видно лодкѣ! приворачивай тѣмъ временемъ корму, авось, Богъ поможетъ!» На насъ неслась черная громада, которую сначала глазъ не различалъ; оказалось, что нѣсколько плотовъ съ сѣномъ, дровами и бревнами, сорванныхъ съ мѣста, неслись по теченію, совершенно покоряясь произволу вѣтра. Сердце мое сжалось отъ испуга; народъ продолжалъ кричать, суетиться и ухать, и когда массы эти, готовыя сорвать и умчать насъ не вѣсть куда, поровнялись съ лодкою, корма уже была подтащена, и рабочіе, отталкивая шестами и веслами плоты, радостно повторяли: «Ну, Богъ спасъ!»

Продолжая путь далѣе, я сталъ встрѣчать *шугу* т. е. не сформировавшійся ледъ, мягкій какъ жидкая каша. Чѣмъ далѣе подвигались мы, тѣмъ опаснѣе становилось плаванье по рѣкѣ. Она будто изъ зѣва выпускала леденѣвшія массы, въ которыхъ попадались уже глыбы въ нѣсколько сажень и не столь мягкія, чтобы можно было разбивать веслами и разрѣзывать носомъ лодки. Наконецъ я былъ принужденъ остановиться въ одномъ станкѣ, состоящемъ изъ четырехъ дворовъ, такъ какъ дальше подвигаться не было возможности, и здѣсь я сталъ ожидать окончательнаго замерзанія Енисея.

14-го октября я былъ нѣсколько разъ разбуженъ и испуганъ выстрѣлами, какъ бы пушечными, у самыхъ оконъ. Оказалось, что ночь ясная, довольно сильный сѣверный вѣтеръ, холодъ 36°, и отъ быстраго наступленія такого холода сжимается и разрывается земля, — вотъ и причина выстрѣловъ. Проснувшись по утру, слышу будто недалеко отъ дому шумитъ мельница. Спрашиваю что такое? «Сиверъ небольшой, такъ Енисей разгулялся, играетъ». Я вышелъ посмотрѣть, но къ сожалѣнію за утреннимъ полумракомъ я ничего

не могъ различить. А чѣмъ ближе къ берегу подвигался я, тѣмъ шумъ становился сильнѣе, слышался то трескъ, то ударъ, и все это сливалось какъ бы въ густой, басистый шумъ мельницы. Такъ ворочалъ Енисей льдинами. Не имѣя возможности что либо разсмотрѣть, я вернулся въ избу. Когда разсвѣло, я снова собирался выйти посмотрѣть на игру Енисея, какъ ко мнѣ вбѣжалъ мальчикъ: «Дядюшка, поздно! не дождался тебя Енисей, затихъ и ужь больше не играетъ»! Я вышелъ: было довольно свѣтло; безтуманное, ясное, холодное утро всюду уже разостлало свой прозрачный воздухъ; глазъ различалъ предметы далеко. Но все по прежнему однообразно, вся природа какъ будто спала, Енисей у берега присмирѣлъ и затихъ, какъ будто маленькій шалунъ, метавшійся и махавшій руками и схваченный вдругъ въ тиски, въ могучія руки крѣпкаго мужа; только въ серединѣ онъ, едва примѣтно глазу, катилъ свою шугу.

Я ушелъ въ комнату, но черезъ нѣсколько времени бѣжитъ ко мнѣ опять мой маленькій пріятель: «дядюшка, не хочешь ли взглянуть—солнышко приподнялось, да и въ рукавицахъ, въ рукавицахъ то оно нынѣ еще впервой».

Пошелъ я съ мальчуганомъ смотрѣть на «солнышко въ рукавицахъ»; и въ самомъ дѣлѣ солнце взошло ясное преясное и далеко, далеко разметало лучи свои, а гдѣ оканчивались лучи его, тамъ обходили солнце съ боковъ полукругомъ двѣ радуги и играли своими разноцвѣтными лучами, да такъ играли, что любому живописцу слѣдовало бы поучиться тутъ сводить такъ нѣжно изъ цвѣта въ цвѣтъ свои тѣни.

Енисей все болѣе вставалъ, оставалась текучей только середина, да и та становилась все уже и уже. Черезъ нѣсколько дней, на 18-е октября, ночь была ясная, стоялъ страшный холодъ; Енисей очень шумѣлъ, и сочетаніе разнообразнѣйшихъ звуковъ составляли особаго рода гармонію. То слышался явственный будто переломъ стекла. Тамъ приподнималась и выдавливалась на воздухъ какая нибудь масса льда, и затѣмъ новымъ напоромъ и измѣненіемъ направленія эта масса вдругъ бросалась въ воду, издавъ сильный, но глухой гулъ. Тамъ слышно—всплеснула пластинка льда, унырнула подъ вставшую уже массу и, катясь подъ льдомъ, то ударялась разъ за разомъ плашмя,

будто пластинка стекла объ другую, то попадала ребромъ и неслась далѣе, скрежеща раздражительно для уха ребромъ своимъ о вставшій ледъ, какъ будто силясь пробиться на воздухъ и черезъ нѣсколько сажень гдѣ нибудь втискиваясь въ общую массу. То.... да мало ли сколько различныхъ звуковъ можетъ дать природа, всѣхъ и не перечислишь словомъ.

Наконецъ все стихло. Знать встала и середина. Но не только я, туземцы не вѣрили еще глазамъ своимъ, какъ видимъ, что 5 человѣкъ Остяковъ бѣгутъ себѣ смѣло черезъ рѣку съ противоположнаго берега, на своихъ скользкихъ лыжахъ. Съ тѣхъ поръ шуму Енисея,—по крайней мѣрѣ противъ того мѣста, гдѣ я остановился—не было слышно.

Лыжа.

Случается, что Енисей станетъ ровно, и гладкая поверхность его, забросанная снѣгомъ, представляетъ тогда бѣлопуховатый коверъ, блестящій при свѣтѣ солнца или мѣсяца серебряными искорками: сильный холодъ схватилъ рѣку въ теченіи, да такъ и оцѣпенѣла она. Но это рѣдко. Большею же частью разнообразно взвороченный ледъ лежитъ всюду, какъ слѣдъ большой борьбы. Тамъ сильный вѣтеръ безъ холода, но при очень большомъ снѣгѣ, взбивалъ огромные комья и набросалъ ихъ въ видѣ пригорковъ бѣлотусклаго изжелта цвѣта; тамъ лежатъ льдины въ разсыпную; здѣсь будто осердилась рѣка, вытолкнувъ изъ себя напоромъ льда пластину, приговоривъ: «поди прочь, лишняя, ты намъ мѣшаешь!», и упала она одиноко, и лежитъ точно плита надъ могилой; тамъ тоже выдавлена плита, но упрямая ущемилась концемъ и стоитъ такъ на воздухѣ, пока не придетъ весна и масса раскачавшихся волнъ, съ трескомъ взламывая ледъ, не поглотитъ ее въ пучину. Бываетъ и такъ, что ледъ лежитъ прямыми рядами поперегъ рѣки; а далѣе, въ другомъ мѣстѣ, тѣже плиты идутъ по длинѣ; это зависитъ отъ того какими массами—поперечными или продольными—шелъ и вставалъ ледъ.

Три дня возились съ прокладываніемъ по Енисею дороги и

поставкой вѣхъ; 23-го октября, я отправился далѣе въ путь, дождавшись низовой почты; почты сверху ждать было нельзя, потому что она осталась выше «*камня*», а въ кампѣ Енисей еще долго не встанетъ. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, что дѣлается въ этомъ ужасномъ мѣстѣ выдающихся съ береговъ быковъ, скалъ, подводныхъ и грядами лежащихъ камней»!

Камень, о которомъ съ такимъ трепетомъ упоминаетъ путешественникъ, находится при поворотѣ Енисея на сѣверо-востокъ къ Туруханску; здѣсь, въ близкомъ разстояніи отъ впаденія средней (Подкаменной) Тунгузки, рѣка сдавливается скалами и загромождается подводными камнями. Два огромные утеса выдаются съ обоихъ береговъ, съ пятью отвѣсными обрывами; видъ этихъ съуживающихъ рѣку скалъ чрезвычайно дикій. Обрывы скалъ усажены хвойными деревьями, съ трудомъ цѣпляющимися въ разсѣлинахъ камней, изъ которыхъ нѣкоторые густо покрыты гнѣздами ласточекъ. Кедры и пихты, то цѣпляясь кустарниками, то высокими деревьями вѣнчаютъ вершины скалъ, и своей противоположностью представляютъ очень красивый ландшафтъ, красота котораго особенно замѣчательна зимой, когда нѣжная зелень деревьевъ и темный цвѣтъ скалъ рѣзко отличаются отъ ослѣпительной бѣлизны снѣга, покрывающаго рѣку. Выше камня рѣка загромождена массою низкихъ, болѣе или менѣе обширныхъ острововъ, и Енисей, раздѣляясь рукавами между ними и выдающимися изъ воды зубчатыми скалами, между различными впадинами, ущельями, мчится съ быстротой, осыпая пѣной окрестности. Здѣсь даже зимой обнаруживается быстрота его теченія въ дико и безобразно нагроможденныхъ другъ на друга глыбахъ льда. Мелкіе камни лежатъ тутъ и торчатъ изъ подъ воды верхушками; вода сильно бьется о нихъ и вспѣнивается сѣдымъ гребнемъ, среди котораго то выставляются, то прячутся черныя верхушки. Шумъ волнъ сливается съ ревомъ вѣтра и крикомъ пловцовъ, которые всегда съ величайшимъ трудомъ могутъ направить суда и лодки по мѣсту менѣе опасному. Лодка, при ловкости управляющихъ ею, ныряетъ, какъ утка, въ разныя стороны, пробираясь между камнями; волны качаютъ ее съ боку на бокъ, поднимаютъ вверхъ то носъ, то корму, и съ замираньемъ ждешь, что вотъ—вотъ разобьется она оверхушки камней, вотъ—вотъ захлеснется на всегда холодной

водой! Утесы эти тянутся верстъ на 15. Быстрота такъ велика, что 7 верстъ дѣлаютъ въ 10 минутъ. Не только лодки, но и суда идутъ здѣсь греблей, чтобы не затянуло на «корабликъ» —такъ называется скала, которая выдается на серединѣ рѣки, вышиною чуть-ли не съ самые утесы; только между корабликомъ и правымъ берегомъ есть проходъ, а лѣвѣе, особенно у нависшихъ скалъ лѣваго берега, такой шумъ, что дѣлается страшно—вода то закручивается внизъ, то горами бросается вверхъ. Эти громадные утесы составляли въ незапамятныя времена хребетъ горъ, который пресѣкалъ путь могучему Енисею; не мало труда стоило послѣднему прорвать эту преграду, понадобилась долгая упорная работа, наконецъ, хребетъ не устоялъ противъ безустаннаго напора воды, разрушился и образовалъ ворота, чрезъ которыя съ шумомъ и ревомъ несется Енисей, какъ бы радуясь своей побѣдѣ. Эти ворота или, какъ ихъ еще называютъ—«камень», составляютъ какъ бы естественный предѣлъ полярному кругу, начинающемуся за Туруханскомъ. Въ пространствѣ, лежащемъ между нимъ и Туруханскомъ, бродитъ немногочисленное племя рыболововъ, о которомъ уже упоминалось выше, именно—Остяки.

Остяки большею частью небольшаго роста, слабосильны и съ тонкими ногами. Живутъ они очень бѣдно и грязно—лѣтомъ въ чумахъ изъ бересты, которые легко разбираются и переносятся съ одного мѣста на другое, а зимой въ душныхъ землянкахъ. Главный промыселъ ихъ—рыболовство. Какъ только весенній снѣгъ начинаетъ таять, Остякъ со всѣмъ семействомъ отправляется къ извѣстной ему или любимой имъ рѣкѣ, и устраиваетъ свое временное жилище. Ставитъ чумъ, приготовляетъ вѣтку, лодку и сѣти для ловли рыбы.

Устройство вѣтки очень незамысловато: она дѣлается посредствомъ выдалбливанія середины изъ цѣльнаго дерева, а чтобы сдѣлать ее легкой и правильно плавающей, стараются, чтобы стѣнки ея были всюду одинакой толщины, концы обдѣлываются на подобіе острыхъ концовъ лодокъ, затѣмъ ее обтесываютъ и мочатъ водою, поджаривая на огнѣ наружныя стороны и намазывая смолой, въ избѣжаніе трещинъ. Такая вѣтка отличается отъ обыкновенныхъ лодокъ и легкостью, и крѣпостью; она такъ легка, что ее можно переносить на себѣ съ мѣста

на мѣсто. Лодка же тоже отличается отъ русскихъ лодокъ; она высокая, узкая, съ длиннымъ носомъ, не имѣетъ ни одного желѣзнаго гвоздя, не углубляется въ воду болѣе полуаршина; на ней устроенъ берестовый домикъ, раздѣляющійся на двѣ половинки, съ дверкой въ каждой половинкѣ. Сюда стаскивается почти все несложное имущество остяка на все время рыбной ловли, такъ какъ въ чумѣ, въ это время, только стряпаютъ и ночуютъ, живутъ же большею частью въ лодкѣ.

Приготовивъ вѣтку и лодку, Остякъ, ложась спать наканунѣ того дня, когда онъ намѣренъ начать ловлю, говоритъ: «погода хорошая, завтра пойду ловить рыбу.» На завтра онъ будитъ жену словами: «скорѣе приведи вѣтку, подай сѣть, подведи собаку!» Горе женѣ, если она осмѣлится сказать ему: «подожди,»—или «поднять тяжело.» Мужъ не задумывается взять попавшееся подъ руки полѣно и со словами: «худо дѣлаешь» начинаетъ жестоко колотить ее. Вслѣдствіе жестокости въ обращеніи, женщины носятъ на лицѣ выраженіе тупости и забитости и имѣютъ видъ крайне болѣзненный. На нихъ лежатъ всѣ тяжелыя работы, тяжесть которыхъ для нихъ еще чувствительнѣе вслѣдствіе непривѣтливаго обращенія и общей болѣзненности и слабосильности, происходящихъ отъ суровости климата, отъ недостатка питательной пищи и отъ жизни въ смрадной, темной и грязной землянкѣ во все время нескончаемой холодной зимы, въ продолженіи которой мѣсяца два солнце не всходитъ и царствуетъ почти непрерывная ночь.

Эта причина объясняетъ почему обыкновенное выраженіе лица Остяковъ,—не только женщинъ, но и мужчинъ,—пасмурное и робкое, и почему они не обладаютъ той привлекательною веселостью и бодростью, которую мы встрѣчаемъ у Тунгузовъ. Самый родъ занятій ихъ приспособленъ къ этому общему характеру, т. е. вялости и болѣзненности. Хотя они и занимаются звѣроловствомъ, но неохотно, а только по необходимости, такъ какъ здѣсь требуется ловкость, смѣлость и предпріимчивость, которыя не въ ихъ натурѣ; рыболовство же не требуетъ отъ нихъ ни отважности, ни силы, ни особенной дѣятельности, а только терпѣнія, за которое оно щедро вознаграждаетъ ихъ, доставляя имъ богатый матеріалъ для пищи и для торговли.

Утоливъ свою жажду и голодъ, Остякъ начинаетъ думать и

о семьѣ, беретъ наловленную рыбу и идетъ въ чумъ. Войдя въ дверь, бросаетъ добычу женѣ, говоря: «принеси дровъ, раскладывай огня, будешь жить весело!» Затѣмъ самъ укладывается и засыпаетъ на цѣлый день или до того часу, когда почувствуетъ голодъ. Поспать и полѣниться Остяки охотники, и такъ какъ вслѣдствіе бѣдности и неразвитости у нихъ весьма мало потребностей, то, по удовлетвореніи этимъ потребностямъ, ими овладѣваетъ только одно желаніе: спать или лежать, но только не двигаться; и если имъ удалось сдѣлать себѣ запасъ съѣстныхъ припасовъ, то они считаютъ себя счастливѣйшими людьми въ мірѣ и предаются самой безмятежной лѣни и продолжительному сну. Когда по извѣстному озеру, рѣкѣ или рѣчкѣ ловъ рыбы станетъ уменьшаться, Остяки снимаютъ свой чумъ и отходятъ на другое мѣсто.

Лишь только начинаются заморозки, они вытаскиваютъ изъ воды лодки, вѣтки и сѣти, и начинаютъ приготовляться къ зимѣ. Заготовляютъ нарты, (особаго устройства санки, употребляемыя звѣроловами, которыя такъ легки и поворотливы, что на нихъ можно возить тяжести даже по такой мѣстности, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни тропинокъ,) лыжи, лукъ и стрѣлы; свертываютъ свой чумъ, а на его мѣстѣ выкапываютъ землянку въ аршинъ глубиной; дѣлаютъ изъ толстыхъ жердей крышу (въ родѣ нашей) съ отверстіемъ на верху для выхода дыма; въ это отверстіе проходитъ кверху съуживающаяся труба, укрѣпленная на широкой въ полъ вдѣланной стѣнѣ; стѣна ставится у входа и раздѣляетъ землянку на двѣ половины, на переднюю и чистую комнату, въ которой полъ прикрытъ вываренной берестой. По сторонамъ печи придѣланы скамьи, на которыхъ стоитъ посуда, а подъ ними живутъ собаки; въ потолкѣ, или боковой стѣнѣ продѣлано окно, въ которое вставляется вмѣсто стекла льдина; крыша забрасывается палками, травою, вѣтвями и землею; въ одну сторону дѣлается дверь, открывающаяся наружу, а чтобы открывать ее, вырыто сколько требуется мѣста въ землѣ, сдѣланы двѣ лѣстницы и за ними разгребается снѣгъ для выхода, надъ которымъ придѣлана кровелька.

Устройство остяцкихъ землянокъ прочнѣе Тунгузскихъ чумовъ, и это служитъ доказательствомъ тому, что они не такъ охотно, какъ Тунгузы, оставляютъ избранное для своихъ жи-

лищъ мѣсто, предпочитая осѣдлую жизнь бродячей и покидая свои землянки только по необходимости, чтобы снискать себѣ пищу. У Остяковъ побогаче встрѣчаются даже жилища на подобіе русскихъ избъ, такъ что крыша укрыта дерномъ, а по сторонамъ бываютъ и нары.

Въ землянкѣ семейство остается мѣсяца полтора или два, выжидая пока установится хорошенько зима, и пока хозяинъ, уходившій въ лѣсъ, чтобы розыскать всѣ мѣста, гдѣ пріютились звѣри, не вернется домой. Возвратившись съ такихъ поисковъ, хозяинъ отправляется въ лѣсъ со всею семьею и устраиваетъ близъ звѣровыхъ мѣстъ обыкновенный берестовый чумъ. Когда чумъ поставленъ, въ немъ поселяются на всю зиму всѣ двуногіе и четвероногіе члены семьи. Четвероногіе члены остяцкой семьи, безъ которыхъ нельзя себѣ представить послѣдней— собаки. Собаки служатъ Остяку неизмѣнными спутниками на охотѣ и вѣрными стражами дома; онѣ замѣняютъ и оленя и лошадей, запрягаются зимою въ нарты и возки, а лѣтомъ— подъ бичеву и тянутъ лодки вверхъ по теченію рѣкъ. Безъ нихъ Остякъ не зналъ бы, что начать, что предпринять, такъ онѣ ему необходимы и полезны, и потому неудивительно, если въ одномъ и томъ же чумѣ помѣщается и семья Остяка и его неизмѣнные товарищи — собаки. Разумѣется, грязь и вонь въ чумѣ еще усиливаются отъ этого сожительства, а вмѣстѣ съ ними и развитіе накожныхъ болѣзней, безъ которыхъ Остякъ немыслимъ; но вѣдь каждый человѣкъ хранитъ возлѣ себя то, что ему необходимо и дорого, а для Остяка собака дѣйствительно очень дорога; да кромѣ того грязь для него дѣло привычное и сродное ему, и онъ переноситъ ее съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Не смотря однако на сознаніе пользы, приносимой ему собакой, нельзя сказать, чтобы онъ обращался съ ней особенно ужь бережно; зимой дѣйствительно, сравнительно съ лѣтомъ, для остяцкихъ собакъ счастливое время, потому что такъ какъ онѣ употребляются для ѣзды, то для поддержанія ихъ силъ ихъ хорошо кормятъ; лѣтомъ же онѣ бѣдствуютъ и питаются чѣмъ попало, лишь бы утолить голодъ.

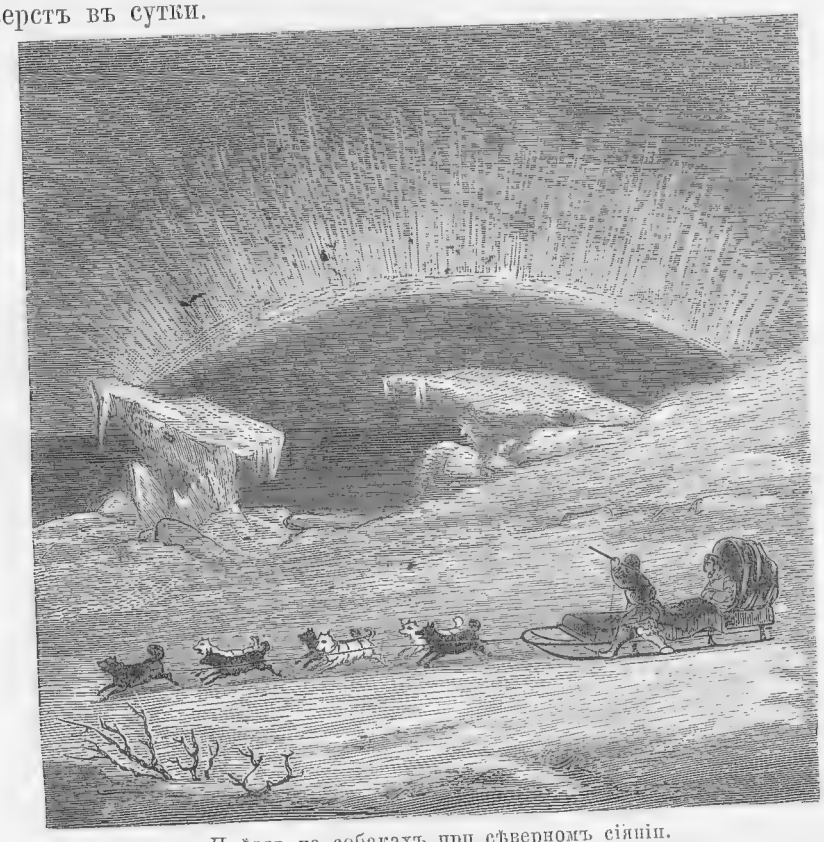
Собаки эти извѣстны у насъ подъ названіемъ *сибирскихъ*; онѣ длиною въ аршинъ, а высотою въ 12 вершковъ, шерсть

у нихъ мягкая, длинная, уши острыя, морда продолговатая, хвостъ пушистый, длинный; онѣ страшно прожорливы и можно

Сибирскія собаки.

себѣ представить, какъ эти несчастныя животныя бѣдствуютъ лѣтомъ, когда на ихъ долю выпадаютъ — и то только кое когда—объѣдки рыбы и мяса. Замѣчательная особенность этихъ собакъ та, что онѣ не лаютъ, какъ наши собаки, но завываютъ, что производитъ непріятное тянущее впечатлѣніе на душу, особенно по ночамъ. Запряженныя несутся онѣ во весь духъ, и хозяинъ не можетъ иначе ихъ остановить, какъ воткнувъ въ землю впереди между полозьевъ санокъ колъ съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, отчего онѣ всѣ ложатся съ размаху. Если же онъ остановившись забудетъ воткнуть такой колъ, то собаки безъ хозяина сейчасъ сорвутся и понесутся безъ оглядки куда глаза глядятъ; случалось, что оплошавшій хозяинъ терялъ такимъ образомъ собакъ и, сбившись съ дороги, замерзалъ. Несутся собаки чрезвычайно быстро, такъ что одинъ человѣкъ въ

легкой нартѣ, запряженой 6-ю собаками, можетъ сдѣлать 160 верстъ въ сутки.



Поѣздъ на собакахъ при сѣверномъ сіяніи.

Остяки, отправляясь на звѣроловство, берутъ съ собой столько съѣстныхъ припасовъ, сколько могутъ захватить. Какъ уже сказано выше, звѣриный промыселъ не есть ихъ любимое занятіе и занимаются они имъ изъ нужды, чтобы пропитать себя зимой и имѣть возможность выплатить свои долги русскимъ купцамъ, продающимъ имъ хлѣбъ взамѣнъ рыбы и звѣриныхъ шкурокъ. Купцы нерѣдко надуваютъ ихъ и вводятъ въ неоплатные долги, изъ которыхъ Остяки не могутъ выпутаться, и это одинъ изъ источниковъ ихъ крайней бѣдности.

Изъ всѣхъ убиваемыхъ звѣрей они не употребляютъ въ пищу только горностая, волка и лисицу; на вопросъ—почему? они отвѣчаютъ, что первый не хорошо пахнетъ, а два вторые похожи на собаку, ихъ вѣрнаго товарища, котораго они ни за

что не станутъ ѣсть. Къ медвѣдю они имѣютъ какой то суевѣрный страхъ и уваженіе. Если кто изъ Остяковъ убьетъ медвѣдя, эта вѣсть разносится далеко, многіе сходятся къ трупу, почтительно кланяются ему, и уже затѣмъ съ какимъ то видомъ почтительности, осторожности и даже робости, снимаютъ съ него кожу и ѣдятъ. Что такое отношеніе не есть случайность, а результатъ вѣрованія, показываетъ намъ слѣдующій обычай. Когда между Остяками случится преступленіе, то провинившемуся даютъ или медвѣжье ухо, или зубъ, чтобы онъ и цѣловалъ, и грызъ, и рубилъ его. Если Остякъ все это выполнитъ, не сознаваясь въ винѣ, то тогда это въ родѣ нашей присяги освобождаетъ его отъ подозрѣнія, но если оно очень сильно, то прибѣгаютъ къ такому средству, при которомъ трудно устоять, именно даютъ цѣловать ноздри горностаевой головы, для чего и сохраняютъ цѣльную шкурку этого звѣря.

Остяки суевѣрны, какъ всѣ кочующіе народы, и хотя они всѣ крещены, но христіане плохіе и придерживаются больше шаманства, впрочемъ и оно у нихъ не играетъ такой важной роли, какъ у Тунгузовъ и особенно у Бурятъ—народъ живущій преимущественно въ Забайкальѣ—можетъ быть потому, что у нихъ нѣтъ, вслѣдствіе ихъ вялости и апатичности, твердой организованной религіи, и исполняютъ они всѣ обряды болѣе по преданію и по привычкѣ.

Бракъ у нихъ—чистая покупка жены. Желающій жениться на извѣстной дѣвушкѣ приходитъ къ ея отцу и начинается торгъ; женихъ предлагаетъ сперва небольшую сумму и затѣмъ, смотря по богатству отца, набавляетъ, и сумма доходитъ иной разъ до 50 руб. и болѣе. Наконецъ оба торговца взаимно соглашаются—одинъ купить, другой продать товаръ за извѣстную сумму, и женихъ является тогда уже съ подарками—это обязательно; онъ входитъ въ чумъ невѣсты съ двумя Остяками и вноситъ котелъ съ различными подарками, состоящими большею частью изъ женской одежды: тутъ и длинная рубаха, и короткіе штаны, и халатъ, который подпоясывается и открывается нѣсколько на груди, и нагрудникъ, и бумажные платки для головы, а если женихъ позажиточнѣе, то суконная или китайчатая шапочка, опушенная какимъ нибудь мѣхомъ, напримѣръ бѣличьимъ, такъ, что головка этого звѣрька пришита напереди, а ушки

расправлены вверхъ. Такими-то или подобными вещами наполненъ котелъ жениха. Лишь только онъ войдетъ въ чумъ съ подарками, входитъ невѣста, покрытая покрываломъ, въ сопровожденіи двухъ Остячекъ; она садится, а женихъ, поставивъ передъ ней котелъ съ подарками, уходитъ вонъ. Тогда невѣста начинаетъ перебирать принесенные подарки; если они ей не нравятся, то переварачиваетъ котелъ со всѣми находящимися въ немъ вещами; женихъ приноситъ тогда второй разъ котелъ съ лучшими подарками; невѣста на второй разъ, а иной разъ только на третій, соглашается положить разсмотрѣнные подарки обратно въ котелъ, въ знакъ того, что она ими довольна. Вся эта процедура происходитъ въ глубочайшемъ молчаніи. Когда невѣста выразила свое удовольствіе тѣмъ, что молча сложила вещи обратно въ котелъ, женихъ, войдя въ чумъ, цѣлуетъ невѣсту и ведетъ ее въ церковь, (если таковая есть поблизости, иначе же бракъ благословляется шаманомъ.) Возвращаясь изъ церкви въ свой чумъ или чумъ невѣсты, женихъ созываетъ своихъ знакомыхъ и родныхъ и угощаетъ ихъ всѣмъ, что имѣетъ; конечно дѣло не обходится безъ достаточнаго количества вина, если оно есть. Особенныхъ пѣсень и плясокъ нѣтъ на свадебномъ пирѣ; кричитъ каждый все, что ему вздумается; правда есть одна общая пѣсенка, если можно назвать ее пѣснѣй: херъ, херъ, херъ, херъ! Выкрикиваютъ ее однообразно, выдыхательнымъ звукомъ горла, и это выкрикиваніе такъ мучительно дѣйствуетъ на ухо, что даже хрюканье поросенка кажется разнообразнѣйшей музыкой сравнительно съ этой пѣсней. Пляска у нихъ также однообразна и не замысловата: это просто переминаніе на одномъ мѣстѣ взявши другъ друга за руки. Гораздо оживленнѣе идетъ игра *таморомъ*. Таморомъ называется шишка на концѣ стрѣлы, чтобы убивать звѣря, не разрывая его шкурки. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: ставятъ жердочку и отмѣриваютъ отъ нея пространство сажень 15, гдѣ ставятъ вторую жердочку; раздѣляются на двѣ партіи и у каждой съ своей стороны отмѣрено тоже самое пространство; затѣмъ, по жребію или уговору, которая нибудь сторона начинаетъ стрѣлять таморомъ въ жердочку, и если стрѣлы были ею пущеныудачно, то вся партія подвигается на сажень и продолжаетъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока не дастъ промахъ; тогда начинаетъ стрѣлять

вторая партія. Дѣло тутъ состоитъ въ томъ, кто скорѣй подвинется.

На свадебномъ пиру ни мужчины, ни женщины не блестятъ красотой наряда. Одежда мужчинъ мало отличается отъ одежды женщинъ, развѣ только на ней еще меньше украшеній чѣмъ на женской; дѣлается она для обоихъ половъ изъ выкопченной или выбѣленной оленины—и называется ли она праздничной или будничной,—она всегда одинаково грязна и неопрятна.

На сколько невесела и непривлекательна жизнь взрослыхъ Остяковъ, на столько же непривлекательна и жизнь ребятишекъ. На долю ихъ выпадаетъ мало ласки и вообще воспитываютъ ихъ очень сурово. Мѣсячнаго малютку кормятъ стертой въ водѣ вареной рыбой; лишь только прорѣжутся зубки, ему даютъ сырое мясы, сырую рыбу, впрочемъ не болѣе двухъ разъ въ день. Завидные желудки, могущіе выносить такую пищу въ такіе года! До 12 лѣтъ ребенокъ ходитъ почти безъ одежды, съ 12-ти онъ начинаетъ стрѣлять, строить ловушки, нарты, чумъ и т. д. Мы говоримъ, что ребенку даютъ сырую рыбу, и многіе, конечно, содрогнутся и отвернутся съ отвращеніемъ при мысли о такой пищѣ. Остяками же она считается лакомствомъ и надо видѣть съ какимъ наслажденіемъ они ее употребляютъ. Лишь только воздухъ сдѣлается теплѣе, снѣгъ разрыхлѣетъ и лыжи утратятъ свою скользкость, они спѣшатъ изъ лѣсу къ рѣкѣ, не заходя даже въ свои осеннія землянки, пробиваютъ лёдъ, опускаютъ сѣти и съ жадностью, дрожа отъ восторга и нетерпѣнія, припадаютъ къ пойманной рыбѣ; съ такой же жадностью пьютъ они кровь только что убитаго звѣря. Съ рыбной пищей у нихъ мало по малу исчезаетъ уныніе и общее ослабленіе всего организма, которыми они отличаются зимой.

Сырая рыба и свѣжая кровь не только утоляютъ ихъ голодъ, но служатъ имъ лекарствомъ; они инстинктивно это чувствуютъ. Понятны послѣ того ихъ восторгъ и нетерпѣніе при видѣ того и другого. Случалось, что Остяки, лечимые въ русскихъ больницахъ, вполнѣ выздоравливали только отъ того, что ихъ кормили сырой рыбой и сырой говядиной, вопреки общимъ правиламъ леченья, и напротивъ были неизлечимы, когда ихъ лишали этой пищи.

У себя дома они обращаются съ больными хорошо и даже

очень заботятся о нихъ. Случается, что нѣсколько семействъ, сколько ихъ бываетъ вмѣстѣ, сидятъ надъ больнымъ и даже иногда не ходятъ на промыселъ, такъ что на вопросъ крестьянъ— почему бѣдны и безъ звѣря пришли съ ловли—отвѣчаютъ: «вотъ этотъ мужикъ болѣлъ, ну всѣ и сидѣли подлѣ». — «Зачѣмъ же вы такъ дѣлали»? «Да какъ же: ушелъ всѣ—бѣдный больной хуже, а пришелъ всѣ и больной лучше».

Когда больной умираетъ, тѣло покойника обвертываютъ въ бересту и зарываютъ въ землю вмѣстѣ съ той одеждой, въ которой умеръ, и съ тѣми вещами, которыя ему принадлежали: лукомъ, стрѣлами, ножомъ и т. п. Иногда убиваютъ на мѣстѣ и погребаютъ тутъ же его собакъ. Это дѣлается изъ того убѣжденія, что мертвый оживетъ и будетъ упрекать живущихъ за то, что не дали ему все любимое имъ при жизни и необходимое для снисканія себѣ пищи въ загробной жизни. Таковы главныя черты быта Остяковъ, черты не сложныя и не выдающіяся, и въ которыхъ отпечатлѣвается какъ нельзя лучше характеръ этого племени т. е. вялость, робость и забитость. Не мудрено быть забитыми при такомъ климатѣ да при такой безвыходной бѣдности, въ которой обрѣтаются Остяки. Племя ихъ очень немногочисленно, и бродятъ они, какъ уже сказано было выше, между Камнемъ и Туруханскомъ, рѣдко заходя далѣе на сѣверъ.

За Туруханскомъ начинается полярный кругъ.

Туруханскъ—маленькій ничтожный городишко, построенный на самомъ скучномъ, нездоровомъ мѣстѣ. Лѣтомъ онъ подверженъ страшнымъ жарамъ, не уничтожающимъ однако непроходимой грязи, которая только прѣетъ и наполняетъ воздухъ вредными испареніями, развивающими болѣзни. Днемъ милліоны мошекъ, ночью комаровъ не даютъ покою. Жары такъ сильны, что пересыхаютъ протоки, окружающіе городъ, и за водой надо ѣхать за 4 версты. Но замѣчательно, что несмотря на страшный лѣтній жаръ, земля не растаиваетъ болѣе какъ на полтора аршина. Зимою же уже въ началѣ ноября городъ покрытъ такими сугробами, что нельзя переходить изъ дома въ домъ иначе какъ по вѣхамъ, да и между ними почти ежедневно разгребаютъ снѣгъ. Съ декабря по половину января дни бываютъ въ теченіи двухъ часовъ, да и то въ родѣ проходящаго разсвѣта.

Снѣгъ покрываетъ землю на четыре аршина, а сѣверные

вѣтры пурги безпрепятственно бушуютъ здѣсь, занося снѣгомъ окна и цѣлые дома.

При такихъ климатическихъ условіяхъ сложился и характеръ коренаго Туруханца — мужественный и безстрашный. (Къ сожалѣнію коренные жители вырождаются, замѣняясь вялыми и робкими поселенцами). Туруханецъ съизмала привыкъ къ свисту вѣтра, да къ стуку пурги въ окна, съизмала привыкъ видѣть передъ собой звѣриныя шкуры, висящія подъ потолкомъ, отдѣльно обрѣзанныя звѣриныя лапы, остовы хищныхъ птицъ, а по стѣнамъ звѣроловные приборы да рыбачьи сѣти, такъ что съизмала привыкъ онъ не бояться предразсудочныхъ призраковъ, которые насъ такъ пугаютъ въ дѣтствѣ: здѣсь одиночество въ темнотѣ—ребенку не рѣдкость, и бояться—значило бы не жить. Потому то Туруханцы не боятся ни бурь, ни пургъ, ни морозовъ, ни кровожадныхъ звѣрей, потому и въ мрачную зиму продолжаютъ они свои работы, идутъ безстрашно на звѣря, подъ путеводствомъ луны, звѣздъ, да великолѣпнаго сѣвернаго сіянія, и смѣло вступаютъ съ нимъ въ бой.

Мы остановились на Туруханскѣ потому, что это самый сѣверный и послѣдній городъ на Енисеѣ; за нимъ уже встрѣчаются только рѣдкія селенія съ скуднымъ населеніемъ, которыя тоже мало по малу исчезаютъ, и наконецъ начинается мѣстность—необозримая, пустынная, печальная, тянущаяся до самаго Ледовитаго океана, извѣстная подъ названіемъ *тундры*.

Это мѣстность не ровная, не плоская, а большей частью волнистая, мѣстами холмистая, гдѣ холмъ стоитъ возлѣ холма, возвышаясь на нѣсколько сотъ футовъ надъ раздѣляющими ихъ котловинами и долинами, и сливаясь въ море холмистыхъ волнъ. Тундра представляетъ зимою снѣговую холмистую поверхность, сливающуюся вдали въ безпредѣльную равнину, а лѣтомъ—или безконечную поверхность зыбкихъ моховыхъ болотъ, или сухую возвышенность, покрытую лишаями и травами. Нельзя представить себѣ ничего печальнѣе и безжизненнѣе тундры зимой; все пространство, которое только можетъ окинуть глазъ человѣческій, представляется необозримой сплошной снѣжной поверхностью: глазъ теряется въ безпредѣльности и ему представляются близко стоящими такіе предметы, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Путникъ измученный, полузанесенный снѣгомъ, вдругъ видитъ изда-

лека дымъ и чумъ самоѣда, обѣщающій дать ему наконецъ убѣжище отъ холода и пурги; онъ спѣшитъ по направленію къ этому чуму, достигаетъ кажется его, но замѣчаетъ, что чумъ тоже двигается, тоже идетъ; туманъ разсѣевается—чумъ исчезаетъ, и путникъ догадывается, что онъ гнался за миражемъ. Къ довершенію разочарованія, на него нападаетъ порой такъ называемая снѣжная слѣпота: въ глазахъ мерцаніе и прыганіе всего, на что онъ ни взглянетъ. Вотъ что разсказываетъ одинъ путешественникъ, испытавшій такую слѣпоту. «Мы лежали полузакрытые въ снѣгу подъ 72-° с. ш. и поджидали Самоѣдовъ. Между тѣмъ я въ подзорную трубу замѣтилъ холмъ, отдаленіе котораго я полагалъ верстъ на 30. Я подвязалъ лыжи, сбросилъ шубу, надѣлъ матросскую рубаху, сверхъ бѣлья повѣсилъ двухствольное ружье черезъ плечо и, захвативши нѣсколько инструментовъ, съ казакомъ пустился въ бѣгъ. Шли, шли, и холмъ тоже идетъ; это показалось намъ страннымъ. Наконецъ мы пришли на то мѣсто, гдѣ видѣли холмъ, но теперь только увидѣли мерцаніе въ своихъ глазахъ: на насъ напала снѣжная слѣпота. Сверхъ того вѣтеръ повернулся, и снѣжная пыль попеременно съ магически волнующимся туманомъ сѣвера покрыли равнину.

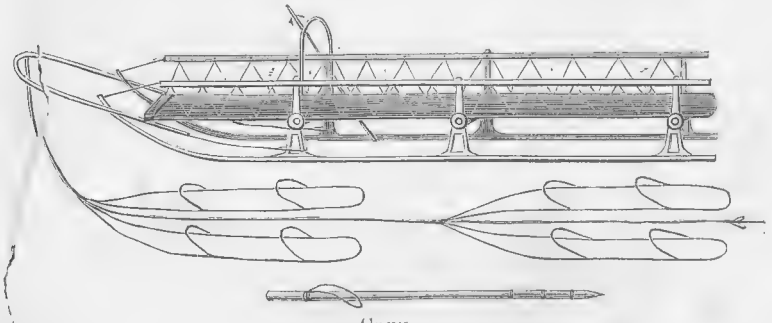
«Чтобы воротиться домой намъ оставалось одно средство: опредѣлить направленіе компасомъ. Во все время однакожъ мы замѣчали, что послѣдній холмъ былъ нашимъ спутникомъ. Слѣпота не убывала, а туманъ прибывалъ. Однакожъ я вынулъ подзорную трубку и гляд..ъ—подъ самымъ посомъ у насъ пляшутъ нашъ шалашъ и сани. Около часу шли мы прямо на нихъ. Туманъ разсѣялся и шалаша какъ не бывало! Что дѣлать? Наконецъ, ничего не стало видно: мы совершенно ослѣпли. Кругомъ густой туманъ. Силы наши истощились, мы легли, дьявольски мерзли и утѣшались бесѣдою о томъ, какъ мучительно замерзнуть до смерти. «Шалашъ!» вдругъ вскричалъ мой казакъ, посмотрѣвши въ подзорную трубу. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ шалашъ, однакожъ мелькающій и пляшущій, при томъ вдвое больше настоящаго. Мы пустились со всѣхъ ногъ. Пробѣжали дальше, нежели зрѣніе въ трубу можетъ хватить при такомъ туманѣ. Туманъ опять разсѣялся, и передъ нами опять ничего не стало. Тутъ я догадался въ чемъ дѣло, и вспомнилъ

нѣкоторыя приключенія путешествовавшихъ по сѣвернымъ морямъ. Я съ точностію взялъ направленіе по компасу; мы сдѣлали еще верстъ десять и нашли шалашъ».

Но ничего нѣтъ невыносимѣе для глазъ, какъ когда весеннее апрѣльское солнце какъ будто прольетъ изъ себя неисчислимое количество звѣздочекъ; въ каждой отдѣльной, какъ бисеръ, снѣжинкѣ, играетъ оно разноцвѣтными до неуловимости тѣнями, и тутъ ужь некуда скрыть глаза: куда ни повернешься—всюду эта разноцвѣтная игра, и нѣтъ мѣста гдѣ бы ея не было. Для предохраненія отъ этого невыносимаго мученья, туземцы изобрѣли особаго рода очки, называемые *окулярами*. Эти окуляры мѣдные, круглые, выпуклые, подложенные мѣхомъ вокругъ орбитъ, чтобы не морозило, на переносьѣ соединяются замшей и держатся шнурочкомъ на пластинахъ, по срединѣ прорѣзь поперегъ, такъ, что противъ центра только въ линію ширины, а по концамъ суживается. Такіе очки особенно необходимы для путешественниковъ по тундрѣ; туземцы же, изобрѣвшіе ихъ, могутъ легче обойтись безъ нихъ, такъ какъ заботливая природа снабдила ихъ съуженными глазами и широкими, опущенными верхними вѣками, что ихъ предохраняетъ отъ снѣжной слѣпоты.

Мчатъ васъ олени нѣсколько сотъ верстъ по тундрѣ, и все тоже безмолвіе, все таже безжизненность, развѣ кое когда наткнетесь на стоянку Самоѣдовъ и Юраковъ, единственныхъ обитателей тундры, которые не могутъ однако придать ей жизни, такъ какъ число ихъ очень не велико и бродятъ они съ мѣста на мѣсто, изрѣдка попадаясь путешественнику.

Издалека стоянка Самоѣдовъ похожа на ярмарку. На особаго устройства саняхъ (въ родѣ кабріолета на высокихъ ко-



Сани.

пыльяхъ) возится съ мѣста на мѣсто не только все семейство, но и лѣсъ, изъ котораго составляется чумъ, потому что въ безлѣсной тундрѣ негдѣ взять матеріала. Санки, на которыхъ переѣзжаютъ женщины, особенно съ маленькими дѣтьми, имѣютъ болѣе высокій задокъ и передокъ. Кромѣ того на особыхъ маленькихъ саночкахъ возятся разныя божества, завернутыя въ оленью кожу; такъ что санокъ у каждаго семейства очень много, тѣмъ болѣе, что каждый женившійся сынъ долженъ имѣть свое особое имущество.

Чумъ.

Останавливаясь у одной изъ такихъ стоянокъ, про[illegible] человѣкъ, войдя въ одинъ изъ чумовъ, встрѣчается съ хозяиномъ чума. На немъ надѣта рубаха съ воротомъ изъ оленьей [illegible] шерстью внизъ зимой, а если дѣло происходитъ лѣт[illegible] оленина бываетъ шерстью вверхъ. На ногахъ *сапуры*, т[illegible] формы какъ у Тунгузовъ, а сверхъ рубахи *сокуй*, кото[illegible] вается двухъ родовъ: будничный—мѣшокъ съ мѣстомъ для головы и вырѣзкой для лица, изъ оленьей шкуры шерстью вверхъ; часть этого мѣшка, покрывающая голову, заканчивается шишкой:

сокуй праздничный—длинный, изъ разноцвѣтной оленьей кожи съ узорами въ формѣ квадратовъ и треугольниковъ, съ ремешками краснаго и желтаго цвѣта, вышитыми по спинѣ. На голову надѣвается шапочка, имѣющая видъ чепчика, изъ тонкой разноцвѣтной оленьей кожи, а подъ платьемъ короткіе штаны. Лицо у Самоѣда желтобураго цвѣта, волосы черные (встрѣчаются и русые), жесткіе, длинные; бороды и усовъ нѣтъ. Глаза узкіе и, какъ выше было сказано, верхнія вѣки широки и могутъ опускаться очень низко.

Войдя за хозяиномъ внутрь чума, который вдвое больше, теплѣе и прочнѣе тунгузскаго, проѣзжаго человѣка не обдаетъ и не душитъ дымъ, какъ душилъ онъ его въ тунгузскомъ и особенно остяцкомъ чумѣ, потому что онъ выходитъ въ верхнее окно гораздо свободнѣе; обитъ чумъ двумя оленьими шкурами: внутренняя безъ шерсти, а наружная шерстью внутрь. Посреди его, противъ двери, устроенъ на желѣзномъ листѣ очагъ. Весь чумъ со всѣмъ имуществомъ и скарбомъ ставится на сани съ высокими копыльями и перевозится и лѣтомъ и зимой на оленяхъ, единственномъ животномъ Самоѣдовъ.

Около очага сидятъ всѣ домашнія: жены, дѣвушки, дѣти; на первыхъ такая же одежда, какъ на мужчинахъ, только больше украшеній, на послѣднихъ же—никакой одежды. Надъ очагомъ виситъ котелъ и въ немъ кипитъ снѣговая вода.

Проѣзжаго человѣка сажаютъ въ лѣвую половину чума, которая считается почетной, а хозяева продолжаютъ грѣться и ѣсть, если они собрались для ѣды. Каждый сынъ обязанъ вложить въ котелъ свой кусокъ мяса, убитаго имъ звѣря, а жены сыновей поочередно приготовляютъ кушанье, преимущественно же жена лучшаго ловца; что считается особенной честью. То, что сварятъ, съѣдаютъ—за неимѣніемъ вилокъ—съ помощью рукъ, а жидкость послѣ выпиваютъ большими деревянными ложками. Въ супъ кладутъ или мясо какого нибудь звѣря, или рыбу съ шелухой, или едва ообдерганную куропатку. Самымъ же большимъ лакомствомъ считается и у нихъ, какъ у Тунгузовъ, оленье сало; ѣдятъ они также сырое мясо и пьютъ кровь, при видѣ которой ими овладѣваетъ такая же жадность, такой же трепетъ нетерпѣнія, какъ у Остяковъ при видѣ сырой рыбы.

Употребленіе крови является у нихъ необходимостью, какъ

леченіе противъ болѣзни, и отчасти также результатомъ безвыходно-мрачнаго состоянія духа, которое составляетъ отличительную черту Самоѣда, народа сѣвернаго, лишеннаго болѣе другихъ солнца съ его свѣтомъ и теплотой. Двухмѣсячная теплота, холодъ и стужа придали его лицу мрачность и суровость, которыя съ перваго раза внушаютъ опасеніе и недовѣріе; но въ сущности Самоѣдъ добродушенъ и въ обращеніи съ женщинами и дѣтьми гораздо мягче и нѣжнѣе, чѣмъ Остякъ; не разъ случается, что онъ осыпаетъ своихъ дѣтей поцѣлуями, и вообще поцѣлуй у нихъ въ обычаѣ: каждаго гостя въ знакъ пріязни цѣлуютъ въ обѣ щеки.

Самоѣдка съ ребенкомъ.

Они также гораздо опрятнѣе Остяковъ; послѣ грязнаго обѣда, описаннаго нами выше, они всегда умываютъ руки и лицо, и въ одеждѣ тоже довольно чисты.

Сватовство совершается слѣдующимъ образомъ. Женихъ

посылаетъ свата, который входитъ въ чумъ невѣсты съ желѣзнымъ костылемъ въ рукѣ, молча ставитъ его въ уголъ и тѣмъ объясняетъ безъ словъ смыслъ своего посѣщенія; затѣмъ начинается торгъ. Отецъ и сватъ соглашаются наконецъ на количествѣ оленей и волчьихъ и песцовыхъ шкуръ. Невѣсту тогда отвозятъ съ частью полученныхъ за нее оленей къ жениху. Тамъ она ставитъ свой чумъ; женихъ приходитъ въ него, невѣста подаетъ ему лукъ и стрѣлы, расчесываетъ ему волосы и съ этихъ поръ считается его женой. Плясокъ и пѣнья у нихъ нѣтъ при свадьбахъ, но бываетъ стрѣльба въ цѣль, бѣганье въ запуски, перешибанье стрѣлы на лету другой стрѣлой и проч. хотя и это у нихъ менѣе развито, чѣмъ у ихъ соплеменниковъ *Юраковъ*, тоже обитателей тундры.

Игры Самоѣдовъ.

Юраки гораздо изысканнѣе въ одеждѣ, чѣмъ Самоѣды; одежда ихъ—почти такая же, какъ и самоѣдская—разукрашена бисеромъ, мѣдными пуговицами и обшита разноцвѣтными лентами; сатуры тоже вышиты бисеромъ, съ обшивками около колѣнъ изъ волчьихъ лапъ, и дѣлаются чрезвычайно красиво изъ черныхъ и бѣлыхъ полосокъ. Женщины въ особенности щеголяютъ своей одеждой: сатурами и шапочками, въ родѣ нашихъ чепцовъ; все это убрано разноцвѣтнымъ сукномъ, а послѣдняя унизывается узорчатыми вышивками бисера. Выпущенные изъ подъ шапочекъ волосы обвѣшаны мѣдными пуговицами, цѣпоч-

ками, серебряной монетой, корольками,—если таковые попадутся имъ случайно. Кромѣ того сверхъ одежды вѣшаютъ еще онѣ длинный передникъ, унизанный и изпещренный украшеньями, какъ только можно.

И нравами Юраки отличаются отъ Самоѣдовъ и Остяковъ; они смышленнѣе, и въ обычаяхъ, которые однако сходны съ обычаями Самоѣдовъ, утонченнѣе послѣднихъ; у нихъ даже проявляется наклонность къ пѣснямъ и музыкѣ. Юраки не заходятъ такъ далеко на сѣверъ тундры, какъ Самоѣды, а бродятъ больше въ южной части ея; вслѣдствіе этого они имѣютъ гораздо больше сношеній съ русскими, у которыхъ они перенимаютъ даже одежду и нѣкоторые обычаи.

Все богатство Самоѣдовъ въ оленяхъ, и дѣйствительно они вправѣ считать лучшей частью своего имущества этихъ выносливыхъ животныхъ, безъ которыхъ они положительно не знали бы что начать въ угрюмой, непривѣтливой тундрѣ. Олени возятъ ихъ со всѣмъ имуществомъ, дѣтьми, чумомъ и утварью, даютъ имъ пищу, доставляютъ имъ одежду, обтягиваютъ ихъ чумы, однимъ словомъ—доставляютъ имъ все необходимое для ихъ скромныхъ потребностей, и потому нельзя представить Самоѣда безъ его вѣрнаго помощника—оленя, такъ что заговоривъ о первомъ, нельзя обойти молчаніемъ послѣдняго.

Сѣверный олень живетъ во всей Восточной Сибири; но преимущественно на сѣверѣ, гдѣ онъ бродитъ огромными стадами.

Къ югу отъ тундры ихъ любимое мѣсто жительства—низовье горъ около розсыпей и утесовъ, подъ нависшими скалами, гдѣ много мху, ихъ любимой пищи. Лѣтомъ они забираются на самыя вершины громадныхъ хребтовъ, гдѣ находятъ прохладу и избавляются отъ докучливой мошки. Зимой же они спускаются съ горъ и живутъ на моховикахъ. Хотя на видъ они очень не представительны: неуклюжіе, съ толстыми тяжелыми ногами, снабженными большими раздвоенными копытами, длинной головой, толстыми уродливыми губами, безжизненными глазами и угловатыми шеей и спиной; но бѣгаютъ они чрезвычайно быстро и легко, и уродливость ихъ скрадывается еще красивыми рогами, которые достигаютъ громадной величины и похожи на цѣлый кустъ, вслѣдствіе множества отростковъ. Нельзя себѣ представить что либо красивѣе, когда лежа лѣтомъ

на горѣ, среди душистой травы, подъ горячимъ сѣвернымъ солнцемъ, смотришь, какъ вспугнутые чѣмъ нибудь олени несутся по спуску горъ, одинъ за другимъ вереницей, выставивъ голову впередъ и вверхъ и прижавъ къ спинѣ свои роскошные рога. Ихъ не удержитъ ни слѣпая чаща, ни кочковатыя топкія болота, ни поднебесныя вершины хребтовъ, ни скалы, ни утесы, ни страшныя розсыпи. Даже по гладкому льду ходятъ они безъ боязни и не падаютъ. Въ тундрахъ они дѣлаютъ замѣчательные переходы: въ маѣ мѣсяцѣ идутъ они страшными массами, преслѣдуемые мошкой и жарами, съ юга на сѣверъ, а въ августѣ опять обратно на югъ, выгнанные съ сѣвера недостаткомъ пищи, вѣтрами и пургой. Цвѣта олени въ молодости темно-сѣро-каштановаго, старѣя они сѣдѣютъ, а на зиму одѣваются бѣлой шерстью, какъ большая часть другихъ четвероногихъ полярнаго пояса. Маленькіе олени чрезвычайно игривы, живы въ движеніяхъ и скоро привыкаютъ къ рукамъ человѣка. Годовалый олень въ состояніи носить легкіе вьюки.

Спинная кость оленей чрезвычайно слаба, и туземцы, ѣздя на нихъ верхомъ, садятся всегда на плечи, а не на спину. Че-

Ѣзда на оленяхъ.

ловѣкъ, вѣсящій болѣе пяти пудовъ, на оленѣ ѣхать не можетъ: животное подъ нимъ тотчасъ же ложится.

Ѣздить на оленяхъ верхомъ гораздо труднѣе, чѣмъ на лошадяхъ, тутъ надо имѣть особую снаровку и навыкъ, — и хорошій кавалеристъ, безъ привычки, на оленѣ далеко не уѣдетъ. За то на немъ можно проѣхать по такимъ, напримѣръ, топкимъ болотамъ, каменистымъ розсыпямъ, гдѣ на лошади нельзя и думать пробраться.

Но ѣздятъ на нихъ Самоѣды рѣдко верхомъ, а впрягаютъ ихъ въ свои узкія санки, въ которыхъ удобно можетъ сидѣть одинъ человѣкъ, а двое едва—едва умѣщаются, и пролетаютъ, въ короткое время, огромныя пространства съ такой быстротой, отъ которой у непривычнаго человѣка духъ занимаетъ.

Олень обладаетъ удивительнымъ чутьемъ, безъ котораго онъ бы умеръ съ голоду на далекомъ сѣверѣ; онъ чуетъ мохъ подъ снѣгомъ на глубинѣ 2—4 футовъ, и для пріисканія ему корма, также какъ и для промысловъ, Самоѣды переходятъ съ мѣста на мѣсто. Останавливаясь на какомъ нибудь мѣстѣ, Самоѣдъ, поставивъ свой чумъ, приноситъ въ жертву одного оленя, чтобы умилостивить божество и просить его помощи противъ злѣйшихъ враговъ его и его стадъ—волковъ, которые громадными стадами носятся по тундрѣ и нападаютъ на Самоѣдовъ и ихъ оленей преимущественно тогда, когда тѣ не могутъ противъ нихъ защищаться,—въ вьюгу и пургу. Волки, песцы—другіе обитатели тундры—нисколько не оживляютъ её, напротивъ придаютъ ей своимъ вытьемъ и лаемъ еще болѣе печальный характеръ. Самоѣды ожесточенно охотятся за ними (за песцомъ—ради его дорогой шкурки). Послѣдній похожъ на лисицу, хвостъ такой же пушистый, но рыльце тупѣе и уши меньше; цвѣта онъ бываетъ бѣлаго или голубаго (или вѣрнѣе дымчатаго). Песцы голубые чрезвычайно цѣнятся въ торговлѣ и идутъ на дамскія шубы. Они коренные обитатели тундры и рѣдко встрѣчаются на среднемъ теченіи Енисея, на нижнемъ же никогда. Любопытно смотрѣть на нихъ, когда они бѣгаютъ: бѣгутъ они всегда, поднявъ голову вверхъ и повертывая ею, по временамъ обнюхиваютъ воздухъ и, почуявъ запахъ человѣка, прилегаютъ на снѣгъ, дрожатъ отъ страху и настораживаютъ свои круглыя уши. А если опасность близка, звѣрекъ утыкаетъ мордочку въ снѣгъ и закапывается лапками.

Разсказываютъ, будто когда на морѣ ломается ледъ, припла-

васть на льдинахъ мышь, за которой гонится песецъ, «а изъ какихъ странъ—одинъ Богъ знаетъ» прибавляютъ Туруханцы. Мышь эта пестраго цвѣта, съ мохнатыми ногами, покороче, но толще здѣшней мыши, вообще же величиной побольше; чѣмъ питается она—одни не знаютъ, а другіе упоминаютъ о какихъ то сладкихъ корешкахъ, которые довольно изъ гнѣзда унести, чтобы мышь повѣсилась шейкой въ расщелину вѣтвей и задавилась. Неизвѣстно на сколько такіе разсказы достовѣрны. Вѣроятнѣе всего, Туруханцы ошибаются и принимаютъ за мышь крота, очень краснаго, съ золотистой шерстью, извѣстнаго подъ названіемъ «золотокрота», но который врядъ ли приплываетъ изъ за моря, такъ какъ его постоянное мѣстожительство въ тундрѣ, гдѣ онъ находитъ себѣ пищу. Чѣмъ больше этихъ кротовъ, тѣмъ болѣе размножаются песцы. Но кромѣ ихъ песцы питаются еще рыбой, преуморительно вытаскивая ее лапкой изъ воды. Чѣмъ песецъ наводитъ положительно уныніе,—это своимъ голосомъ, густымъ и сиповатымъ. Какъ начнетъ онъ свой лай, да къ нему присоединится вытье волковъ, да медвѣжьи звуки, и все это сольется съ свистомъ вѣтра, съ воемъ пурги, а кругомъ мракъ, темнота, груды снѣга, — то и поймешь причину мрачности и суровости Самоѣдовъ; не возбудитъ такая обстановка чувства веселости, не заставитъ она человѣка бодро и весело глядѣть на близкихъ себѣ и на все окружающее.

Однако какъ во всемъ и вездѣ есть всегда своя свѣтлая сторона, такъ и въ тундрѣ есть явленіе, заставляющее на время забыть всю ея мрачность и уныніе: это—*сѣверное сіяніе*. Это такое явленіе, такая дивная игра природы, какую, не видѣвши своими глазами, трудно себѣ представить даже самымъ пылкимъ воображеніемъ. Вотъ на небѣ является темное пятно, будто облако; темнота сливается въ одно мѣсто, дѣлается гуще и гуще, и наконецъ глазу представляется почти черный сегментъ большаго круга; но всматриваясь ближе, видишь, что это не матовая чернота: сегментъ прозраченъ, а сквозь него проглядываютъ будто звѣзды. Потомъ черный край сегмента свѣтлѣетъ, и вы видите кайму, иногда въ аршинъ шириной; въ этой дугѣ или на бѣломъ фонѣ играетъ голубой отливъ, или на фонѣ желтоватомъ—отливъ зеленый; затѣмъ въ свѣтлой дугѣ начинается колебаніе, она то шатается вправо и влѣво, то качается

вверхъ и внизъ. Но вдругъ волненіе усиливается и ускоряется, свѣтлая дуга проваливается во многихъ мѣстахъ въ черный сегментъ и въ этихъ провалахъ свѣтится еще ярче и разширяется въ нихъ. Затѣмъ вдругъ изъ этихъ мѣстъ, будто ракеты, вылетаютъ вверхъ огненные столбы въ четверть шириной и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, столбы зеленые, голубые, красные, желтые, пурпуровые; и вылетаютъ они до зенита, до средины неба, чрезвычайно разнообразно: то извиваются змѣйкой, то сгибаются въ сторону, какъ гибкій камышъ отъ вѣтра, то укорачиваются, то удлинняются, а конецъ въ зенитѣ выпускаетъ между тѣмъ кисть изъ разноцвѣтныхъ лучей. Столбовъ бываетъ иногда очень много; и вся эта небесная коллонада колышется и толпится, наконецъ мало по малу столбы загибаются дугами и образуется корона, *вѣнецъ*, и тогда все явленіе достигаетъ такой красоты, что невозможно ни поэту его описать, ни живописцу схватить его красками. Почти вся половина неба въ разноцвѣтныхъ огняхъ, колышется и волнуется, всѣ предметы на землѣ будто тоже колеблются. И бѣлая скатерть земли, усыпанная плотнымъ снѣжнымъ пескомъ, представится уже не серебряной ризой, а брилліантовой, потому что въ каждой снѣжинкѣ играютъ разноцвѣтные лучи. Безмолвіе ночи въ пустынной тундрѣ еще болѣе увеличиваетъ прелесть этого дивнаго зрѣлища. Но вотъ мало по малу блѣднѣетъ вѣнецъ, свѣтовая дуга разрывается, дуги становятся рѣже, короче и безцвѣтнѣе. Вскорѣ по всему небесному своду разбрасываются широкія, блѣдныя, свѣтящіяся неподвижныя пятна, которыя постепенно сливаются въ бѣловатое нѣжное облако. Наконецъ темная ночь поглощаетъ все чудное зрѣлище, и снова зимній мракъ одѣваетъ пустынную и холодную тундру и опять охватываетъ путника, забывшаго на время и тундру, и опасныхъ хищныхъ ея обитателей, весь ужасъ одиночества и безсилія среди этой непривѣтливой природы.

Иное однако впечатлѣніе производитъ тундра, когда оцѣпѣнѣвшая природа пробудится подъ вліяніемъ лѣтнихъ лучей полярнаго солнца. Снѣга быстро стекаютъ и оттаявшая земля выпускаетъ растительность съ удивительной быстротой, потому что подъ глубокими снѣгами корни растеній нѣжились и покоились. Извѣстно, что по мѣрѣ спусканія въ глубину снѣга,

дѣлается все теплѣе и теплѣе, такъ что наприм. при 28° на поверхности, на саженной глубинѣ въ снѣгу только два градуса; слѣдовательно растенія всю зиму покоятся въ теплѣ, подъ защитой теплаго покрова, не заботясь, что снаружи свирѣпствуетъ морозъ въ 40—45°; а лишь только лѣто наступитъ и снѣга растаютъ, они быстро начинаютъ расти и цвѣсти, и также быстро отцвѣтаютъ, какъ бы предчувствуя скорое приближеніе морозовъ. Во второй половинѣ іюня начинаютъ *свѣжѣть* мхи, показывается травка, а на южномъ склонѣ какого нибудь утеса выставитъ одиноко свою головку какой нибудь цвѣтокъ. Но напрасно глазъ, привыкшій къ свѣжей зеленой травѣ нашихъ полей, будетъ искать здѣсь мягкую муравy; съ перваго взгляда вся поверхность представится ему будто старымъ истасканнымъ ковромъ, на которомъ кое гдѣ красуется, какъ бѣлый кораллъ, бѣлый оленій мохъ, иногда какъ бы украдкой проглядываетъ почти незамѣтная, полузакрытая, крошечная ива или малорослый ранункулъ (лютикъ); такая жалкая скудость вполнѣ сдѣлается понятна, когда, разгребая почву, встрѣчаешь, сначала сырую землю, а на палецъ глубины—лёдъ. Но встрѣчаются и здѣсь своего рода оазисы, особенно на такихъ скатахъ, которые защищены отъ губительныхъ вѣтровъ; хотя и здѣсь тоже нѣтъ сплошнаго дерна, но за то сколько прелести и разнообразія въ цвѣтахъ. Глядя сверху, часто видишь на растеніяхъ больше цвѣтовъ, чѣмъ зелени. Тутъ на темномъ фонѣ или среди сочной зелени ярко выдаются и желтые, и голубые, и красные, и пурпуровые, и бѣлые цвѣты, которые яркостью своихъ красокъ оживляютъ бѣдную природу тундры. Въ иныхъ защищенныхъ мѣстахъ послѣдней путника привѣтствуютъ тощіе кустики и и мелкія деревья, которыя, робко приподнявъ отъ земли свои верхушки, покачиваютъ ими отъ вѣтра и покрываются даже листьями.

Пробужденіе жизни въ тундрѣ почуяла рыба и поплыла она къ безчисленномъ количествѣ изъ подъ льдовъ Ледовитаго океана въ русло рѣкъ, чтобъ подышать воздухомъ и метнуть икру тамъ, гдѣ сквозь тонкій слой воды, живящее солнце можетъ обогрѣть только что вылупившу юся изъ яица рыбку. Оттаивающія болота и вскрывающіяся озера покрываются все болѣе и болѣе самыми разнородными породами птицъ: тамъ на свободѣ, вдали отъ толпы людской,

вьютъ гнѣзда и крякаютъ стаи утокъ и гусей; тамъ выводятъ свои протяжныя пѣсни группы лебедей; тамъ вьютъ гнѣзда зяблицы и, при появленіи солнышка, оглашаютъ воздухъ звуками веселья; тамъ длинноногія цапли бѣгаютъ по берегамъ озеръ и рѣкъ, пощипываютъ мягкую траву и отыскиваютъ случайно налившуюся ягоду клюквы. Тамъ сотни рябчиковъ и куропатокъ бѣгаютъ вокругъ низкихъ кустарниковъ; тамъ.... да много тамъ пернатыхъ, ими усѣяна тундра, съ ея многочисленными большими и малыми озерами.

Сѣверный олень, преслѣдуемый оводами и мошками, тоже является въ тундру изъ лѣсовъ и тянется громадными массами на сѣверъ, а за нимъ слѣдомъ идетъ его неизбѣжный спутникъ—Самоѣдъ, съ стадами домашнихъ оленей, со всѣмъ домомъ и домочадцами и своими санками, на которыхъ они и лѣтомъ переѣзжаетъ трясучія болота тундры и тѣ мѣста, гдѣ на оттаявшей на четверть землѣ не проваливаются ширококопытыя ноги оленя.

Длинный лѣтній день продолжается почти безъ перерывовъ; солнце почти не заходитъ; и въ этотъ короткій промежутокъ въ тундрѣ буквально кипитъ жизнь, всѣ какъ будто спѣшатъ воспользоваться короткимъ лѣтомъ, пожить и насладиться вдоволь. Туземцы спѣшатъ начать до заморозковъ интересный ловъ оленей загономъ въ озеро.

Для такого лова ставятъ по направленію къ озеру, близъ котораго былъ замѣченъ табунъ дикихъ оленей, колья, по обѣ стороны отмѣреннаго пространства, такимъ образомъ, чтобы разстояніе между двумя полосами кольевъ было въ началѣ очень широко, а потомъ, приближаясь къ озеру, все болѣе и болѣе съуживалось. Колъ отъ кола, на каждой сторонѣ, стоитъ примѣрно на 3 и болѣе аршина. Между кольями протягивается ремень изъ оленьей кожи и на него вѣшается всякая всячина: шапка, рукавицы, тряпки и т. д.; у съуженнаго конца загородки изъ кольевъ, у обрыва озера, протягивается большая сѣть.

Приготовивъ такимъ образомъ все для лова, туземцы садятся въ свои легкія нарты, запряженныя парою лучшихъ оленей, пщутъ обойти табунъ и съ крикомъ бросаются къ нему, стараясь загнать его въ широкую часть загородки. Если удалось загнать, они радостно торжествуютъ будущую побѣду и весело

несутся въ погоню. Все дѣло въ томъ, что олени, видя по сторонамъ колья, особенно съ висящими на нихъ вещами, не выскакиваютъ въ сторону въ промежутки, а несутся какъ разъ по срединѣ загородки все впередъ и впередъ, и запутываются наконецъ, столпясь въ растянутой у озера сѣти. Такой ловъ продолжается пока озера не замерзнутъ.

Но вотъ подходитъ сентябрь и картина измѣнится: растительность увядаетъ, воды готовы замерзнуть, рыба отходитъ къ морю, а птицы спѣшатъ на югъ, и тундра снова покрывается на 8 мѣсяцевъ бѣлымъ, блестящимъ покровомъ, снова освѣщается чуднымъ блескомъ луны, — блескомъ, свойственнымъ сѣверу, — яркими звѣздами и величественными сѣверными сіяніями; и снова безжизненность, безмолвіе и холодъ царствуютъ въ ней.

Елена Б.

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ КАПШТАДТА *).

Отъ пять часовъ утра я осѣдлалъ свою лошадь, — съ которой, скажу между прочимъ, мы большіе друзья,—и поѣхалъ, съ наслажденіемъ вдыхая въ себя свѣжій, ароматный воздухъ. Солнце уже взошло. Въ Капѣ вы можете встать какъ угодно рано, и все таки вамъ рѣдко удастся подняться раньше солнца. Но теперь оно было еще низко, и его лучи не согрѣвали еще землю. Однако все уже было облито золотистымъ свѣтомъ солнечныхъ лучей и блестѣло: и вода, и листья на деревьяхъ, и свѣжая густая трава. Былъ конецъ ноября, т. е. начало лѣта, и зелень не была еще высушена и сожжена. Годъ раздѣляется здѣсь на двѣ половины: лѣто и зиму; лѣто—отъ начала ноября до мая, а зима (время дождей) — отъ мая до конца октября. Весны и осени, промежуточныхъ временъ года, — здѣсь нѣтъ, или по крайней мѣрѣ они продолжаются не болѣе двухъ недѣль.

Моя лошадь, поминутно вздрагивая, нетерпѣливо кусала удила, удивляясь вѣроятно моему спокойствію, и порываясь отъ времени до времени понестись вдаль; но я сдерживалъ ея порывы: намѣреваясь сдѣлать большую прогулку, я хотѣлъ сберечь ея силы и дать ей волю только въ равнинахъ песковъ, куда я думалъ направиться въ этотъ день.

*) Авторъ этой статьи, прожившій нѣсколько лѣтъ на мысѣ Доброй Надежды, приготовляетъ для нашего журнала подробную статью объ этомъ интересномъ краѣ, которая и будетъ помѣщена въ слѣдующемъ нумерѣ «Семьи и Школы». *Ред.*

Мы проѣхали черезъ великолѣпный дубовый лѣсъ, чрезвычайно густой и тѣнистый, растущій у подошвы Столовой горы. Я забавлялся тѣмъ, что, оставивъ торную дорогу, пробирался зигзагами между деревьевъ, по временамъ пугая какого-нибудь дикобраза, важно грызущаго корни—свой утренній завтракъ; онъ быстро исчезалъ въ травѣ, ощетинивъ свои иглы точно цѣлый лѣсъ пикъ.

Въ спящемъ еще лѣсу царствовала глубокая тишина: ни одна муха не пролетала, ни одна птица не щебетала; только кое-гдѣ слышенъ былъ слабый трескъ какой-нибудь вѣтки, какъ бы пробуждающей своихъ подругъ, да ржанье моей лошади, которая, подпявъ кверху голову и навостривъ уши, будто безпокоилась о томъ, что ни одно человѣческое существо не попадалось ей на встрѣчу.

Когда мы проѣзжали мимо нѣсколькихъ хижинокъ, на меня залаяла собака и открылась дверь одной изъ хижинъ. На порогѣ показался маленькій, 7-ми—8-ми лѣтній негритенокъ, совершенно раздѣтый; это былъ довольно хорошенькій мальчуганъ, худощавый, съ толстой курчавой головой, оскалившій при видѣ меня два ряда великолѣпныхъ зубовъ.

За нимъ слѣдовала большая бѣлая коза, которая, увидѣвъ меня, отказалась идти дальше; напрасно мальчуганъ дергалъ ее за веревку: упрямое животное, опустивъ съ угрожающимъ видомъ голову, все болѣе и болѣе пятилось назадъ. Наконецъ негритенокъ, желая вѣроятно похвастаться передо мною своей храбростью, быстро вскочилъ на спину козы; но, вѣрно, это ему удалось только на половину, потому что чрезъ секунду онъ уже летѣлъ на землю, смѣясь во все горло. Я со смѣхомъ поѣхалъ дальше, оставивъ обоихъ борцовъ вѣроятно очень довольными своимъ взаимнымъ удальствомъ.

Я выѣхалъ изъ лѣса и спустился по небольшой лѣсистой отлогости къ самому городу.

Капштадтъ—не такой городъ, какъ всѣ большіе европейскіе города, всегда холодные и натянутые, гдѣ только и видишь большіе каменные дома, и гдѣ,—если вамъ случалось проѣзжать черезъ нихъ рано утромъ,—вы, вѣрно, замѣтили, что все печально и мертво, до той минуты, когда шумъ и движеніе экипажей возвратитъ имъ ихъ обычный видъ. Капштадтъ хорошень-

кій, очень хорошенькій городокъ, особенно когда на него смотришь, спускаясь съ горы, какъ я.

Одна часть города состоитъ изъ низенькихъ, кокетливыхъ домиковъ, окруженныхъ прекрасными тѣнистыми садами,— оттого эта половина города и называется «*Сады*».

Продолжая спускаться,—самъ городъ стоитъ на отлогости, которая круто спускается къ морю,—я проѣхалъ чистыя, широкія улицы, весело освѣщенныя солнцемъ и кишащія чернымъ народонаселеніемъ (бѣлые еще храпѣли).

Это былъ день рынка. Сотни телѣжекъ, запряженныхъ 12 и 14 быками, съ огромными рогами, привезли изъ окрестностей груды фруктовъ, зелени и особенно капусты. Это было точно наводненіе капусты. Можно было подумать, что весь городъ населенъ кроликами; однако это было не такъ. Двуногіе кролики, съ курчавыми головами, воздѣлывающіе капусту, привезли ее для продовольствія своихъ же ближнихъ, которые не всегда считали нужнымъ дожидаться той минуты, когда ихъ капуста сварится, но принимались отрывать одинъ листъ за другимъ, съѣдая ихъ съ большимъ аппетитомъ. Что же дѣлать? вкусы бываютъ различны.

Немного ниже — груды рыбы. Здѣсь пестрая толпа волновалась, кричала и торговалась, покупая *снука*, или морскихъ раковъ (*гомаровъ*). Снукъ — большая, длинная рыба, невкусная и вредная, но очень дешевая; она составляетъ почти единственную пищу черныхъ и особенно малайскихъ *кули* (cooli—посильщики и разсыльные). Послѣдніе варятъ ее съ рисомъ и ежедневно угощаются ею со всѣмъ семействомъ за ничтожную цѣну (8—10 копѣекъ). Кромѣ того, всѣ рыбаки—Малайцы; а такъ какъ религія Магомета, подобно религіи Евреевъ, запрещаетъ имъ употреблять въ пищу что либо убитое рукою христіанина, то вотъ еще одна побудительная причина къ употребленію снука, хотя этотъ снукъ, вмѣстѣ съ нечистоплотностью, навлекаетъ на нихъ страшную болѣзнь—проказу. Они до такой степени пропитаны снукомъ, что запахъ этой рыбы дѣлается ихъ личнымъ запахомъ, и если вы дотронетесь до руки Малайца, то какъ бы вы много послѣ этого ни мылись, вы на цѣлый день,—или даже на два,—не освободитесь отъ этого запаха.

На набережной все было въ движеніи. Корабли нагружались

и выгружались; огромные скрипучіе блоки поднимали и опускали громадные тюки шерсти и бараньихъ шкуръ, отправляемыхъ въ Англію. Шерсть составляетъ главное произведеніе Капа, и всѣ перчатки, которыя сдѣланы не изъ козьихъ кожъ, выдѣлываются изъ бараньихъ шкуръ Капа. Далѣе *кули* катили большія бочки съ разноцвѣтными и разнородными винами, крѣпкими и слабыми, кислыми и сладкими, тоже отправляемыми въ Европу. Другіе—двигали двуколесныя телѣжки, наполненныя углемъ для пароходовъ, величественно покачивающихся въ гаванп. — Все сливалось въ одинъ неопредѣленный, но ужасный шумъ: мужчины кричали и суетились, лошади пугались, блоки скрипѣли и трещали, цѣпи звякали, женщины смѣялись, дѣти пищали, собаки выли, — можно было подумать, что находишься среди самаго большаго смятенія; однако все дѣлалось если не совсѣмъ спокойно, то съ большимъ порядкомъ.

И ко всему этому шуму присоединялся еще глухой гулъ моря и плескъ волнъ, разбивающихся о стѣны набережной, принося съ собой свѣжій морской, солоноватый запахъ, заставляющій забыть даже ѣдкій запахъ дегтя, которымъ все было прошитано.

Лошадь моя казалась недовольною и нѣсколькими скачками въ сторону давала знать, что все это ее не забавляетъ, и что вѣрно я ее вывелъ изъ конюшни не для того, чтобы стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ и смотрѣть, какъ другіе двигаются. Находя, что она совершенно права, я круто повернулъ на право и скорой рысью выѣхалъ изъ города, все слѣдуя морскому берегу, до тѣхъ поръ, пока мы не выѣхали въ большія равнины песковъ — первопачальная цѣль моей прогулки.

Здѣсь противоположность была поразительна; можно было съ перваго взгляда вообразить себя перенесеннымъ какимъ-то волшебствомъ въ царство тишины, пустоты. Передо мной было необозримое, безпредѣльное пространство.

Вся мѣстность, которую можно было охватить взглядомъ, была бѣла; со стороны моря эта бѣлизна была ослѣпительна, съ другой же—грязновата, почти сѣровата, вслѣдствіе множества колючихъ кустарниковъ и бѣлыхъ вересковъ, густо растущихъ въ пескѣ.

Я опустилъ поводья и направился въ эту сторону. Лошадь моя, чувствуя себя наконецъ свободной, радостно пустилась въ

галопъ, сильно фыркая, чтобы удалить изъ своихъ ноздрей песокъ, вздымаемый ея широкими копытами.

Мало по малу я замѣтилъ, что мѣстность, казавшаяся мнѣ пустынною и безжизненною, была населена и оживлена. Здѣсь не было разумнаго, цивилизованнаго движенія набережной, но инстиктивное движеніе природы, которое привлекало и интересовало меня въ высшей степени.

Прежде всего я увидѣлъ сѣрыхъ и зеленыхъ ящерицъ; однѣ —убѣгали при моемъ приближеніи, другія—неподвижно, благодушно лежали на солнцѣ, которое начинало уже порядочно припекать. Можно было принять этихъ толстыхъ лѣнивцевъ за мертвыхъ, если бы отъ времени до времени они медленно не переворачивались, какъ бы давая себя поджаривать съ другой стороны.

Я сдерж[illegible] бѣгъ моей лошади, какъ для того, чтобы не произвести [illegible] между этимъ народонаселеніемъ, такъ и для того, ч[illegible]ойнѣе наблюдать. И хорошо сдѣлалъ, потому что че[illegible]колько шаговъ началось нѣчто въ родѣ гимнастики, которая пришлась очень не по вкусу мнѣ и моему товарищу. Весь песокъ на протяженіи 2 верстъ былъ изрытъ кротами.

Надо знать, что кроты Капа пескокопы не такія невинныя животныя, какъ кроты нашихъ странъ, (я говорю — *невинныя* сами по себѣ, но не относительно тѣхъ раззореній, которыя они про[illegible] на обработанной почвѣ). Тамъ они величиной въ оче[illegible]ю крысу и защища[illegible]же хорошо, какъ и [illegible]у нихъ страшные зубы, которые не отпускаютъ схватившую ихъ руку, не оставивъ на ней значительныхъ слѣдовъ. Какъ видите, къ этимъ господамъ надо относиться съ почтеніемъ. На нихъ прекрасная сѣрая шерстка и изъ ихъ кожи дѣлаютъ очень порядочныя перчатки.

Пескокопъ (Bathyergus suillus).

Въ настоящую минуту мнѣ приходилось опасаться не зубовъ ихъ, а прорытыхъ ими глубокихъ ямъ, въ которыя моя лошадь проваливалась иногда до колѣнъ, къ своему великому неудовольствію и къ моему великому безпокойству, потому что

я боялся, чтобы она не сломала себѣ ноги, что́ непремѣнно случилось бы съ другой не туземной лошадью. Но она, какъ хорошая кануанка, чуяла почву и лишь только догадывалась о присутствіи такой ямы, совершенно скрытой пескомъ, дѣлала прыжокъ и перескакивала черезъ нее; это однако не мѣшало ей снова попадать въ другую подобную же яму. Наконецъ мы рѣшились подвигаться впередъ какъ можно осторожнѣе, до тѣхъ поръ, пока не добрались до «твердой земли».

Обративъ вновь вниманіе на окружающее, я замѣтилъ, что ящерицы почти исчезли и что, по мѣрѣ того какъ мы подвигались, все вокругъ меня приходило въ большее и большее движеніе. Насѣкомыя блестящихъ цвѣтовъ перелетали съ мѣста на мѣсто и разнаго рода змѣи отползали отъ насъ вправо и влѣво; однако онѣ исчезали не такъ скоро, чтобы не дать мнѣ возможности полюбоваться ихъ блестящими пестрыми кольцами. Видъ, наиболѣе здѣсь распространенный, извѣстенъ подъ названіемъ *Кобра-Каппель* (*Cobra-Cappelle*)*). Эта змѣя длиною отъ 4 до 5 аршинъ, толщиной въ руку, замѣчательной пестроты и очень красивая, но тѣмъ не менѣе ядовитая. Иногда онѣ высовывали свою плоскую голову изъ-за кустарниковъ, злобно пошевеливая своей раздвоенный языкъ, но большею частью исчезали въ зелени, производя звукъ или шипѣніе подобное свисту хлыста по воздуху.

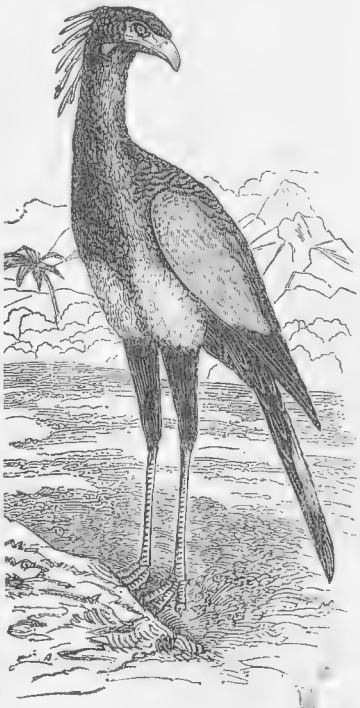
Впрочемъ, ѣхать между ними на лошади не опасно, тѣмъ болѣе, что мой добрый товарищъ былъ на-сторожѣ. Змѣя обыкновенно не нападаетъ на человѣка; ея первое побужденіе—бѣжать, если ее не трогаютъ и не причиняютъ ей боли. Я не говорю про большихъ американскихъ змѣй, какъ напримѣръ боа, обширный, почти постоянно голодный желудокъ котораго требуетъ, чтобы онъ силой добывалъ себѣ пищу, соотвѣтственную своимъ потребностямъ, и для котораго человѣкъ, быкъ, олень и т. д. составляютъ лакомые кусочки.

Кроликъ, цыпленокъ, лягушка, птица—удовлетворяютъ Cobra-Cappelle; она даже обладаетъ утонченнымъ вкусомъ, въ томъ смыслѣ, что любитъ глотать яйца, и далеко не прочь полакомиться молокомъ. Не рѣдко она пробирается въ конюшни и доитъ коровъ,—для своего собственнаго употребленія,—не при-

*) Это видъ Асписа—Найя. *Ред.*

чиняя при этомъ имъ ни малѣйшаго вреда. Она не пренебрегаетъ тоже входить въ кухни и стаскивать то, что найдетъ себѣ по вкусу.

Въ настоящую минуту надо было стараться только не наступать на нихъ, и въ этомъ я совершенно положился на моего умнаго товарища.



Вдругъ я замѣтилъ на лѣво отъ себя большую, черную массу, которая странно кривлялась. Не имѣя возможности разсмотрѣть что это такое, я направился въ ту сторону, не смотря на нѣкоторое сопротивленіе моей встревоженной лошади, и скоро узналъ въ этой массѣ большаго *секретаря*,— красивая, хищная птица, отличающаяся своимъ сильнымъ, крючковатымъ и очень разсѣченнымъ клювомъ, выдающимися бровями и особенно несоразмѣрно длинными ногами, покрытыми перьями. На каждой сторонѣ ея головы — длинный прямой хохолъ, который придаетъ ей нѣкоторое сходство съ писцами, когда они, отрываясь на время отъ своей работы, закладываютъ перо за ухо; по этому ей и дано названіе «секретаря». Эта птица, черная и очень красивая, живетъ исключительно въ южной Африкѣ; она питается насѣкомыми, маленькими черепахами и змѣями, съ которыми всегда ожесточенно борется, почему ей и дано еще названіе *(Serpentarius) Змѣядъ.*

Такъ какъ въ природѣ каждый родъ имѣетъ своего особеннаго врага, вѣроятно для того, чтобы онъ не могъ размножаться въ ущербъ другимъ родамъ, то не удивительно, что тамъ, гдѣ распространены змѣи, водятся непремѣнно и змѣяды.

Змѣядъ, котораго я имѣлъ передъ собою, былъ именно занятъ борьбой съ великолѣпнымъ Cobra Capell'омъ. Я остановился и сталъ смотрѣть. Змѣя закрутилась вокругъ ноги птицы

и напрасно пыталась укусить ее; та держала гадину за шею и старалась задушить ее своимъ страшнымъ клювомъ. Это было не такъ-то легко, потому что змѣя развертывалась вдругъ, какъ пружина, и наносила и тѣломъ, и хвостомъ сильные удары въ голову своего противника. Секретарь отпускалъ на минуту свою добычу, быстро подымался надъ землею и съ сильнымъ ударомъ крыльевъ снова опускался на *кобру*, чтобы опять начать ожесточенную борьбу. Одну минуту я думалъ, что птица погибла, потому что гадина закрутилась вокругъ ея головы; но желѣзный клювъ все держалъ шею змѣи, и наконецъ, послѣ многихъ перемѣнъ, весьма для меня интересныхъ, птица такъ удачно дѣйствовала и крыльями, и ногами, и клювомъ, что жертва ея медленно развернулась и скользнула на землю, совершенно задушенная: — обыкновенный результатъ этихъ кровавыхъ драмъ.

Мнѣ очень хотѣлось знать, проглотитъ-ли секретарь сейчасъ же свою добычу, или же дастъ себѣ время насладиться побѣдой; но лошадь моя положительно отказалась стоять на одномъ мѣстѣ, и я рѣшился продолжать свой путь. Я навѣрное не зналъ, почему мой товарищъ выказалъ вдругъ такое открытое возмущеніе; но причина этого не замедлила открыться. На насъ напалъ легіонъ мошекъ, буквально незамѣтныхъ, нападенію которыхъ лошадь моя подверглась прежде меня; черезъ минуту мы испытывали настоящую пытку.

Представьте себѣ милліоны микроскопическихъ насѣкомыхъ, которыя влѣзаютъ вамъ въ глаза, въ носъ, въ уши, въ ротъ, и которыя преслѣдуютъ васъ въ продолженіе четверти часа! Это просто можетъ свести съ ума. Я пустилъ свою лошадь въ галопъ и закрылъ себѣ лицо платкомъ; но мои незакрытыя уши причиняли мнѣ такое страданіе, что я заплакалъ отъ ярости и боли. Бѣдная моя лошадь была измучена; она едва могла двигаться. Я каждую минуту ожидалъ, что она понесетъ меня, и даже почти желалъ этого, думая, что мы можемъ такимъ образомъ скорѣе избавиться отъ этого легіона незамѣтныхъ демоновъ. Къ счастью, они сами покинули насъ, за что я имъ былъ невыразимо благодаренъ. Я глубоко вздохнулъ, и лошадь моя послѣдовала моему примѣру; только, кажется, ея вздохъ имѣлъ цѣлью выгнать изъ ея ноздрей оставшихся еще въ нихъ крылатыхъ враговъ. Какъ бы тамъ ни было, мы остановились, что-

бы перевести духъ; и въ самомъ дѣлѣ, мы чувствовали въ этомъ потребность, потому что, еслибы пытка продолжалась еще немного, мы бы задохлись.

Я воспользовался этой остановкой, чтобы закурить сигару и осмотрѣться. Солнце начинало-таки порядочно припекать мнѣ лицо; голова моя горѣла, не смотря на шляпу изъ коры алоэ, окруженную широкимъ тюрбаномъ изъ бѣлой кисеи. Мое пересохшее отъ быстрой ѣзды и удушенія горло заставляло меня инстинктивно высматривать, нѣтъ-ли гдѣ нибудь воды. Воды — нигдѣ, но вмѣсто нея — столбъ дыма. А такъ какъ нѣтъ дыма безъ огня и нѣтъ огня безъ кого-нибудь, кто бы его зажегъ, особенно въ равнинахъ песковъ, то я и направился къ этому дыму. Скоро я увидѣлъ нѣсколько негритянскихъ хижинокъ, построенныхъ изъ листьевъ и вѣтвей, разбросанныхъ вдоль небольшаго оврага и находящихся какъ бы подъ наблюденіемъ каменнаго дома, — вѣрный знакъ того, что здѣсь поселился какой-нибудь фермеръ.

Меня могутъ спросить: къ чему ферма посреди песковъ? На это я отвѣчу любопытнымъ, что въ этой счастливой странѣ растительность обладаетъ такой жизненностью, а солнце — такимъ жаромъ, что все, даже на самой худшей почвѣ, растетъ вдвое лучше, чѣмъ у насъ на самой жирной землѣ. Впрочемъ, вѣдь и у насъ картофель очень хорошо растетъ на нежирной почвѣ; тамъ же онъ произрастаетъ въ самомъ сухомъ пескѣ въ сосѣдствѣ съ маисомъ и арбузами.

Дѣйствительно, хижины окружены были большими плантаціями, и Кафры, болѣе чѣмъ на половину голые, варили картофель посреди поля.

Я остановился передъ первой хижиной, въ дверяхъ которой стояла старая, сѣдая негритянка и бросала разные коренья и другіе объѣдки двумъ толстымъ чернымъ свиньямъ, весьма похожимъ на кабановъ, и внушающимъ такъ же мало довѣрія. Я поклонился старухѣ и попросилъ ее дать мнѣ стаканъ воды. Она въ началѣ не поняла; но нѣсколько брошенныхъ ей мѣдныхъ монетъ заставили ее понять, и она вошла въ хижину, оставивъ меня въ обществѣ двухъ кабановъ, которые кружились вокругъ меня и обнюхивали ноги моей лошади, повидимому находя въ этомъ особенное удовольствіе. Лошадь моя, чув-

ствуя себя, вѣроятно, оскорбленной этимъ, сильно лягнула ихъ раза два или три, что заставило ихъ удалиться съ такимъ крикомъ, какъ будто ихъ рѣзали. Въ это время появилась старуха, держа въ одной рукѣ маленькую кружку съ отбитымъ носкомъ, а въ другой надтреснувшій стаканъ; но что это былъ за стаканъ, Боже мой!.. Трудно было сказать, употребляли ли его люди, или же онъ служилъ обычной посудой для свиней. Замѣтивъ, что она собиралась уже налить въ него воду, я попросилъ ее прежде его вычистить.

Моя просьба, кажется, чрезвычайно ее озадачила. Она взглянула на меня своими большими, тусклыми, распухшими глазами и сказала: «А, вы англичанинъ». Затѣмъ, пожавъ плечами, рѣшительно подняла свою юбку и начала вытирать стаканъ подоломъ рубашки, которая была болѣе чѣмъ сомнительной чистоты.

Меня охватилъ непреодолимый ужасъ, и я, ударивъ сильно хлыстомъ мою лошадь, пустился въ галопъ, оставивъ старую вѣдьму въ полномъ изумленіи, съ ея кружкой, стаканомъ и милыми свиньями.

«По крайней мѣрѣ въ домѣ фермера,—думалъ я,—я утолю свою жажду, не подвергаясь при этомъ тошнотѣ». Увы! новая неудача! Домъ былъ запертъ и внутри, ни души; очевидно, всѣ были въ полѣ.

Я начиналъ приходить въ очень дурное настроеніе духа и приблизился довольно рѣзко къ большому ручному страусу, который важно расхаживалъ передъ крыльцомъ, какъ будто ему было поручено сторожить домъ. Мое внезапное появленіе, вѣроятно, испугало его, потому что онъ началъ страшно кричать, отчаянно махая крыльями.

При этомъ шумѣ три большія собаки, выбѣжавъ неизвѣстно откуда, бросились на насъ съ яростнымъ лаемъ, и одна изъ нихъ, схвативъ мою лошадь за заднюю ногу, вонзила ей въ щиколодку зубы, какъ бы намѣреваясь ее растерзать. Мой бѣдный товарищъ, бѣшеный отъ боли, вставалъ на дыбы, прыгалъ, и до того лягался, что наконецъ отбросилъ ее, воющую какъ безумную, за десять шаговъ отъ себя, и мы понеслись прямо въ оврагъ, рискуя переломать себѣ кости. Къ счастью, наше паденье было ослаблено тинистой водой, которою оврагъ былъ на-

полненъ. Смѣло пустившись вплавь, моя лошадь перенесла меня на противоположный берегъ, на который ей было, впрочемъ, не легко вскарабкаться; но наконецъ мы взобрались, измокшіе и грязные до невѣроятности; тѣмъ не менѣе мы избавились отъ чудовища, а это было главное.

Изъ ноги моей лошади шла довольно сильно кровь; но такъ какъ вода, которую мы переплыли, обмыла рану, то я не особенно безпокоился. Однако, я направился влѣво, чтобы шагомъ вернуться домой.

Было десять часовъ. Жара и жажда сдѣлались почти невыносимыми; а песокъ такъ блестѣлъ, что ослѣплялъ глаза, и нельзя было глядѣть передъ собой иначе, какъ моргая ежеминутно. Черезъ четверть часа тихой ѣзды, когда я проѣзжалъ мимо группы кустарниковъ, передо мною вдругъ очутился высокій негръ и остановилъ мою лошадь за узду. Предполагая въ немъ недобрыя намѣренія, я хотѣлъ уже хорошенько ударить его хлыстомъ, когда онъ заговорилъ ломанымъ англійскимъ языкомъ:

— Не идти туда, собаки ѣдятъ васъ.

«Я только что ушелъ отъ твоихъ собакъ, дуракъ; зачѣмъ у тебя такія собаки?

— Чтобы хранить стадо ночью, для хищныхъ звѣрей.

«Но, чортъ возьми, зачѣмъ же ты не привязываешь ихъ днемъ?»

— О нѣтъ, тогда собаки ѣдятъ меня!

Раздраженный такой негритянской логикой, я поѣхалъ далѣе и проѣхалъ мимо прекраснаго стада коровъ, лежащихъ на солнцѣ и съ покорнымъ видомъ пережовывающихъ жвачку, не смотря на миріады большихъ мухъ, которыя съ глухимъ жужжаніемъ кружились вокругъ нихъ. Вдругъ одинъ великолѣпный быкъ, побуждаемый какъ бы электрическимъ толчкомъ, вскочилъ и, пристально глядя на меня, опустивъ голову, расширяя ноздри, началъ бить землю своимъ раздвоеннымъ копытомъ и колотить себя хвостомъ по ребрамъ. Я очень хорошо понялъ, что это было объявленіе войны, и, не ожидая начала непріятельскихъ дѣйствій, пустился скорой рысью, увѣренный, что мое удаленіе успокоитъ моего противника. Но, къ моему великому удивленію, онъ пустился также скорой рысью и кинулся меня преслѣдовать, не смотря на крики пастуха и на мычанье стада, которое все еди-

нодушно поднялось на ноги, какъ бы желая присутствовать при зрѣлищѣ.

Я помчался въ галопъ; быкъ послѣдовалъ моему примѣру; вопросъ былъ въ томъ—кто кого перегонитъ. Такое состязаніе взволновало бы самаго равнодушнаго зрителя.

Что касается меня, мое сердце билось съ страшной силой. Я не могъ заблуждаться: если быкъ насъ настигнетъ,—мы сброшены, стоптаны, раздроблены, вскинуты на рога.

Самое ужасное было то, что поднятый моей лошадью песокъ образовалъ между мной и страшнымъ животнымъ густое облако. Не было никакой возможности его видѣть, но я слышалъ его яростный галопъ и тяжелое хриплое дыханіе, которое слышалось все ближе и ближе. Моя лошадь была утомлена, измучена и, не смотря на свой ужасъ, поневолѣ все болѣе и болѣе замедляла свой бѣгъ. Одну минуту я чувствовалъ горячее и влажное дыханіе страшнаго животнаго на моемъ плечѣ, и считалъ себя погибшимъ.

Однако, собравъ всѣ свои силы, я легъ на шею моей лошади, осыпая ее ударами то въ бокъ, то въ голову, кулаками и хлыстомъ; что положительно заставило ее закусить удила.

Я былъ спасенъ, потому что ни одинъ быкъ не можетъ соперничать въ скорости бѣга съ лошадью, закусившей удила; такой бѣгъ лошади почти также быстръ, какъ полетъ птицы.

Мало по малу страшное дыханіе и галопъ все болѣе и болѣе удалялись отъ меня и, наконецъ, замерли вдалекѣ. Я сталъ сдерживать свою лошадь и направилъ ее къ хорошо мнѣ знакомой деревнѣ, которой мы достигли послѣ невѣроятныхъ усилій. Мой бѣдный другъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ; потъ катился съ него градомъ, и ноздри и ротъ были наполнены кровью. А я, блѣдный, разбитый, со стиснутыми зубами, не могъ произнести ни одного звука. У меня едва достало силы сдѣлать знакъ, чтобы мнѣ принесли пить, и залпомъ выпилъ цѣлую бутылку крѣпкаго пива, поспѣшно принесенную мнѣ. Я велѣлъ принести еще бутылку и насильно заставилъ выпить ее всю моего товарища, который едва держался на ногахъ.

Черезъ минуту мы совершенно оправились и успокоились; но пиво подѣйствовало,—мы оба были совершенно пьяны.

Я не знаю какъ мы доѣхали до дому; знаю только, что деревья, растущія по обѣ стороны дороги, производили очень странныя эволюціи: то они становились на самой серединѣ дороги, такъ что моя лошадь глупѣйшимъ образомъ натыкалась на нихъ, то они удалялись отъ насъ и мы находились вдругъ въ пустомъ полѣ, и мнѣ все казалось, что мы постоянно кружимся на одномъ мѣстѣ.

Къ нашему удивленію, мы однако пріѣхали, и когда я вошелъ къ вечеру въ конюшню, чтобы перевязать распухшую ногу моей лошади и дать ей ея ежедневную порцію моркови и свѣжей травы, блескъ ея глазъ и маленькіе веселые прыжки ясно доказывали мнѣ ея удовольствіе и желаніе начать завтра же такую же прогулку, съ условіемъ получить вторую бутылку пива для возбужденія аппетита.

Если вы, друзья мои, когда нибудь будете въ Капштадтѣ и если вы любите волненія,—я рекомендую вамъ подобныя прогулки; только съ меньшимъ количествомъ мошекъ, съ болѣе чистыми стаканами, поменьше собакъ, и безъ быковъ. Но желаю вамъ, взамѣнъ этихъ удовольствій,—хорошіе глаза для наблюденій и, особенно, такого же вѣрнаго, смышленаго товарища, который—такъ же какъ мой—спасалъ бы васъ отъ разныхъ бѣдъ; а на нихъ васъ неминуемо натолкнетъ ваша предпріимчивость и ваша любовь къ неизвѣстному.

Л. В.

МОЛНІЯ И ГРОМЪ.

Если васъ спросятъ, что такое молнія и что такое громъ, то вы конечно отвѣтите, что молнія — это большая электрическая искра, а громъ — трескъ, который всегда бываетъ при перескакиваніи электрической искры. Отвѣтите вы теперь такъ потому, что сами дѣлали *маленькую молнію* *), сами пробовали добывать сначала крошечную искру, потомъ искру побольше, и можете слѣдовательно допустить, что могутъ быть искры и гораздо крупнѣе, если только скопится больше электричества. Вы слышали трескъ отъ искры, и замѣтили, что чѣмъ больше искра, тѣмъ сильнѣе и трескъ, и понимаете поэтому, что отъ такой большой искры, какъ молнія, долженъ быть дѣйствительно страшный трескъ. Вы не будете уже объяснять грозу такъ, какъ объясняютъ тѣ, которые не знаютъ ея настоящей причины, а скажете, что въ тучахъ скопилось много электричества, поэтому сверкаетъ молнія и гремитъ громъ. Все это вы понимаете потому, что сами, собственнымъ опытомъ, убѣдились въ существованіи въ природѣ такой силы, которая можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ дать искру съ трескомъ.

Не такъ думаютъ тѣ люди, которые не знаютъ о существованіи электричества. Вамъ, можетъ быть, не разъ случалось отъ нихъ слышать, что гроза — это ѣзда Ильи пророка по облакамъ на огненной колесницѣ; оттого и громъ, оттого и молнія. Откуда же взялось такое странное объясненіе? Взялось оно отъ язычества; ведетъ оно свое начало съ того давняго времени, когда люди поклонялись разнымъ богамъ, приписывали каждому

*) См. „Опыты“ въ предыдущей книжкѣ.

изъ нихъ извѣстную силу, считали ихъ распорядителями того или другаго явленія природы.

Теперь наука изслѣдовала почти всѣ эти явленія: движеніемъ земнаго шара объяснила кажущееся движеніе солнца, указала причину дня и ночи, вѣтра, дождя, грозы и пр.; теперь намъ легко понять сущность этихъ явленій, ихъ законную причину и ихъ неизбѣжность при существованіи извѣстныхъ условій. Но не такъ было въ прежнее, далекое отъ насъ время. О круглотѣ земли не имѣли тогда люди никакого понятія: по ихъ мнѣнію, земля была плоская какъ тарелка, и кончалась она тамъ, гдѣ сходится съ нею сводъ небесный. Надъ землею видѣли они голубое небо, которое считали твердымъ куполомъ, упирающимся своими краями въ землю. Видѣли они, что по этому твердому небу проходитъ съ одного конца до другаго яркое солнце, свѣтящее и грѣющее, а когда спрячется солнце—зажигаются звѣзды и идетъ мѣсяцъ, то круглый какъ солнце, то серпомъ. По тому же твердому небу ходятъ облака и тучи, кропятъ дождемъ, сыплютъ пушистымъ снѣгомъ, а иной разъ и твердымъ градомъ, который побиваетъ поля и посѣвы. А вотъ надвигаются темныя тучи, въ нихъ блещетъ огонь и что-то сильно гремитъ; подошла такая туча, и вдругъ летитъ на землю небесный огонь, который сожигаетъ, разрушаетъ и убиваетъ. Двигаются эти облака и тучи туда, куда ихъ вѣтеръ гонитъ; а дуетъ вѣтеръ то съ одной стороны, то съ другой; то теплый, то холодный; то слабый, то такой сильный, что ломаетъ все на пути. Каждый можетъ сдѣлать вѣтеръ—стоитъ только подуть; но кто же это дуетъ такъ сильно, что охватываетъ всю землю, да и тучи небесныя гонитъ по своему произволу? Кто заставляетъ солнце выходить каждое утро изъ-за земли и проходить по небесному своду изъ конца въ конецъ? Кто зажигаетъ ночью звѣзды и высылаетъ мѣсяцъ, чтобы людямъ не было слишкомъ темно? Кто велитъ твердымъ облакамъ и тучамъ (а такими считали ихъ прежде люди) выпускать изъ себя то дождь, то снѣгъ, то градъ? Откуда огонь въ этихъ тучахъ? — Такъ спрашивали себя древніе люди и не зная, что въ природѣ все дѣйствуетъ по однажды на всегда установленнымъ законамъ, приписывали каждое явленіе особому распоряженію высшихъ силъ. Такимъ образомъ явилось у древнихъ людей понятіе о высшихъ существахъ—божествахъ, управ-

ляющихъ видимымъ міромъ и судьбами людей; были у нихъ: богъ солнца, богиня луны, богъ вѣтра, богъ плодородія, богъ войны и т. д.; громъ и молнію производило главное божество. Наши предки, славяне, признавали главнымъ богомъ Перуна; онъ-то и металъ свои огненныя стрѣлы изъ-за грозныхъ тучъ, а громъ считался, вѣроятно, голосомъ разгнѣваннаго бога.

Приняли наши предки христіанство, но не могли они скоро отказаться отъ прежнихъ своихъ понятій о главномъ богѣ и о второстепенныхъ богахъ, имѣющихъ, такъ сказать, свой отдѣльный кругъ управленія. И до сихъ поръ крестьяне во многихъ мѣстностяхъ почитаютъ напр. Флора и Лавра покровителями лошадей: 18-го августа (день, въ который празднуется память этихъ святыхъ) приводятъ лошадей къ церкви и служатъ молебенъ. Охотно отдаютъ они дѣтей въ школу 1-го декабря, потому что «пророкъ Наумъ наставитъ на умъ». Есть даже у нихъ цѣлое наставленіе о томъ, въ какой болѣзни какому святому слѣдуетъ молиться... Не мудрено поэтому, что узнавъ изъ Библіи о томъ, что пророкъ Илія былъ взятъ на небо въ огненной колесницѣ, наши предки предположили, что онъ-то значитъ и производитъ своей колесницей грохотъ на облакахъ и пускаетъ огненныя стрѣлы. Въ этомъ подкрѣпляло ихъ еще и то обстоятельство, что память пророка Иліи празднуется 20-го іюля, а около этого времени бываетъ больше всего грозъ, около этого времени были поэтому и празднества въ честь Перуна. И теперь многіе думаютъ, что въ Ильинъ день непремѣнно бываетъ гроза; а если день этотъ пройдетъ безъ грозы, то утѣшаютъ себя тѣмъ, что гдѣ-нибудь она навѣрно была. Что она была гдѣ нибудь—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что около этого времени, какъ сказано выше, часто бываютъ грозы; но ее ждутъ обыкновенно вездѣ, по всей Россіи, полагая, что Илья пророкъ, въ тотъ день, который церковь посвящаетъ его памяти, непремѣнно долженъ проѣхать надъ нами по небу въ своей колесницѣ.

Такъ могли думать наши древніе предки, потому что имъ мало была знакома наука; но продолжать держаться этого мнѣнія теперь — было бы странно. Наука ясно растолковала намъ законы природы; объяснила, что всѣ видимыя нами явленія безусловно подчинены этимъ разъ навсегда установленнымъ зако-

намъ; что если, по извѣстнымъ причинамъ, нѣтъ въ воздухѣ испареній, то не можетъ быть и тучъ; что тучи — это туманъ, и что ѣздить по нимъ слѣдовательно нельзя; что если нѣтъ въ тучахъ электричества, то не будетъ и грозы, будь это хоть Ильинъ день, и что напротивъ если по извѣстнымъ обстоятельствамъ въ тучахъ скопилось много электричества, то гроза будетъ непремѣнно; однимъ словомъ, что въ дѣлѣ грозы — Илья пророкъ съ его колесницей не при чемъ.

Уже древніе естествоиспытатели пытались объяснить грозу болѣе разумнымъ образомъ. Напримѣръ, римскій ученый Сенека, жившій около 2000 лѣтъ тому назадъ, говорилъ: «отъ удара стали о кремень и отъ тренія двухъ кусковъ дерева одинъ о другой — рождается огонь. Поэтому, легко можетъ быть, что облака, гонимыя вѣтромъ, точно такимъ же образомъ воспламеняются чрезъ столкновеніе или взаимное треніе».

Такое мнѣніе покажется теперь, конечно, очень страннымъ. Но нужно знать, что въ то время, когда жилъ Сенека, еще не было ничего извѣстно объ электрической искрѣ; электричество было извѣстно только какъ сила (замѣченная въ электронѣ т. е. въ янтарѣ), *притягивающая* легкія тѣла. Только въ XVII вѣкѣ было открыто, что не одинъ янтарь, но всякая смола, стекло и нѣкоторыя другія вещества имѣютъ ту же силу, и что электричество, въ сильно возбужденномъ состояніи, производитъ искру.

Но даже и послѣ того, какъ была открыта способность электричества давать искру, ученые долго не рѣшались признать молнію такою же электрическою искрой. Они, правда, предполагали это, но положительно утверждать не могли, такъ какъ не были въ состояніи представить на это какія-либо ясныя доказательства. Для того, чтобы доказать это, — нужны были опыты.

Первый, кому пришло въ голову произвести такой опытъ, былъ американецъ *Веніаминъ Франклинъ*. Если во время грозы — думалъ онъ — въ верхнихъ слояхъ воздуха дѣйствительно скопляется электричество, то оно непремѣнно должно спуститься на землю, когда между верхними слоями воздуха и землею будетъ помѣщенъ какой нибудь хорошій проводникъ. Поэтому онъ задумалъ пустить во время грозы подъ облака такой змѣй,

какой пускаютъ дѣти. Онъ натянулъ большой шелковый платокъ на двѣ деревянныя, связанныя крестообразно палочки, на концахъ которыхъ были желѣзныя острія; привязалъ къ этому хвостъ и конецъ длинной бичевки, и пустилъ въ облака, когда собиралась гроза. Это было въ г. Филадельфіи (въ сѣверной Америкѣ) въ іюнѣ 1752 года. Черезъ нѣсколько времени Франклинъ замѣтилъ, что нѣкоторыя отдѣльныя ниточки (волокна) бичевки отталкиваются отъ нея и приподнимаются, что явно показывало присутствіе электричества въ бичевкѣ. Тогда онъ привязалъ къ концу ея большой ключъ, а къ ключу — шелковый шнурокъ, который и взялъ въ руку. Шелкъ—какъ вы уже знаете — дурной проводникъ электричества; поэтому электричество бичевки должно было собираться въ ключѣ и оставаться въ немъ. И дѣйствительно, когда онъ поднесъ палецъ къ ключу, то замѣтилъ, что изъ ключа въ палецъ перескочила искра съ трескомъ. Искры сдѣлались больше, когда пошелъ дождь и смочилъ бичевку, потому что вода — хорошій проводникъ электричества, и по мокрой бичевкѣ электричество сильнѣе переходило изъ облака въ ключъ.

Въ слѣдующемъ, 1753 году дѣлалъ подобный же опытъ французъ *де-Романъ*. Его опытъ былъ еще удачнѣе, потому что онъ обмоталъ бичевку, на которой пускалъ змѣй, тонкою проволокою. Къ концу бичевки была привязана жестяная трубка, которая и должна была собирать электричество, а отъ нея до руки шелъ шелковый шнурокъ, спрятанный подъ крышею, чтобы не намокъ (иначе вода стала бы проводить электричество въ руку). Змѣй поднялся на высоту 80-ти саженъ. Изъ жестяной трубки постоянно перескакивали въ землю большія искры съ очень сильнымъ трескомъ, дѣлая въ землѣ дыры почти въ дюймъ шириною. Веревка свѣтилась по всей длинѣ.

Эти опыты ясно доказали, что молнія—та же электрическая искра.

Въ воздухѣ душно—тяжело дышать; чувствуется какой-то томительный зной, и вы почти навѣрно можете сказать, что будетъ гроза. И дѣйствительно, на горизонтѣ появляются густыя бѣлыя облака; они мало по малу соединяются одно съ другимъ, дѣлаются темнѣе и темнѣе, и медленно приближаются. Подъ

большимъ, главнымъ облакомъ обыкновенно можно замѣтить нѣсколько отдѣльныхъ, какъ-бы разорванныхъ облачковъ, двигающихся по разнымъ направленіямъ. Когда облака значительно сгустятся, начинаетъ въ нихъ блистать молнія: приближается гроза.

Не знаю, что дѣлаете вы при приближеніи грозы,—можетъ быть, прячетесь въ темную комнату?—я же обыкновенно становлюсь у окна (конечно, закрытаго) съ той стороны, откуда подходитъ туча, или выхожу на крыльцо, и любуюсь. Совѣтую вамъ дѣлать тоже самое, а не прятаться. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему вы прячетесь? Вы боитесь, чтобы васъ не убило молніей? Но, во-первыхъ, молнія убиваетъ такъ рѣдко, что на это почти нечего и разсчитывать; спросите, многихъ ли она убила въ той мѣстности, гдѣ вы живете? Во-вторыхъ, неужели вы думаете, что если вы забились куда нибудь въ уголъ, или хотя бы и подъ подушки,—какъ дѣлаютъ нѣкоторые,—то вы этимъ защищены отъ удара молніи? Не походите-ли вы въ этомъ случаѣ на страуса, который, какъ разсказываютъ, не имѣя возможности убѣжать отъ погони, зарываетъ голову въ песокъ и думаетъ, что его теперь не видно, и что онъ спасенъ. Вы смѣетесь надъ несообразительностью страуса; а я, въ свою очередь, имѣю полное право посмѣяться надъ вами, если вы думаете спрятаться отъ молніи, такъ какъ вы въ этомъ случаѣ нисколько не разсудительнѣе страуса. Но, можетъ быть, вы мнѣ скажете, что боитесь грозы и прячетесь отъ нея только потому, что молнія такъ сильно блеститъ, а громъ такъ страшно гремитъ. Въ такомъ случаѣ вотъ вамъ мой совѣтъ: попросите кого-нибудь, кто не такой трусъ какъ вы, постоять съ вами у окна во время грозы, соберите всю вашу храбрость и смотрите на тучи. Я увѣренъ, что если вы сдѣлаете это разъ или два, то молнія перестанетъ казаться вамъ такою страшною, какою казалась прежде, когда вы видѣли не ее самоё, а только сильный свѣтъ, который она производитъ въ окружающемъ насъ воздухѣ. Вы, напротивъ, будете теперь любоваться ею, будете съ удовольствіемъ встрѣчать приближеніе грозы и будете недовольны, если изъ вашихъ оконъ не видно молнію. Что касается грома, то вы скоро привыкнете и къ нему; васъ будетъ интересовать услышать, скоро-ли ударитъ громъ послѣ молніи, силенъ-ли будетъ ударъ, длинный-ли

раскатъ; однимъ словомъ, когда вы будете своими глазами видѣть молнію, тогда громъ не будетъ уже васъ такъ пугать.

Чаще всего вы можете замѣтить два рода молніи: *молнію зигзагомъ* (по ломанной линіи), и такъ называемую *молнію безъ стрѣлы*, т. е. когда видно только освѣщеніе тучъ, но нѣтъ огненной полосы; освѣщеніе это бываетъ часто краснаго, фіолетоваго или голубаго цвѣта.

Но есть еще два вида молніи: *огненный шаръ* и *молнія клубомъ*. Мнѣ самому не удалось ни разу видѣть ни той, ни другой молніи, поэтому я передамъ вамъ то, что о нихъ разсказываютъ другіе.

Огненные шары бываютъ разной величины: иногда въ кулакъ, а иногда и въ человѣческую голову. Шары эти, ударяя въ какой-нибудь предметъ, причиняютъ ему много вреда, и обыкновенно разрываются съ ужаснымъ трескомъ, раздѣляясь иногда при этомъ на нѣсколько маленькихъ шаровъ. Огненные шары летятъ всегда очень быстро.

Та молнія, которая называется «молніею клубомъ», имѣетъ также шарообразную форму; но движеніе ея обыкновенно очень медленно, и она не имѣетъ той разрушительной силы, какую имѣютъ «огненные шары». Я приведу здѣсь нѣсколько случаевъ, описанныхъ очевидцами.

Французскій помѣщикъ *Апуэль* (Haponèle) разсказываетъ слѣдующее: «Лѣтомъ 1837 года, около двухъ часовъ дня, стоялъ я подъ крышею подъѣзда, у конюшни, имѣя передъ собою жилой домъ, дверь котораго была отворена. Между этимъ домомъ и мѣстомъ, гдѣ я стоялъ, находилась большая куча навоза. Вдругъ, при ужасномъ громовомъ ударѣ, я увидѣлъ, что на середину навозной кучи, въ пяти саженяхъ отъ меня, опускался, въ нѣсколько косвенномъ направленіи, свѣтлый клубъ, величиною съ порядочный апельсинъ. Не доходя приблизительно аршина до кучи, клубъ принялъ совершенно горизонтальное направленіе, параллельное землѣ, и направился къ двери дома, которая только что была затворена моею женою. Въ семи саженяхъ отъ дома онъ снова принялъ косвенное направленіе, которое имѣлъ при своемъ нисхожденіи, и поднялся вновь къ облакамъ, пройдя всего на аршинъ отъ края крыши».

Живописецъ *Бутти* описываетъ случай, бывшій въ Миланѣ

(въ Италіи) въ іюнѣ 1841 года: «Дѣло было около шести часовъ вечера, говоритъ онъ. Дождь шелъ ливмя; а молніи освѣщали самыя темныя комнаты лучше, чѣмъ газъ. Громъ раздавался по временамъ съ оглушительнымъ трескомъ. Я сидѣлъ у открытаго окна и курилъ сигару. Вдругъ я услышалъ на улицѣ нѣсколько мужскихъ и дѣтскихъ голосовъ: «смотрите! смотрите!» Я выглянулъ въ окно, въ ту сторону, откуда слышался шумъ, и увидѣлъ огненный шаръ, движущійся посреди улицы, на высотѣ моего окна, въ нѣсколько наклонномъ (къ верху) направленіи. Человѣкъ десять, продолжая кричать «смотрите! смотрите!», провожали его вдоль улицы бѣглымъ шагомъ. Шаръ спокойно прошелъ передъ моимъ окномъ. Я поспѣшно выбѣжалъ на улицу и успѣлъ еще во-время явиться, чтобы присоединиться къ тѣмъ, которые за нимъ слѣдовали. Шаръ подвигался медленно впередъ; но онъ былъ уже выше, потому что, какъ я сказалъ, онъ двигался по наклонному направленію. Черезъ три минуты онъ ударился о крестъ церкви и исчезъ; исчезновеніе его сопровождалось глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному выстрѣлу. Величиной и цвѣтомъ этотъ шаръ былъ похожъ на луну, когда она бываетъ красновато-желтаго цвѣта. Вся разница состояла въ томъ, что въ шарѣ нельзя было ясно отличить контура, какъ въ лунѣ: онъ казался окруженнымъ свѣтлою атмосферою, опредѣленныхъ границъ которой невозможно было обозначить».

Французскій ученый *Бабине* сообщилъ въ 1852 году парижской академіи наукъ слѣдующую замѣтку объ одномъ случаѣ шаровидной молніи. «Послѣ довольно сильнаго удара грома, но впрочемъ не непосредственно за нимъ, одинъ портной, сидя у своего стола и оканчивая обѣдъ, увидѣлъ, что оклеенная бумагою рама, закрывавшая каминъ, упала, какъ бы опрокинутая вѣтромъ, и огненный шаръ, величиною въ голову ребенка, тихо вышелъ изъ камина и сталъ медленно двигаться по комнатѣ, на небольшой высотѣ отъ пола. Онъ казался скорѣе блестящимъ и свѣтлымъ, чѣмъ горящимъ и раскаленнымъ, и портной не чувствовалъ отъ него никакой теплоты. Шаръ приблизился къ его ногамъ, но онъ отодвинулъ осторожно ноги и тѣмъ избѣгнулъ прикосновенія шара. Побродивъ въ разныя стороны, не оставляя впрочемъ середины комнаты, огненный шаръ поднялся вер-

тикально, на высоту приблизительно полутора аршина отъ полу, направился къ отверстію, пробитому въ стѣнѣ для пропуска трубы отъ чугунной печки, которая ставилась зимой, и поднявшись черезъ это отверстіе до высоты трубы, лопнулъ съ страшнымъ трескомъ, разрушивъ часть трубы и побросавъ обломки на дворъ».

Я могъ бы вамъ передать еще нѣсколько подобныхъ описаній; но думаю, что и этихъ трехъ случаевъ достаточно, чтобы дать понятіе о «молніи клубомъ». Во всякомъ случаѣ, молніи этого вида, равно какъ и «огненные шары», бываютъ очень рѣдко. Обыкновенно же молнія является или какъ яркое освѣщеніе тучъ, или въ видѣ огненной полосы, т. е. быстро движущейся искры.

Вамъ, можетъ быть, покажется, что въ послѣднихъ словахъ заключается противорѣчіе. Дѣйствительно, я постоянно говорю вамъ, что молнія — искра, а между тѣмъ, когда смотришь на молнію, то видишь цѣлую полосу; почему это? А вотъ почему. Зажгите лучинку и потушите ее, когда она обуглится. Начните затѣмъ быстро вертѣть ее, такъ чтобы обугленный и тлѣющій конецъ лучинки описывалъ кругъ. Если вы будете дѣлать этотъ опытъ въ темнотѣ, то увидите передъ собою свѣтлый, огненный кругъ безъ всякаго перерыва. Если же вы будете быстро двигать лучинку взадъ и впередъ по горизонтальному или вертикальному направленію, то вамъ представится свѣтлая полоса. Слѣдовательно, зажженный уголекъ, двигаясь очень быстро, производитъ на вашъ глазъ впечатлѣніе свѣтлой полосы. Понятно, что такое же точно впечатлѣніе должна дѣлать и электрическая искра при своемъ чрезвычайно быстромъ движеніи.

Но куда же летитъ электрическая искра? и почему она то пробѣгаетъ по тучамъ, то стремится изъ тучи въ землю? Чтобы объяснить вамъ это, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ, къ нашимъ электрическимъ опытамъ, и дополнить то, что въ нихъ было недосказано *).

Вы натирали сукномъ кусокъ сургуча, натирали шелкомъ стеклянную палочку; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ замѣчалось

*) Тѣхъ, кто не дѣлалъ помѣщенныхъ въ предъидущей книжкѣ электрическихъ опытовъ, я попросилъ бы сдѣлать ихъ теперь же; иначе слѣдующія строки покажутся мало-понятными и скучными.

затѣмъ возбужденіе электричества. Вы, конечно, не могли замѣтить при этомъ никакой разницы въ электричествѣ, потому что и натертая палочка сургуча притягивала бумажку, и стеклянная палочка дѣлала тоже. Между тѣмъ, въ обоихъ случаяхъ получается различное, совершенно противоположное электричество. То, которое обнаруживается на стеклѣ, называется стекляннымъ или *положительнымъ* электричествомъ; обнаруживающееся же въ сургучѣ (резинкѣ, янтарѣ и т. п.)—смоляным или *отрицательнымъ*. Когда одно изъ этихъ электричествъ сильно возбуждено въ какомъ-нибудь предметѣ, оно стремится соединиться съ противоположнымъ электричествомъ; и какъ только это случилось, —признаки присутствія электричества пропадаютъ: электричество *уравновѣшивается*. Въ такомъ уравновѣшенномъ видѣ оба электричества существуютъ во всѣхъ предметахъ, и предметы эти кажутся тогда ненаэлектризованными. Чтобы наэлектризовать предметъ, необходимо возбудить, усилить чѣмъ-нибудь одно изъ электричествъ, и этотъ-то избытокъ электричества и обнаруживаетъ себя, какъ притягательная сила или (въ сильнѣйшей степени) какъ искра. Не во всѣхъ предметахъ можно однако вывести электричество изъ равновѣсія; весьма легко нарушается это равновѣсіе въ смолѣ и въ стеклѣ: въ первой является избытокъ отрицательнаго, во второмъ — положительнаго электричества. Почему это такъ, и почему нужно тереть смолу о сукно, а стекло о шелкъ или кожу — пока неизвѣстно.

Когда вы натрете сургучъ сукномъ, въ немъ образуется, слѣдовательно, свободный избытокъ отрицательнаго электричества, которое—какъ я уже сказалъ выше — стремится соединиться съ положительнымъ. Стремленіе это такъ сильно, что когда вы подносите сургучъ къ маленькому кусочку бумаги, пробки, дерева и т. п., сургучъ притягиваетъ его къ себѣ, чтобы взять отъ него имѣющееся въ немъ положительное электричество.

Я уже говорилъ, что всѣ предметы имѣютъ оба вида электричества; слѣдовательно, имѣетъ ихъ и бумага, и дерево, и пробка. Наэлектризованный сургучъ, приближаясь къ кусочку, разъединяетъ оба эти вида: положительное электричество беретъ къ себѣ (впрочемъ не все, а только часть), а отрицательное оставляетъ. Въ кусочкѣ явился такимъ образомъ избытокъ отрицательнаго электричества; поэтому-то онъ такъ охотно пристаетъ въ это время къ пальцу

или къ чему-нибудь другому, стремясь за положительнымъ электричествомъ. Какъ только онъ получилъ изъ пальца достаточно этого электричества для уравновѣшенія, онъ дѣлается снова какъ бы ненаэлектризованнымъ, снова поэтому притягивается къ сургучу, отдаетъ ему опять положительное электричество, опять пристаетъ къ пальцу, затѣмъ опять къ сургучу и т. д., пока не передастъ сургучу такое количество положительнаго электричества, какое необходимо для уравновѣшенія имѣющагося въ немъ избытка отрицательнаго электричества. Послѣ этого, сургучъ перестаетъ быть наэлектризованнымъ, и бумажка падаетъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что дѣйствительно существуютъ два противоположныя электричества, и что разноименныя электричества притягиваются, а одноименныя отталкиваются, сдѣлайте слѣдующій опытъ. Привяжите маленькій кусочекъ бумаги (дерева, пробки, бородки пера и т. п.) на шелковинку; держите другой конецъ ея въ рукѣ, такъ, чтобы бумажка свободно висѣла (можете, пожалуй, навязать шелковинку на конецъ какой-нибудь палочки, положите эту палочку на край стола, поперегъ, выпустивъ тотъ конецъ, на который навязана шелковинка съ бумажкой). Поднесите къ бумажкѣ натертый сукномъ сургучъ; бумажка притянется къ нему, отдастъ ему положительное электричество, а сама останется слѣдовательно съ избыткомъ отрицательнаго. Отнимите отъ нея сургучъ, и снова поднесите его къ ней. Вы увидите, что бумажка будетъ теперь удаляться отъ сургуча, потому что и онъ, и она наэлектризованы отрицательно. Напротивъ, если вы поднесете къ бумажкѣ какой-нибудь стеклянный предметъ, натертый шелкомъ, то она быстро бросится къ нему, такъ какъ стекло наэлектризовано противоположнымъ электричествомъ.

Когда вы дѣлали опытъ «ложка-недотрога (лейденская банка)», то въ то время, какъ вы собирали въ ложку одно электричество (смоляное, отрицательное), на наружной обкладкѣ стакана скоплялось противоположное электричество. Потому-то они и стремились соединиться.

Возвратимся теперь къ молніи. Въ воздухѣ постоянно есть электричество, но оно обыкновенно находится въ равновѣсіи. Но вотъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, вмѣстѣ съ испареніями поднялось отъ земли много того и другаго электричества и въ ту-

чахъ образовался такимъ образомъ избытокъ: въ однихъ — положительнаго, въ другихъ — отрицательнаго электричества; иногда края одной и той же тучи наэлектризованы противоположными электричествами. Вы уже знаете, что положительное электричество всегда стремится соединиться съ отрицательнымъ, и наоборотъ; поэтому, конечно, понимаете теперь, почему изъ одной тучи въ другую или въ одной тучѣ изъ края въ край перескакиваетъ электрическая искра — молнія.

Но для того, чтобы молніи можно было перескочить изъ одной тучи въ другую, необходимо, чтобы тучи, заряженныя противоположными электричествами, были недалеко одна отъ другой. Если же вблизи тучи, заряженной, положимъ, положительнымъ электричествомъ, нѣтъ другой тучи, которая была бы заряжена отрицательно, а между тѣмъ въ первой тучѣ скопилось уже много электричества, то оно устремляется внизъ, чтобы соединиться съ отрицательнымъ электричествомъ земли: молнія ударяетъ въ землю.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

А. Кочетовъ.

СВЕРЧОКЪ.

«Дѣдушка, а дѣдушка!» говорила маленькая дѣвочка, толкая сѣдаго, сгорбленнаго старика, который сидѣлъ на лавкѣ и, при свѣтѣ лучины, плелъ лапти.

— Что тебѣ, родная? спросилъ старикъ, гладя внучку по головкѣ.

«Кто тамъ поетъ въ углу за печкой?»

— Кто? не слышу, милая! охъ, глухъ сталъ! Да кто поетъ,— видно сверчокъ! Ну пусть его поетъ; ты его не тронь; вишь, ему тепло, онъ и поетъ.

Дѣвочка замолчала и все смотрѣла въ тотъ уголъ, откуда раздавался трескъ сверчка.

Что онъ поетъ? думала она. И гдѣ онъ? Онъ большой? хорошенькій?

«Дѣдушка,» прошептала она опять, «я ему не сдѣлаю больно, я только посмотрю.»

Старикъ не разслышалъ словъ внучки и, продолжая что-то говорить про себя, только погладилъ ее по головкѣ. Дѣвочка на цыпочкахъ подошла къ печкѣ и быстро запустила ручку въ тотъ уголъ, откуда раздавалось пѣніе.

Пѣвецъ замолкъ; онъ былъ застигнутъ въ расплохъ, и только слабо шевелилъ лапками между пальчиками дѣвочки. Эти пальчики нѣсколько грубовато стиснули маленькое животное; но они были не виноваты: госпожа ихъ сама немного струсила, когда почувствовала что-то шевелящееся въ рукѣ. Однако она скоро успокоилась и, осторожно выпрямляя одинъ пальчикъ за другимъ, стала разсматривать своего плѣнника. Это было небольшое сѣрое животное, съ длинными лапками, съ толстой головой.

— «Да это кузнечикъ!» сказала дѣвочка; «зачѣмъ дѣдушка называетъ его сверчкомъ? Пой! что-жь ты не поешь?»

— Я не могу пѣть, сказалъ сверчокъ; ты меня крѣпко держишь; пусти меня, и я тебѣ разскажу почему я такъ охотно и громко пою; только сядь поближе къ моему углу.

Дѣвочка совсѣмъ распрямила ладонь, и — скокъ! сверчокъ изчезъ за печкой, а дѣвочка сѣла близко-близко къ углу и стала слушать.

— Я не кузнечикъ, послышался голосокъ изъ-за печки, а сверчокъ; кузнечикъ мой близкій родственникъ, но прыгаетъ онъ только лѣтомъ въ травѣ, я же живу всю зиму и не люблю траву *). Я тебѣ разскажу, какъ мы попали за печку въ дома и какъ жили до того времени.

Давно, очень давно, когда люди еще не придумали строить себѣ дома съ кухнями, печками и очагами, намъ сверчкамъ,— т. е. нашимъ предкамъ,—далеко не было такъ весело жить на свѣтѣ, какъ теперь. Предки наши, такъ же любившіе тепло какъ и мы, жили не здѣсь, а далеко въ теплыхъ странахъ, да и тамъ принуждены были жить въ дуплахъ старыхъ деревьевъ, или въ трещинахъ скалъ и камней и въ тому подобныхъ скучныхъ и сырыхъ мѣстахъ. Кромѣ того, имъ приходилось безпрестанно выносить поддразниваніе и насмѣшки тѣхъ, кто былъ вполнѣ доволенъ своею участью и кто поэтому никакъ не могъ понять, почему сверчкамъ грустно.

«Отчего вы не прыгаете и не поете въ полѣ вмѣстѣ съ кузнечиками?» говорили имъ часто; «вѣдь вы, кажется, имъ сродни и такъ на нихъ похожи. Ноги ваши достаточно длинны; вамъ стоило бы только захотѣть ихъ немного расправить, да сильнѣе, вдругъ толкнуть ихъ о землю. У васъ дурной характеръ: вы ворчливы, всегда всѣмъ недовольны и всегда не въ духѣ; оттого вы всѣ и залѣзаете въ самые удаленные отъ свѣта уголки, тогда какъ могли бы прыгать и веселиться, какъ и всѣ другіе. Вы могли бы и пѣть гораздо громче, если бы захотѣли.»

Предки наши ничего не отвѣчали на такія непріятныя замѣчанія. Они думали, что, можетъ быть, они дѣйствительно

*) Кузнечики зимою замерзаютъ; новые кузнечики выходятъ весною изъ яичекъ, которыя самка кладетъ въ землю. Какъ она прячетъ свои яички въ землю, — видно на послѣднемъ рисункѣ этого разсказа.

могли бы громче пѣть, если бы на сердцѣ у нихъ было веселѣе. Странное дѣло! Всѣ животныя, птицы и насѣкомыя казались такими спокойными и счастливыми, а сверчки нѣтъ. Паукамъ, напримѣръ, было очень весело, и они чувствовали себя совершенно какъ дома въ тѣхъ самыхъ трещинахъ, которыя они, сверчки, находили такими гадкими и неудобными. Мухи, пчелы, муравьи, даже кротъ, вылѣзавшій иногда изъ своей норки и разсказывавшій чудныя исторіи о своихъ подземельяхъ, птички съ ихъ веселыми пѣснями, огромныя животныя, гуляющія, какъ великаны, по полямъ, — всѣ, всѣ были очень довольны своей участью и чувствовали себя счастливыми. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой домъ, и никто изъ нихъ не завидовалъ другому.

Только бѣднымъ сверчкамъ жилось иначе. Они никогда не чувствовали себя дома; напротивъ, имъ все казалось, что лучше тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, что есть такое мѣстечко, которое они не умѣютъ найти, но гдѣ они вѣрно освободились бы отъ тревожнаго и безпокойнаго чувства, которое ихъ такъ стѣсняло. Бѣдные! имъ казалось, что имъ суждено было всегда оставаться въ тѣхъ гадкихъ, темныхъ пещерахъ. А между тѣмъ они чувствовали, что ножки у нихъ длинныя и здоровыя, и что голосокъ ихъ,—хотя никто его хорошо не слышалъ,—могъ выражать не однѣ только жалобы.

Такъ размышляли наши предки, и вотъ отчего имъ было не весело. Иногда нѣсколько сверчковъ встрѣчались и разговаривали о своемъ положеніи. Они разсматривали свои длинныя сложенныя ноги и приходили къ тому заключенію, что онѣ дѣйствительно походили на ноги кузнечика. Они сличали и крылышки свои съ крылышками кузнечиковъ, и находили, что и крылышки точно также похожи, точно также вдоль сложены и развертываются вѣеромъ; а все таки мысль — отправиться вмѣстѣ съ кузнечиками въ холодную траву и прыгать цѣлый день — была для нихъ до нельзя непривлекательна.

Однажды одинъ сверчокъ, у котораго было больше храбрости, чѣмъ у другихъ, предложилъ отправиться въ поле, отыскать одного изъ зеленыхъ двоюродныхъ братцевъ, посовѣтоваться съ нимъ относительно положенія сверчковъ и спросить его, не знаетъ ли онъ — почему жизнь кузнечиковъ такъ не нравится ихъ близкимъ родственникамъ.

И вотъ смѣлый сверчокъ пустился въ путь и вскорѣ встрѣтилъ одного изъ зеленыхъ братцевъ, который беззаботно и безъ устали прыгалъ съ мѣста на мѣсто. Убѣдивъ его остановиться на нѣсколько секундъ, онъ разсказалъ ему о жалкомъ положеніи сверчковъ. Кузнечикъ внимательно выслушалъ разсказъ и принялъ такое сильное участіе, что предложилъ сейчасъ же навѣстить своихъ родственниковъ, чтобы самому увидѣть, что можно для нихъ сдѣлать.—Можетъ быть, это только ничтожное, случайное нездоровье; или, можетъ, это какая-нибудь хроническая болѣзнь, развившаяся вслѣдствіе нехорошаго ухода въ дѣтствѣ, отъ которой сверчки могутъ однако избавиться при помощи разумнаго леченія...

Съ такими предположеніями кузнечикъ направился къ дуплистому дереву, въ которомъ собрались сверчки, и очень скоро достигъ его, такъ какъ весь путь онъ совершилъ въ 5—6 прыжковъ. Съ послѣднимъ прыжкомъ онъ очутился въ самой серединѣ семейнаго кружка. Такое быстрое появленіе показалось нѣсколько невѣжливымъ его родственникамъ, которые не любили рѣзкихъ манеръ.

Кузнечикъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы хорошенько утвердиться на мѣстѣ и не прыгать; усѣвшись такимъ образомъ; не безъ нѣкотораго труда, онъ началъ разсматривать лапки и голени собравшихся сверчковъ. Онъ вытягивалъ ихъ—и въ колѣнахъ, и во всѣхъ суставцахъ—и внимательно разсматривалъ. «Можетъ быть,» говорилъ онъ, «есть какая-нибудь ошибка въ томъ, какъ колѣни и ноги между собою сочленены.» Но онъ не могъ найти никакого недостатка: и колѣни, и ножки сверчковъ были повидимому такъ же правильно устроены, какъ и его собственныя, однако въ нихъ не было силы движенія.

Что думалъ кузнечикъ, или что бы онъ сказалъ при этомъ удивительномъ открытіи—неизвѣстно; потому что къ концу изслѣдованія онъ пришелъ въ сильное волненіе и наконецъ вскричалъ:

«Извините меня, мои друзья, у меня судорога въ лѣвой ножкѣ; я *долженъ* прыгнуть!»

При этомъ онъ прыгнулъ—разъ, два, три—съ послѣднимъ прыжкомъ выскочилъ изъ дерева и—нарочно-ли, или въ разсѣ-

янности,—прыгая и съ пѣснями отправился обратно въ траву, и болѣе не возвращался.

Ждали, ждали сверчки своего зеленаго братца и наконецъ разошлись по своимъ трещинамъ. Ты можешь себѣ представить, какъ имъ было тогда грустно. О, какъ мучительно желать лучшаго положенія и не имѣть возможности достигнуть его! какъ тяжело было видѣть другихъ совершенными и счастливыми, а себя такими несчастными и несовершенными. Бѣднымъ предкамъ нашимъ больше уже не хотѣлось ни съ кѣмъ совѣтоваться, и они продолжали тоскливо проводить свои дни.

Разъ пришелъ навѣстить ихъ кротъ, изрѣдка выползавшій изъ своей норки, чтобы посмотрѣть, что-то происходитъ въ надземномъ свѣтѣ, все ли обстоитъ благополучно и проходитъ-ли жизнь въ немъ также мирно и ровно, какъ въ подземномъ мірѣ. На этотъ разъ, однако, онъ выползъ изъ своей норки не изъ одного только любопытства, а оттого, что до него дошли слухи, будто сверчкамъ все еще нехорошо живется. Такъ какъ у него было доброе сердце, то онъ и рѣшился пойти утѣшить ихъ.

Разгладивъ свою мягкую черную шерстку, (онъ вѣдь собирался въ гости къ надземнымъ жителямъ, а въ гости, какъ ты знаешь, идти по домашнему неприлично), расправивъ шерстку и надъ глазами, чтобы совершенно спрятать ихъ и защитить отъ свѣта, онъ направился къ одному камню, въ трещинѣ котораго жило семейство сверчковъ. Спросивъ сначала о здоровьѣ и передавъ нѣкоторыя новости изъ подземнаго міра, онъ рѣшился наконецъ приступить къ цѣли своего посѣщенія.

«Мнѣ говорили, что всѣ вы чувствуете себя несчастными и жалуетесь на свою судьбу. Зачѣмъ вы жалуетесь? къ чему послужатъ вамъ жалобы? Вы говорите, что всѣ, кромѣ васъ, совершенны и счастливы. Я же вамъ скажу, что и вы совершенны, въ своемъ родѣ (хотя вы этого и не хотите допустить), что вы тоже однажды будете счастливы. Только вы никакъ не должны предполагать, что у кого нибудь изъ насъ съ перваго же шага все идетъ какъ по маслу. Вѣрьте мнѣ, я вамъ говорю по опыту: со временемъ все устроится; въ этомъ я увѣренъ. Напримѣръ, я полагаю, что вы никогда себѣ и не представляли, какъ ужасно трудно молодому кроту начать рыть землю въ первый разъ. Лапки его еще не окрѣпли, не имѣютъ той силы,

какую имѣемъ мы взрослые. Посмотрите на мои лапки, (и кротъ выдвинулъ свои широкія, короткія переднія лапки, ладонь которыхъ вывернута была наружу), посмотрите на нихъ; видите, какія онѣ сильныя; я ими разбрасываю землю во всѣ стороны безъ особенныхъ усилій. А молоденькій кротъ съ трудомъ можетъ прорыть своими небольшой кусокъ земли. Да кромѣ того, онъ не знаетъ даже, для чего онъ роетъ и къ чему приведетъ его работа. Но если останавливаться въ самомъ началѣ съ разными опасеніями и предположеніями, то невозможно было бы воткнуть мордочку въ землю, не зная даже, можно ли будетъ когда нибудь выйти изъ нея... Но мы принимаемся за работу рѣшительно, и подъ конецъ все устраивается. Мы выкидываемъ и отбрасываемъ землю, и мало по малу у насъ являются разные корридоры, и узкіе, и широкіе, гдѣ мы живемъ сами и прячемъ свою пищу. Да вотъ что: приходите-ка меня навѣстить въ моемъ дворцѣ; я васъ познакомлю съ моимъ семействомъ, васъ это разсѣетъ».

Кротъ остановился, потеръ мордочку о землю, снова расправилъ шерсть надъ глазками и хотѣлъ было продолжать, но его прервалъ сверчокъ:

— «Вы говорите, что вы работаете. Да вѣдь вы работаете для чего нибудь; и если бы у насъ была такая работа, то мы бы тоже надѣялись на лучшее будущее. Но дѣло въ томъ, что мы принуждены сидѣть ничего не дѣлая и только *ждать!*»

— Какія глупости! вскричалъ съ жаромъ кротъ, — каждый можетъ что нибудь дѣлать! Не жалуйтесь, а постарайтесь-ка устроить ваши дома лучше и уютнѣе, чѣмъ они теперь у васъ устроены. Вы любите тепло больше всего на свѣтѣ? не убѣгайте солнышка, а старайтесь всегда находиться тамъ, гдѣ оно грѣетъ; вамъ будетъ весело, и вы не будете чувствовать себя такими несчастными. А когда оно зайдетъ, старайтесь найти сухія трещины и будьте веселы и бодры. Вѣрьте, что счастье придетъ вмѣстѣ съ работою и все устроится. Я зналъ одного маленькаго быка, который часто гулялъ въ сосѣднемъ полѣ. Лишь только началъ онъ бѣгать, то сталъ тыкать своей неуклюжей головою обо всё, что ему попадалось. Никто не зналъ, почему онъ это дѣлалъ; только онъ волновался и бодался по цѣлымъ днямъ, такъ что нѣкоторые изъ его друзей и знакомыхъ

были очень оскорблены такими манерами. Другіе же смѣялись. Разумѣется, больше всѣхъ надъ нимъ смѣялись собаки, которыя безпрестанно на него лаяли, и даже лаяли какъ разъ передъ его носомъ, когда, бодая ихъ, онъ гнался за ними. И что жь? Подъ конецъ открылся секретъ всѣхъ этихъ странностей: на лбу нашего быка выросли два прекрасныхъ рога; всѣ поняли тогда причину волненій и боданій, а одна изъ задорныхъ собакъ, которая такъ часто сердила его своимъ ласмъ, была разъ жестоко наказана за свое приставанье. — Все устроится, мои друзья. Ни одно дѣйствительно сильное желаніе не остается неисполненнымъ. Подождите, и ваше желаніе исполнится; только не унывайте. Ну, а теперь я пойду домой; я не люблю долго оставаться надъ землею; здѣсь слишкомъ уже свѣтло, да притомъ меня ждутъ обѣдать. Прощайте; помните же, что я вамъ сказалъ»!

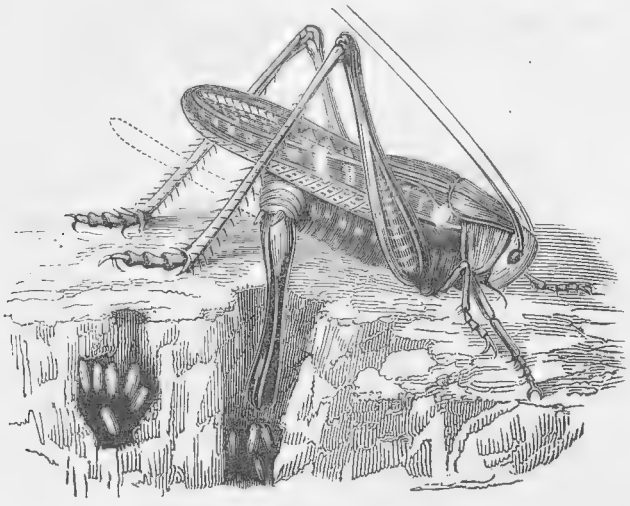
И кротъ отправился въ свою норку, очень довольный собой и заранѣе радуясь, что ему скоро удастся покушать. Надо сказать, что благоразумный и добрый философъ-кротъ любилъ такп покушать и даже, можетъ, больше думалъ объ ѣдѣ, чѣмъ бы слѣдовало; ну да вѣдь у кого же нѣтъ недостатковъ!

А хорошо онъ сдѣлалъ, что поговорилъ съ моими предками и далъ имъ такой хорошій совѣтъ, потому что насмѣшливая обезьяна уже давно подговаривала ихъ лучше уморить себя голодной смертью, такъ какъ они совершенно безполезны и чувствуютъ себя несчастными. Сверчкамъ, естественно, болѣе понравился совѣтъ крота, и они рѣшились поступать по этому совѣту. Они перестали падать духомъ и жаловаться, рѣшились работать сколько и гдѣ могутъ, и ждать, твердо увѣренные, что ни одно дѣйствительно сильное желаніе не останется неисполненнымъ. Солнце и разложенный въ лѣсу огонь давали имъ иногда счастливыя минуты.

Такъ прошло много, много лѣтъ. Наконецъ человѣку надоѣло кочевать съ мѣста на мѣсто и жить въ шалашахъ изъ вѣтвей и палаткахъ; онъ выстроилъ себѣ домъ, а въ домѣ устроилъ печку. И вотъ съ тѣхъ - то поръ мы, сверчки, дѣйствительно достигли своего желанія и почувствовали себя счастливыми. Мы нашли наконецъ такое мѣсто, которое намъ совсѣмъ по душѣ. Въ каждомъ домѣ за печкой поселился сверчокъ, и веселая наша

пѣсня раздается по вечерамъ по всему дому. И не жалоба, не зависть слышится въ нашей пѣснѣ, а радость и счастье отъ мысли, что мы живемъ такъ, какъ намъ хочется жить, и что мы болѣе не чувствуемъ себя забитыми, заброшенными существами, какъ прежде.....

Въ избѣ было почти темно. Дѣдушка задремалъ на лавкѣ и непоправленная лучина едва - едва свѣтила; въ уголку за печкой



сидѣла дѣвочка и, прислонивъ головку къ печкѣ, крѣпко спала. Все было тихо; одинъ сверчокъ неумолчно трещалъ, нарушая своей пѣсней ночную тишину.

* * *

САМООБУЧЕНІЕ ВЪ ЖИВОПИСИ.

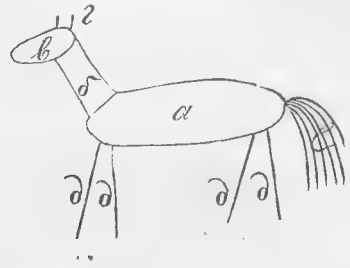
Глава I.

Факты изъ жизни—вмѣсто предисловія. Откуда взять темы или сюжеты. Понятіе самоучки о контурѣ. Кому и на сколько нужна рисовальная школа. Нѣсколько словъ о рисовальныхъ пособіяхъ, облегчающихъ самоученіе. Контурная техника. Ударъ карандаша.

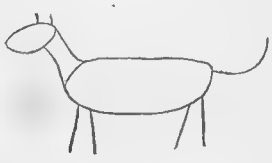
Кто изъ васъ, молодые мои читатели, не бралъ карандаша въ руки и не пробовалъ чертить имъ на дверяхъ, на стѣнѣ, или на бумагѣ, что попадется на глаза, или даже просто, что прійдетъ въ голову? а въ голову, конечно, прійдетъ скорѣе всего то, что вы видѣли собственными глазами и притомъ, — что видѣли почаще. Но часто-ли задуманное вами, приводилось къ концу, и на столько не истощало вашего терпѣнія, что изображаемая вами, положимъ кошечка, или собачка оказывалась со всѣми четырьмя ногами, какъ и подобаетъ быть четвероногому, а домикъ не лишенъ былъ трубы, окна, дверей, или тому подобныхъ необходимыхъ принадлежностей жилаго строенія? Признайтесь! — не разъ случались такія недоконченности? а случались онѣ никакъ не отъ недостатка вашей наблюдательности, а просто отъ незнанія, какъ взяться за дѣло, а потомъ и отъ нетерпѣнія и охлажденія къ работѣ, которую затруднялись выполнить.

У меня еще живы въ памяти тѣ минуты изъ моего дѣтства, когда бывало соберется наша веселая, беззаботная дѣтская компанія и среди какой нибудь шумной игры, кто либо изъ дѣтей примется за живопись. При этомъ, бывало, со всѣхъ сторонъ слышатся просьбы нарисовать то,—нарисовать другое. Какъ сейчасъ помню одного мальчугана, ужасно любившаго рисовать животныхъ; но та бѣда, что всѣ они выходили у него какъ-то на

одинъ ладъ. Такъ напримѣръ, рисуя лошадку, онъ начиналъ съ того, что чертилъ туловище, сильно напоминавшее своею формою закругленный на концахъ пирогъ; къ нему приставлялась въ видѣ двухъ палочекъ шея (б), на ней помѣщалась овальная голова (в) съ ушами въ видѣ двухъ палочекъ (г), а четыре палочки (д) служили ногами. За то хвостъ (е) выполнялся имъ всегда особенно тщательно, и производилъ самый забавный эффектъ, будучи приставленъ къ этой скамьеобразной фигурѣ.



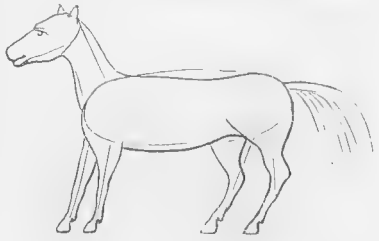
Собачка рисовалась точно такимъ же образомъ, съ тою впрочемъ, разницею, что хвостикъ у нея состоялъ изъ одной палочки изогнутой кверху. Старшая сестра нашего маленькаго художника самоучки, тоже самоучка, часто трунила надъ своимъ братомъ, и не скажу, чтобъ нѣкоторыя ея замѣчанія были не совсѣмъ справедливы. «Что это за звѣря ты нарисовалъ?» спрашивала она брата, указывая на первый рисунокъ. — Лошадку. — «Развѣ у лошадки бываетъ такая безобразная голова? А ноги!.. точно палки! Только и есть порядочнаго что хвостъ».



Дѣйствительно, сестра была права: лошадку эту только и можно было узнать по хвосту; но по моему и это было не плохо для самоучки. Да даже оставя и хвостикъ въ покоѣ, по остальнымъ, грубымъ очертаніямъ все-таки можно было догадаться, что ими хотѣли изобразить одно изъ четвероногихъ животныхъ. Хвостикъ-же окончательно убѣждалъ въ присутствіи самостоятельной наблюдательности у мальчика.

Къ счастью для нашего мальчугана, сестра его не ограничивалась одними насмѣшками; а зачастую, усадивъ его возлѣ себя, брала у него изъ рукъ карандашъ и принималась поправлять рисунки брата. «Никогда у лошадки голова не бываетъ такая круглая. Ты вѣдь очень хорошо знаешь, что лошадка питается сѣномъ, пьетъ воду, для чего ей служатъ ротъ и губы. Уши у нея гораздо шире, и только кончики ихъ острѣе. Ты забылъ нарисовать глаза. Посмотри скорѣе въ окно: вонъ ѣдетъ

мужичекъ; посмотри-ка, вѣдь шея у его лошадки совсѣмъ не такъ пряма, какъ у твоей. Забылъ нарисовать гриву. Спина нѣсколько вогнута, а ноги не такъ тонки, и притомъ у твоей лошадки нѣтъ копытъ; заднія же ноги вовсе никуда не годятся, ихъ надо нарисовать потолще и поизогнуть сильнѣе». Говоря такимъ образомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поправляя карандашомъ, сестра всегда добивалась того, что рисунокъ брата, тутъ-же у него на глазахъ, пріобрѣталъ нѣкоторое сходство съ лошадкою, или—собачкою (если поправлялась собачка), и нашъ самоучка незамѣтно, день-ото-дня дѣлая успѣхи, кончилъ тѣмъ, что мало того, что лошадки и собачки у него стали выходить всѣ съ глазами и ртами, но даже въ извѣстной степени были и красивы.



Итакъ, не бойтесь первыхъ неудачныхъ попытокъ и, подражая моему знакомому самоучкѣ, смѣло берите карандашъ и рисуйте все, что хотите; только избирайте для рисунка то, что вы видите; придетъ время, когда будете рисовать и то, что вы хотя и не видите, но хорошо помните; и у кого изъ васъ есть старшій братъ или сестра, то вѣрно они не откажутся поправить вашъ рисунокъ, если не карандашемъ, то совѣтами.

Живете въ деревнѣ,—рисуйте домъ, избу, дерево, колодезь, груду камней, цвѣтникъ, мельницу, д[illegible]чихъ животныхъ. Живете въ городѣ,—рисуйте какую [illegible] улицу, извощичью лошадь, водовоза, рынокъ со всѣми [illegible]адлежностями. Нравятся вамъ носы, глаза, уши, пр[illegible]я вамъ рисовальною лошадь, копируйте ихъ; нрави[illegible]оловка Аполлона, Венеры,—рисуйте и головки. Все [illegible]родѣ хорошо, и можетъ служить темою для ваше[illegible]. Рисуйте, какъ умѣете, какъ можете, и вы сами [illegible]акъ отъ только что показанныхъ вамъ лошадокъ [illegible]ы незамѣтно, сами поправляя свои ошибки, перей[illegible]изящному исполненію или копированію всего [illegible]ъ поправится и научитесь понимать, въ чемъ должна [illegible]ться прелесть рисунка.

Какъ видите, я [illegible]требователенъ, и вовсе не желаю усадить васъ за какую нибудь избитую рисовальную школу. Я убѣжденъ, что каждый изъ васъ умѣетъ провести отъ руки прямую линію;

по крайней мѣрѣ понимаетъ, какъ чертится прямая линія, и для меня рѣшительно все равно — изъ школы ли вы ее перерисуете нѣсколько разъ, или возьмете за образецъ одну изъ сторонъ стола, на которомъ рисуете, лишь бы рука ваша лежала на столько покойно и правильно, а пальцы — двигались свободно, чтобъ карандашъ, поставленный въ одной точкѣ, достигъ другой, не дѣлая извилинъ.

Конечно, вамъ довольно часто придется имѣть дѣло съ прямою линіею. Достаточно взглянуть на любой домъ, чтобы понять,

какое она играетъ тутъ значеніе. Взглянете на стѣны и увидите, что каждая изъ нихъ представляетъ четыреугольникъ, очер-

ченный четырьмя прямыми линіями; крыша съ боковъ и сверху тремя прямыми линіями, и т. д. Но оставьте постройки, взгляните на садъ, дерево, прудъ, ручей, кустарники и будете поражены отсутствіемъ прямой линіи; все вамъ покажется до такой степени неправильно, перепутано и несовмѣстимо съ понятіемъ о какой бы то ни было линіи, что вы невольно станете въ тупикъ, и непремѣнно зададите себѣ вопросъ о томъ, какъ можно все это изобразить, съ чего начать, когда во всемъ этомъ хаосѣ нѣтъ не только двухъ, но и одной опредѣленной точки, на которую съ увѣренностью можно бы было опустить кончикъ вашего карандаша. Не пугайтесь: на помощь вамъ, какъ и нашему маленькому самоучкѣ, прежде всего явятся тѣ же линіи или *контуры*, какъ ихъ называютъ; съ тою только разницею, что эти линіи будутъ не всегда прямыя, а большею частью изогнутыя и ломаныя или волнистыя. Всмотритесь внимательно въ одинъ какой либо предметъ. Возьмите, напримѣръ, дерево. Прежде всего вы видите, что будучи окружено воздухомъ, другими деревьями, или зданіями, оно кромѣ своего характернаго, свойственнаго ему зеленаго цвѣта, представляется вамъ въ общей массѣ, болѣе или менѣе темнымъ или свѣтлымъ пятномъ на окружающихъ, или сзади его стоящихъ предметахъ. Если вы мысленно края этого пятна обведете линіею, то и получите контуръ этого дерева. За деревомъ слѣдуютъ другіе предметы, контуры которыхъ въ свою очередь отдѣляютъ ихъ отъ сзади ихъ стоящихъ, и такъ далѣе.

Но положимъ, вы хотите вмѣсто природы взять какой нибудь понравившійся вамъ рисунокъ. Если этотъ рисунокъ вамъ и понравился, то конечно, своимъ сходствомъ съ природою. Чѣмъ больше это сходство, чѣмъ ближе рисунокъ подходитъ къ природѣ, тѣмъ въ немъ больше общихъ красивыхъ пятенъ, тѣмъ труднѣе уловить направленіе контура. Безспорно, опытъ копированья съ хорошей картины гораздо легче, чѣмъ рисованье съ натуры, потому что на картинѣ схваченъ и переданъ опытной рукою одинъ какой либо моментъ изъ природы, будетъ ли это пейзажъ или что либо другое. Картина не измѣняясь остается передъ вами, сколько бы времени вы на нее ни смотрѣли; между тѣмъ, какъ натура, подъ вліяніемъ различныхъ эпохъ дня, обусловленныхъ болѣе или менѣе сильнымъ освѣщеніемъ, тѣмъ или другимъ внутреннимъ настроеніемъ (если это живое существо), —

безпрерывно мѣняется; такъ, что гдѣ назадъ тому пять минутъ было свѣтлое пятно, явилась тѣнь, а свѣтлое пятно превратилось въ темное; первое было гораздо шире и контуры явственнѣе, второе какъ-то съузилось, и контуръ такъ измѣнился, что вы и не найдете его пожалуй на начатомъ вами рисункѣ, хотя главный общій очеркъ у васъ и остался. Итакъ, для начала вы предпочитаете копировать картину, положимъ предлагаемый мною этюдъ дуба. Всматриваясь въ избранный вами оригиналъ, на первыхъ же порахъ вся ваша заботливость, естественно, сосре-

доточивается на томъ, чтобы въ общихъ чертахъ размѣстить всѣ видимыя вами части на лежащей передъ вами бумагѣ, и вы по

собственному сознанію прежде всего прибѣгаете къ линіямъ или контурамъ, какъ къ естественнымъ и неизбѣжнымъ средствамъ. Положимъ, что вы съумѣли справиться съ главными очертаніями и успѣли удачно размѣстить предметы по ихъ взаимному разстоянію другъ отъ друга (какъ говорятъ—по планамъ). У васъ есть и дерево, и кусты, и разбросанные камни; но посмотрите, ваше дерево плоско, оно точно вырѣзано изъ бумаги, между тѣмъ, какъ въ оригиналѣ оно курчаво: однѣ вѣтви торчатъ впередъ, другія направлены вбокъ; а нѣкоторыя проглядываютъ сзади.

Однимъ словомъ, нужно еще много сдѣлать, чтобы ваша копія стала похожа на оригиналъ. Всматриваясь опять въ него, кромѣ общаго очертанія, вы замѣчаете, что нѣкоторыя вѣтви въ немъ свѣтлѣе (освѣщены), другія темнѣе (въ тѣни), и не смотря на то, что вся эта масса свѣтлыхъ и темныхъ пятенъ, не представляетъ опредѣленныхъ рѣзкихъ линій, вамъ не трудно однакоже замѣтить, что есть какая-то граница, отдѣляющая темное пятно отъ свѣтлаго, и, взявъ для опыта одну какую либо вѣтвь, положимъ верхнюю налѣво, вы убѣдитесь, что она дѣлится отъ ниже ея лежащаго темнаго пятна, ломанною или, такъ сказать, разорванною линіею; и разорвана она потому, что состоитъ изъ массы отдѣльныхъ мелкихъ контуровъ листьевъ; и, такъ какъ листья эти идутъ не правильными рядами и притомъ прикрывая другъ друга, то очевидно, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ положимъ два листа, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, прикрываютъ третій, ниже ихъ лежащій,—они бросятъ на этотъ послѣдній тѣнь, очертаніе которой и прерветъ очертаніе или контуръ свѣтлыхъ листьевъ. Такихъ ломаныхъ и разорванныхъ линій, въ лежащемъ передъ вами рисункѣ, вы найдете не одну; каждая группа свѣтлыхъ пятенъ дѣлится отъ группы темныхъ такими линіями; и, въ свою очередь, въ каждой такой отдѣльной группѣ, вы найдете массу мелкихъ свѣтлыхъ и темныхъ пятнышекъ, ограниченныхъ такими же контурами, которыхъ даже нѣтъ возможности съ полною точностію скопировать, да и кропотливое выкопировыванье которыхъ не только не нужно, но даже можетъ повредить прелести вашей копіи, въ которую вы нехотя вносите долю своего собственнаго чувства, своего собственнаго наблюденія и пониманія.

И такъ вы разбили вашъ общій контуръ на отдѣльныя группы; у вашего дерева явились тѣ же вѣтви, тотъ же могучій стволъ. Все это явилось у васъ въ видѣ контура безъ тѣней, безъ свѣ-

товъ, на все на это современемъ ваша навыкнувшая рука положитъ краски, копію вашу съ трудомъ пожалуй отличишь отъ оригинала, и рисунокъ вашъ, въ свою очередь, пригодится какъ этюдъ для вашего меньшаго брата или сестры, которые подъ вашимъ руководствомъ, вѣроятно, пойдутъ такъ же скоро впередъ, какъ и вы сами, если съ вашею же любовью и прилежаніемъ займутся дѣломъ. Кто изъ васъ слѣдилъ за карандашемъ того, кто хорошо рисуетъ, тотъ я увѣренъ замѣтилъ, какъ

бойко, смѣло движется рука рисующаго,. какъ каждою чертою, каждымъ прикосновеніемъ карандаша придается жизнь рисунку, какъ мало по малу на бумагѣ, гдѣ не было ничего, постепенно возникаетъ предметъ. Смотрѣли ли вы какъ рисуютъ для васъ напримѣръ головку? Начертивъ овалъ, въ родѣ яйца, рисующій, едва коснется карандашомъ въ двухъ мѣстахъ, черточками поставитъ подъ ними точки въ кружечкахъ, вы видите уже глаза, провелъ изогнутую линію вдоль средней трети овала — вотъ является носъ; откуда что берется. Вы съ удовольствіемъ слѣдите за рисункомъ; вспомните, какъ въ васъ являлось желаніе умѣть рисовать точно также. И вы будете умѣть, за это я вамъ ручаюсь. Когда мнѣ было лѣтъ десять, я самъ завидовалъ одному рисовальщику; я помню, какъ трудно было мнѣ отойдти отъ него, когда меня звали даже пить молоко съ булкою, вмѣсто вечерняго чая. Какъ теперь помню, мой добрый знакомый одинъ разъ разсказывалъ, что ему стоило не малыхъ трудовъ *набить руку*, какъ онъ выразился; что онъ срисовывалъ или копировалъ со всякой картинки, какая ему попадала подъ руку, и совѣтовалъ мнѣ дѣлать тоже; только одно меня сильно конфузило: вѣдь много рисовать — нужно много оригиналовъ, нужно имѣть много бумаги; а гдѣ ихъ взять? Въ мое время и бумага была рѣдка, и оригиналы были дороги; однако, какъ-то, не помню уже какъ, я всегда умѣлъ добыть, что мнѣ было нужно, и знаю, что теперь дѣти очень любятъ, когда я подсяду къ нимъ. Сейчасъ сунутъ мнѣ въ руки карандашъ, бумагу и знай рисуй имъ.

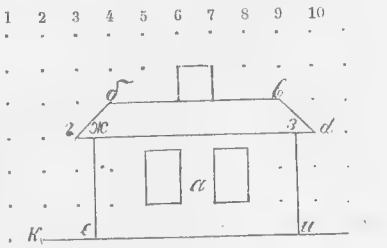
Чтобы помочь вамъ, при настоящей книжкѣ вы получаете аспидную папку — рисуйте на ней смѣло грифелемъ (но не карандашемъ), что попало — все сотрется — она долго прослужитъ вамъ; вмѣсто грифеля, который твердъ и не всегда слушается вашей руки, берите бѣлый карандашъ или стеатитъ — онъ мягокъ, черта его бѣлая, серебристая; стирается сырымъ пальцемъ, тряпочкою, губкою. Если ваши младшіе братья и сестры изчиркаютъ вашу доску стеатитомъ такъ, что какъ ни стирайте, она все бѣлѣетъ, дѣлается сѣдою — возьмите не много поташу (или какого угодно щелока), распустите его въ водѣ и вымойте тряпочкою вашу доску — она опять пойдетъ вамъ за ново. Оригиналами вамъ могутъ служить рисунки любой рисовальной школы только когда захотите учить младшихъ братьевъ и сестеръ, употре-

бите ту самую хитрость, которую употреблялъ со мною мой учитель. Не показывайте имъ всей школы сразу, а выньте простѣйшій рисунокъ и пусть начинаютъ съ него. Иначе вашъ братъ или сестра набросятся на самый красивый, а онъ обыкновенно самый трудный, и дѣло не пойдетъ на ладъ скоро. Теперь есть много разныхъ рисовальныхъ школъ. Вотъ наиболѣе у насъ извѣстныя, съ которыхъ совѣтую вамъ начать, но не забывайте, что ни учитель, ни школа васъ не научатъ, а надо самому хотѣть учиться, надо работать, трудиться, всматриваться, поправлять, передѣлывать — и ни одинъ присѣстъ не пройдетъ у васъ даромъ.

Подѣлившись съ вами тѣми общими пріемами, къ которымъ обыкновенно прибѣгаетъ самоучка, я хотѣлъ бы прямо перейдти къ контурной техникѣ; но такъ какъ самообученіе не исключаетъ полезности знать все то, что уже сдѣлано по этой части людьми опытными и что можетъ ускорить самоученіе, то долгомъ считаю, хотя вкратцѣ, указать на тѣ рисовальныя пособія, которыя могутъ вамъ облегчить контурную работу тѣмъ, что устраняютъ немалыя затрудненія, при первоначальномъ размѣщеніи видимыхъ изображеній.

Болѣе всего васъ затрудняетъ въ копированіи контуровъ именно то, откуда начать копировку; а потомъ, какъ соблюсти правильные размѣры и направленія контурныхъ линій. Чтобы дать какую либо опредѣленную точку, съ которой можно бы начать свой рисунокъ, а также и указать путь, по которому надо слѣдовать съ своимъ контуромъ, нѣкоторые предлагаютъ, такъ сказать, готовую канву, на которую вы наносите вашъ рисунокъ, руководясь тѣми размѣрами, какіе предложены вамъ этою канвою. Одна, напримѣръ, рисовальная система, такъ называемая точечная (стигмографическая), предлагаетъ готовыя таблицы, разбитыя на правильные квадратики точечными линіями. Каждая такая линія, идущая сверху внизъ и съ лѣва направо при началѣ обозначена нумеромъ: 1, 2, 3, и т. д. полож. до 10. На одной изъ таблицъ помѣщается рисунокъ, другая же точно такая, только безъ рисунка, служитъ рисующему вмѣсто бумаги (обыкновенно она приготовляется изъ аспидной бумаги, на которой можно рисовать грифелемъ или стеатитомъ); а имѣя аспидную бумажную доску, вы и сами, весьма легко можете пригото-

вить такую таблицу, разграфивъ ее на извѣстное число квадратиковъ сдва замѣтными линіями и въ мѣстахъ пересѣченія линій, поставя точки. Положимъ, что передъ вами лежитъ такая таблица (фиг. 1), съ изображеніемъ домика. Вы, въ свою очередь, разграфили вашу бумагу или аспидную доску на тоже число квадратиковъ, той же величины, если хотите получить рисунокъ той же величины, какъ и въ оригиналѣ; или произвольной большей или меньшей, если желаете увеличить или уменьшить размѣры вашей копіи (фиг. 2), по всѣмъ пересѣченіямъ линій, поставивъ точки. При одномъ внимательномъ разсмотрѣніи этихъ таблицъ, вамъ не трудно понять, что самое копированіе не представляетъ въ этомъ случаѣ никакихъ затрудненій. Стоитъ вамъ взять крайнюю точку крыши *б* и видя, что она лежитъ на пересѣченіи 3-й точечной линіи, идущей сверху внизъ, 3-ю линіею, идущею слѣва направо, вы ставите эту точку на пересѣченіи тѣхъ же линій вашей таблицы. Направленіе верхней линіи крыши идетъ по направленію горизонтальной точечной линіи № 3; а длина ея отъ *б* до *в* опредѣляется промежуткомъ между вертикальными линіями №№ 3 и 8. Нижняя линія *г*, *д* отстоитъ отъ 1-й на одинъ квадратикъ ниже, направленіе ея слѣдуетъ по направленію точечной горизонтальной линіи № 4; а длина простирается отъ 2-й до 9-й вертикальной линіи. Соединивъ точку *б* съ точкою *г* и *в* съ *д*; получите откосы крыши *бг* и *вд*. Линіи стѣны *еж* и *зи* дѣлятъ пополамъ ряды квадратиковъ, образуемыхъ пересѣченіемъ вертикальныхъ линій №№ 2-й, 3-й, 8-й и 9-йсъ горизонтальными №№ 4, 5, 6 и 7 и занимаютъ въ вышину разстояніе между 4 и 7 горизонтальными линіями. Основаніе *Кл* идетъ по направленію горизонтальной точечной линіи № 7, а длина ея равняется пространству отъ 1-й до 10-й вертикальной линіи. Такимъ же точно образомъ вы опредѣляете поло-

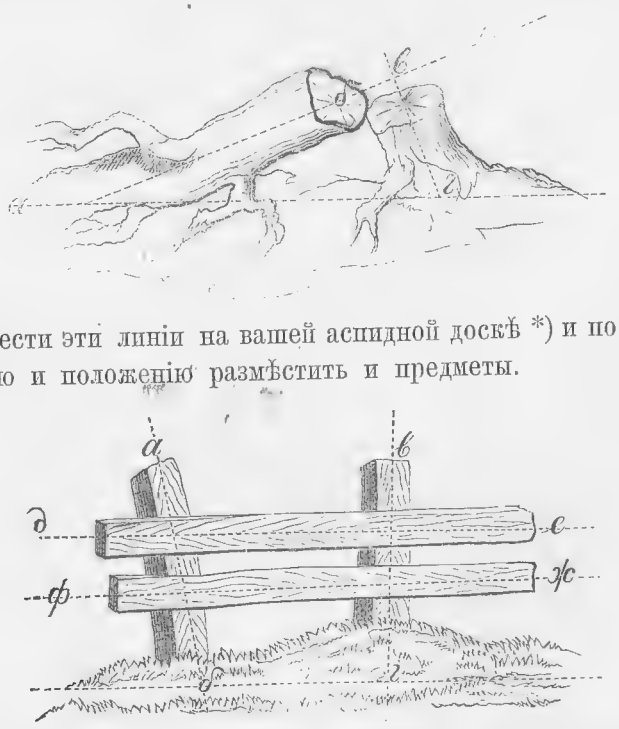


женіе оконъ и трубы даннаго вамъ домика. Какъ видите, такой способъ копированья весьма не сложенъ и цѣль при его помощи достигается весьма вѣрно. Тѣмъ не менѣе, такое копированье хорошо употреблять только въ началѣ, въ видѣ первоначально-облегчающей мѣры, такъ сказать до первой удобной минуты; и на васъ, какъ на старшихъ, лежитъ обязанность пріучать по возможности вашихъ маленькихъ учениковъ рисовать отъ руки. При этомъ гораздо лучше, если они выберутъ рисунокъ, соображаясь съ собственными силами и станутъ копировать въ настоящую его величину; это легче въ томъ отношеніи, что рисующій на первыхъ порахъ не утомляетъ своихъ соображеній на то, какъ-бы повѣрнѣе уменьшить, или увеличить размѣры видимыхъ предметовъ, (чего онъ и добьется естественнымъ путемъ болѣе продолжительной практики), и слѣдовательно, направляетъ все свое вниманіе и способности только на то, чтобы копія его была вѣрна оригиналу.

Для облегченія планировки (размѣщенія) и передачи правильныхъ размѣровъ, я иногда прибѣгалъ къ прямой линіи и, судя по тому, копировалъ ли предметъ, стоящій вертикально, наклонно или лежащій горизонтально, и свою прямую чертилъ въ томъ или другомъ соотвѣтствующемъ положеніи. Такъ, напр., еслибы вы затруднялись, положимъ, скопировать прямо отъ руки предлагаемые три рисунка (фиг. 1, 2, 3), то, копируя 1-й, вамъ не трудно замѣтить, что изображенный на немъ пень стоитъ почти прямо, между тѣмъ, какъ почва, на которой стоитъ этотъ пень, нѣсколько наклонена налѣво. Если вы затрудняетесь начать вашу копировку, боясь невѣрно помѣстить этотъ пень, то предварительно чертите на бумагѣ, или аспидной доскѣ двѣ прямыхъ произвольной длины, изъ которыхъ одну *аб* соотвѣтственно положенію пня ставите отвѣсно перпендикулярно, другую *вг*, соотвѣтственно положенію почвы — наклонно. Конечно, точечныхъ линій *аб* и *вг*, на самомъ дѣлѣ, въ предлагаемомъ оригиналѣ не существуетъ и начерчены онѣ для того только, чтобы показать вамъ, гдѣ вы ихъ должны искать мысленно. На приведенныхъ

еще двухъ рисункахъ при различныхъ положеніяхъ предметовъ,

вы опять увидите, что положеніе предметовъ соотвѣтствуетъ направленію точечныхъ линій, означенныхъ буквами. Попытайтесь нанести эти линіи на вашей аспидной доскѣ *) и по ихъ направленію и положенію размѣстить и предметы.



Кромѣ предлагаемыхъ мною приспособленій и указанной выше стигмографической методы, существуютъ еще многія другія рисовальныя пособія, и между ними безспорно я бы вамъ совѣтовалъ посмотрѣть *аспидную рисовальную доску Мельвиля*. Эта маленькая тетрадь г. Мельвиля можетъ оказать вамъ большія услуги; она даетъ вамъ 15 черныхъ таблицъ съ изображеніемъ

*) Вообще при контурныхъ занятіяхъ я бы совѣтывалъ употреблять аспидную бумагу, что сбережетъ вамъ лишнюю стопу писчей бумаги

на нихъ бѣлымъ контуромъ болѣе 90 самыхъ разнообразныхъ, общеизвѣстныхъ предметовъ.

Начавъ съ прямой линіи, какъ съ легчайшаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самаго существеннаго элемента всякой приготовительной рисовальной работы, Мельвиль на 1-й таблицѣ вводитъ васъ въ кругъ рисованія тѣхъ несложныхъ предметовъ, очертанія которыхъ слагаются изъ прямыхъ линій, при чемъ вы наглядно знакомитесь съ практическимъ употребленіемъ ея въ горизонтальномъ, наклонномъ и вертикальномъ положеніяхъ. За этимъ у него слѣдуетъ изогнутая линія и рядъ тѣхъ несложныхъ предметовъ, контуръ которыхъ состоитъ изъ этой линіи въ сочетаніи съ прямою. Переходя отъ таблицы къ таблицѣ, сложность рисунковъ послѣдовательно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и число тѣхъ случаевъ, которые наглядно знакомятъ васъ съ такимъ разнообразнымъ примѣненіемъ прямолинейныхъ и криволинейныхъ очертаній. Кромѣ всего сказаннаго, аспидная рисовальная доска Мельвиля имѣетъ и то важное значеніе, что давая вамъ послѣдовательный рядъ предметовъ, какъ я уже сказалъ, взятыхъ изъ обыденной жизни, она доставляетъ вамъ въ то же время неисчерпаемый источникъ для бесѣдъ съ вашими маленькими учениками, путемъ которыхъ вы получаете возможность вѣрно судить, на сколько въ предлагаемыхъ изображеніяхъ они узнаютъ знакомые предметы.

Но не все же копировать, пора начать и съ натуры рисовать. Но и тутъ идите тѣмъ же путемъ постепенности и начинайте съ такихъ тѣлъ, которые ограничены прямыми линіями. Въ маленькомъ ящичкѣ, называющемся *строительныя модели для рисованія съ натуры № 1,* вы найдете всѣ необходимыя матерьялы для весьма разнообразныхъ построекъ, даже домика съ крышею и трубою. Какъ постепенно располагать эти модели, какъ оттѣнять ихъ, вы найдете на рисункахъ, которые приложены въ томъ же ящикѣ; на этихъ рисункахъ показано вамъ даже, какъ накладывать тѣни. Если васъ въ семьѣ много, вы можете взять модели для рисованія съ натуры № 2.

Здѣсь вы найдете коллекцію геометрическихъ фигуръ: кубъ, пирамида, призма, конусъ, цилиндръ и т. п.; ставя эти предметы въ различныхъ положеніяхъ къ свѣту, вы получаете раз-

личныя степени освѣщенія ихъ, знакомитесь съ тѣнью, полутонами и свѣтомъ.

Для того, чтобы пріучиться рисовать съ натуры головки, которыя вы до сихъ поръ только копировали, возьмите *проволочную* модель человѣческой *головки*.

Это тотъ же бюстъ, въ которомъ плотная мраморная или гипсовая масса какъ бы исчезла, а остались одни проволочные контуры. Копированье съ подобной модели отличается отъ копированья съ рисунка въ такомъ же родѣ тѣмъ, что тутъ кромѣ линій, представляющихся вамъ въ обыкновенномъ рисункѣ въ одной плоскости, вы видите и тѣ, которыя обрисовываютъ голову сзади, съ боковъ; видите, какъ эти линіи, то выгибаясь, то вгибаясь, принимаютъ то выпуклую форму щекъ, носа, бороды, то вогнутую — шея ниже затылка, давая при этомъ вамъ полную идею рельефа головы, и размѣровъ различныхъ частей лица.

Наконецъ высшую группу моделей составляютъ *гипсовые слѣпки* человѣческихъ головъ, рукъ, ногъ, съ строгимъ соблюденіемъ послѣдовательности, дающей вамъ наглядное понятіе о томъ, что начинающій прежде всего долженъ передавать въ своей копіи главное, а потомъ переходить къ частямъ. Прежде всего, дается вамъ бюстъ въ видѣ едва обтесанной фигуры, ограниченной общими плоскими площадями; на слѣдующей фигурѣ появляются выдающіяся части лица: носъ, губы, борода; но все это является въ угловатыхъ прямолинейныхъ формахъ; наконецъ 3-я фигура является передъ вами вполнѣ окончанною, угловатость исчезла, и вы видите передъ собою бюстъ во всей его художественной красотѣ.

Для желающихъ чертить человѣческія фигуры, особенно полезна *модель человѣка*, составленная изъ геометрическихъ фигуръ. Всѣ очертанія этой фигуры не сложны и больше ограничиваются прямыми линіями, которыми вы пользуетесь въ этомъ случаѣ точно также какъ и въ только-что предложенныхъ вамъ модельныхъ рисункахъ (см. фиг. 1, 2 и 3). Впрочемъ о рисованіи человѣческой фигуры мы поговоримъ другой разъ. Много еще есть рисовальныхъ пособій въ этомъ родѣ; но такъ какъ разсказъ о нихъ не составлялъ предмета моей задачи, то я предоставляю это другимъ и спѣшу возвратиться къ разсказу о контурной техникѣ.

Въ началѣ моего разсказа я сообщилъ вамъ какъ самоучка берется за дѣло, когда хочетъ копировать съ картины; руководясь его пріемами, на 1-мъ вашемъ рисункѣ вы, какъ умѣли, воспользовались контуромъ для передачи только общаго впечатлѣнія, болѣе бросающихся въ глаза предметныхъ очертаній; контуръ на вашей копіи, рабски слѣдуя за этими очертаніями, представляется однообразною линіею, одинаковой на всемъ протяженіи толщины. Но это ли одно значеніе остается за контуромъ, и нельзя ли имъ воспользоваться для болѣе совершенныхъ цѣлей? Всмотритесь опять въ оригиналы и подумайте, нельзя ли при помощи контура еще опредѣленнѣе передать на вашей копіи границу между освѣщенными лиственными группами и находящимися въ тѣни, — придать вашему рисунку ту законченность, при которой безъ тушовки, безъ красокъ онъ удержалъ бы права эскиза карандашомъ. Этой степени развитія вашего рисунка вы можете достигнуть тѣми же контурами, ослабляя или усиливая въ нихъ мѣ-

стами (какъ говорятъ) удары карандаша. Гдѣ напримѣръ свѣтъ (а) граничитъ съ сильною тѣнью (б) (фиг. 12), попробуйте и ли-

нію контура сдѣлать темнѣе и потолще; гдѣ та-же степень свѣта граничитъ съ полутѣнью (полутономъ) (въ фиг. 12), — и линію

контура ослабить, сдѣлать нѣсколько свѣтлѣе и тоньше; нако-

нецъ сильно освѣщенныя мѣста, фономъ которымъ служитъ воздухъ или другіе освѣщенные предметы, ограничьте еще болѣе тон-

кимъ контуромъ. Очевидно, что при такихъ контурахъ (фиг. 16) рисунокъ дастъ вамъ болѣе ясную идею объ распредѣленіи свѣта и тѣни, и еслибы вы вздумали его окончить, спустя даже долгое время, все-таки, заранѣе обусловленныя мѣста соприкосновенія тѣней съ свѣтами и полутонами дадутъ вамъ возможность съ большою безошибочностью набросать впослѣдствіи эти тѣни и полутѣни, будетъ ли это сдѣлано тушовкою карандашемъ, или красками.

Очень часто случается, что вы по недостатку времени, или по

другимъ какимъ либо неудобствамъ, должны ограничиться именно этою степенью законченности вашего рисунка, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ не отнять отъ васъ права окончить вашу работу впослѣдствіи, и служить вамъ на столько достаточнымъ руководителемъ, чтобы не смотря на отсутствіе изображеннаго предмета, онъ далъ-бы какъ можно меньшій просторъ вашей фантазіи и придалъ-бы вашей работѣ наиболѣе правды.

Самоучка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЫЛИНКИ.

— Что ты такая серьёзная сегодня, Соничка? началъ Андрей Ивановичъ, обращаясь къ нашей дѣвочкѣ, когда кончилъ разговоръ съ ея отцемъ.

— Я задумалась о пыли.

— Что такъ? вѣрно побранили, что куклинъ комодъ, или твое платье въ пыли?

— Нѣтъ! Я только сегодня узнала, что все обращается въ пыль, что это остатки всего, что изнашивается: тутъ платья и мои, и Катины, и вѣрно ваши, потому что вы вѣдь у насъ бываете не рѣдко. Но я не могу придумать куда дѣвается эта пыль?

— Ну, до этого добраться не трудно. Каждый день ее выметаютъ, выбрасываютъ и вывозятъ вмѣстѣ съ соромъ въ кучи за городъ, обыкновенно чтобы завалить какую нибудь яму, ненужную канаву, болото или что либо въ этомъ родѣ. Гуляла-ли ты когда нибудь по Петровскому острову *), гдѣ теперь ростутъ такія огромныя деревья? А это было просто болото, и я еще помню, какъ съ цѣлаго города свозили туда всякій мусоръ; въ этомъ

*) Нева, какъ и всякая большая рѣка, передъ впаденіемъ въ заливъ или море при устьѣ раздѣляется на нѣсколько вѣтвей или рукавовъ, раздѣленныхъ островами. Обыкновенно острова эти образуются осадкомъ песку, или, и того что несетъ въ море сама рѣка. Первоначально устье рѣки отъ этихъ осадковъ мелѣетъ, потомъ мель выставляется изъ подъ воды, черезъ нѣсколько времени она дѣлается уже видимымъ болотистымъ островомъ. Такимъ былъ и Петровскій островъ лѣтъ 25 тому назадъ. Теперь тутъ разведенъ большой садъ. Чѣмъ древнѣе рѣка, тѣмъ болѣе въ устьѣ ея острововъ. На Невѣ древнѣйшіе острова: Васильевскій и Петербургская сторона.

мусорѣ конечно не мало такой пыли, о которой ты думаешь. Если-бы каждая пылинка могла разсказать намъ, чѣмъ она была прежде, что дѣлалось при ней, то мы узнали бы многое такое, чего изъ книгъ узнать нельзя.

— Какъ жаль, что пылинки не умѣютъ говорить. Мнѣ такъ бы хотѣлось узнать у нихъ многое; я такъ люблю слушать разсказы — я бы слушала и распрашивала; все бы у нея спросила. А то часто спрашиваешь няню — она не отвѣчаетъ, или скажетъ: ну это тебѣ знать не надо. Какъ не надо знать, когда папа говоритъ, что все надо знать.

— Что ты любопытна, мой дружокъ—я давно знаю; ну, на этотъ разъ позволь мнѣ исполнить твою фантазію и быть песчинкою. — Изволь распрашивать!

— Какой вы смѣшной, Андрей Ивановичъ! я не песокъ хочу распрашивать, а пылинку.

— Да вѣдь песокъ таже пыль, только каменная пыль, тоже мелкіе истертые кусочки камня; когда они такъ мелки, такъ легки, что вѣтеръ перегоняетъ ихъ съ мѣста на мѣсто — тогда это пыль, когда покрупнѣе—тогда называютъ ее пескомъ, а въ самомъ то дѣлѣ песочная пыль есть тотъ же песокъ, только помельче.

— Понимаю; это значитъ песокъ истертый, изношенный.

— Ну да! Изволь-же распрашивать, а то мнѣ долго сегодня оставаться у васъ нельзя.

— Песчинка, откуда ты взялась сюда? — Вы не сердитесь, Андрей Ивановичъ, я къ вамъ обращаюсь какъ къ песчинкѣ изъ нашей песочницы.

— Я самъ назвался, стало быть обижаться нечего. — Я отвѣчаю. — Я песчинка издалека; я долго лежала въ горѣ — и подлѣ меня были всѣ точно такія-же какъ я, братья и сестры; всѣмъ намъ общее имя — песокъ. Никто насъ не трогалъ, лежали мы покойны въ потемкахъ, и только изрѣдка откуда-то сверху появится вода, плотнѣе насъ сдвинетъ одну къ другой, и убѣжитъ эта вода отъ насъ далѣе внизъ; мы ее не любимъ и не вбираемъ въ себя, она только снаружи обливаетъ насъ и идетъ далѣе. По временамъ кромѣ воды приходило къ намъ тепло, тоже сверху, отъ нашихъ сосѣдокъ—такихъ же песчинокъ;

но приходило всегда незамѣтно для насъ. Мы его любимъ и вбирали въ себя всегда какъ можно болѣе — отъ него становимся мы всегда толще и выше и шире; всегда согрѣешься, раздвинешься, а когда согрѣешься — подѣлишься тепломъ и съ сосѣдкою, которой холоднѣе. Это время бывало для насъ самое пріятное; конечно намъ не нравилось то, что именно въ это-то время насъ часто обмывала вода, отнимала у насъ тепло. Мы невольно сжимались. Иногда вода бывала очень холодна; это самое для насъ непріятное. Я помню, что прежде я была не сама по себѣ, а была частицею большой песчинки; вдругъ мнѣ стало очень холодно, вода у меня отняла все тепло, я мгновенно сжалась, и сжалась такъ быстро, что оторвалась отъ большаго куска; я и помню себя только съ того времени. Съ того времени я въ кучѣ подобныхъ себѣ лежала долго, тихо, ничего не знала, никому не была нужна. Сколько времени прошло такъ — я не знаю; тепло и вода приходили и уходили и самое непріятное бывало, когда набѣжитъ къ намъ много воды: не успѣетъ она уйти прочь — тепло оставитъ насъ совсѣмъ, такъ что и вода становится камнемъ, втискается между нами, песчинками, раздвигаетъ насъ. И странная эта вода: мы живемъ на распашку, расширяемся когда тепло, а вода расширяется, раздвигаетъ насъ, когда такъ холодно, что она сама дѣлается твердымъ льдомъ.

— Постой, песчинка! Я не поняла, какъ ты отдѣлилась отъ камня.

— Очень просто: я невольно сжалась отъ холода, сильнѣе, чѣмъ весь остальной кусокъ; ему не было такъ холодно, онъ остался по прежнему, а я сжалась. Совершенно точно такъ, какъ бываетъ у васъ людей, когда въ горячій стаканъ вы вдругъ нальете со льдомъ воды, или на оборотъ когда въ холодный стаканъ вдругъ наливаете кипятку. Тѣ части стакана, которыхъ кипятокъ касается, быстро нагрѣваются, почти мгновенно расширяются, и отрываются отъ остальной холодной части стакана.

— Ну, хорошо! А вода развѣ расширяется отъ холода?

— Вообще о водѣ этого сказать нельзя, а повѣрить, что она расширяется когда замерзнетъ, очень легко: налей бутылку водою, закупорь ее пробкою и выставь на морозъ — бутылку разорветъ.

— Извини песчинка, что прервала тебя; теперь продолжай твой разсказъ.

— Долго, долго мы и знали тамъ у себя только сырость и воду, холодъ и тепло. Однажды слышимъ сверху особенный шумъ; онъ все становится ближе и ближе, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то становилось свѣтлѣе и свѣтлѣе. Наконецъ раздается шумъ совсѣмъ подлѣ меня; цѣлою кучею что-то приподняло насъ, перевернуло; я не могла удержаться на мѣстѣ, меня толкали, я вертѣлась, кружилась—и опять покойно, но уже совершенно свѣтло. Здѣсь я увидѣла, что лежу въ глубокой ямѣ; подлѣ меня стоитъ человѣкъ съ лопатою и неутомимо выбрасываетъ насъ всѣхъ на верхъ. Пришла и моя очередь; посадилъ онъ меня на свою лопату, взмахнулъ ею вверхъ и я очутилась на возу. — Не успѣла я осмотрѣться и полюбоваться солнцемъ и деревьями, которыя тогда увидѣла въ первый разъ, какъ раздался рѣзкій голосъ: «довольно!»

— Нѣтъ, прибавь, тятинька; еще легокъ будетъ возъ.

— Полно, Ефимъ, сказалъ первый голосъ; тамъ въ гору пескомъ не поднимешься.

Тутъ только я поняла, что меня хотятъ везти куда-то далеко за горы, и удивилась, что и тамъ есть гдѣ-то въ горѣ песокъ; до того признаться я думала, что только и есть свѣта, что подлѣ насъ. Ефимъ, молодой работникъ, взялъ возжи, и лошадь его двинулась съ мѣста. Мнѣ хотѣлось повнимательнѣе осмотрѣть и кусты, и деревья, и траву, и рѣчку, и небо, и все; мнѣ казалось, что лошадь бѣжитъ очень скоро, а Ефимъ все торопитъ, да подгоняетъ ее: «ну, ну назадъ поѣдемъ порожнемъ, отдохнешь — тяни, тяни», и подчасъ, когда колеса вязли въ пескѣ, самъ подталкивалъ возъ сзади. Я такъ долго лежала въ родной своей ямѣ и не знала, что значитъ *долго*, *скоро*; я думала, что кромѣ насъ песчинокъ, да тепла, воды, холода, сырости—нѣтъ ничего: ни свѣта, ни времени; какая я была тогда глупая! думала, что и міръ-то весь устроенъ для насъ. Но поживя теперь на свѣтѣ, я многое узнала.

Пока я такъ думала—Ефимъ въѣхалъ съ своимъ возомъ въ городъ; тутъ-то на возу пришлось намъ плохо: колеса перескакивали съ камня на камень, подталкивали насъ такъ сильно, что другія песчинки то и знай толкали меня, пока мы не улеглись плотно. Сначала возъ былъ большой, и я лежала на верху, видѣла все кругомъ;

но потомъ, когда тряска насъ плотно уложила, одна песчинка навалилась на меня и почти совсѣмъ закрыла мнѣ свѣтъ. Вдругъ возъ завернулъ куда-то къ сторонкѣ. «Дворникъ, говоритъ Ефимъ, куда валить?»

— А вотъ здѣсь, къ сторонкѣ, на мостовую.

— Затѣмъ вдругъ опять движеніе, и меня повалили и засыпали сверху; опять темно — опять тѣмъ, чѣмъ была прежде. Но теперь мнѣ уже очень хотѣлось знать, что дѣлается вездѣ. Я стала осматриваться, и увидѣла, что попала на камень, похожій на тотъ, отъ котораго давно, давно меня оторвалъ холодъ. Познакомившись съ этимъ камнемъ, я узнала отъ него, что когда-то онъ былъ большой, большой, и что нѣкогда и онъ былъ въ землѣ; и что тогда отъ него вода и холодъ отрывали много частицъ, такихъ какъ я, много песчинокъ, но только крупныхъ; а теперь его околачиваютъ копыта лошадей, колеса телѣгъ, и все его скругляютъ, обращаютъ обломки въ тончайшую пыль, и гдѣ, гдѣ нѣтъ теперь вѣтромъ разнесенныхъ его частицъ. Отъ него я узнала о томъ, какъ жили его предки (такъ же вѣроятно и мои жили); какъ вдругъ опять слышу шумъ сверху, опять голоса человѣческіе, между которыми я различила одинъ очень тонкій голосъ, не похожій на голосъ Ефима и дворника:

— Да ты дай песку почище — баринъ сказалъ, чтобы насыпать свѣжаго въ песочницу.

— Ну вотъ бери здѣсь!—Вслѣдъ за тѣмъ я очутилась въ корзинѣ, и оттуда та дѣвушка, чей тонкій голосъ я слышала, всыпала меня въ эту песочницу. Признаться, недолюбливаю я этой дѣвушки: боюсь, что она когда нибудь уберетъ меня отсюда, а здѣсь такъ хорошо; — правда, всякій день видишь одно и тоже, но слышишь очень много новаго, любопытнаго: мнѣ здѣсь очень хорошо и я боюсь перемѣны.

— Ну, Андрей Ивановичъ,—ахъ, виновата, — ну, песчинка, можно ли у тебя узнать, что тамъ разсказывалъ камень на мостовой?

— Ты очень любопытна — но это долго разсказывать тебѣ, и не будетъ-ли довольно на этотъ разъ?

— Андрей Ивановичъ, если ей довольно, то разскажите мнѣ, вмѣшался старшій братъ Андрюша; а она можетъ слушать или

играть,—какъ она хочетъ,—только будьте вы камнемъ съ мостовой, а не песчинкою.

— Согласенъ!

— Ну, разскажите мнѣ все о себѣ: когда родились, кто ваши родители, какъ сюда попали на мостовую, что видѣли въ жизни...

— Андрей Ивановичъ! Андрей Ивановичъ! раздался голосъ отца изъ другой комнаты,—ты разболтался, пора идти на службу; пойдемъ вмѣстѣ.

Марцеллъ.

(Продолженіе будетъ).

ИГРЫ И ЗАНЯТІЯ.

ТѢНИ.

Приложенные листы съ рисунками надо первоначально разрѣзать такъ, чтобы каждый рисунокъ былъ на отдѣльной бумажкѣ; потомъ, положивъ бумажку на гладкую доску, концомъ остраго ножа вырѣзываютъ ихъ по контурамъ черныхъ пятенъ, такъ чтобы всѣ черныя пятна выпали. Поставивъ подобный вырѣзанный рисунокъ у стѣны противъ свѣчки, получаютъ на стѣнѣ изображеніе, тѣмъ лучше, чѣмъ чище вырѣзанъ рисунокъ по краямъ.

ЛОТО.

(Дается 12 картъ съ числами, 90 нумеровъ и 160 закладокъ).

Чтобы приготовить лото для игры, слѣдуетъ каждую изъ 12 картъ съ числами наклеить отдѣльно на папку или картонъ; снизу подклеить какою либо темною, напримѣръ темно-синею бумагою; эту бумажку надобно вырѣзывать длиннѣе и шире самой карты, такъ чтобы края ея, со всѣхъ четырехъ сторонъ, могли быть завернуты на верхъ и составить темную рамку кругомъ каждой карты. Наклеивать лучше всего крахмальнымъ или мучнымъ клейстеромъ; чтобы карты *не вело*, то есть, чтобы онѣ не горбились и не кривились послѣ наклейки, слѣдуетъ подъ низъ картона подклеивать бумагу, по возможности такой толщины, какъ верхняя бумага съ напечатанными нумерами. Когда папки настолько просохнутъ, что цвѣтная бумага не пачкаетъ, ихъ слѣдуетъ сложить въ кучу, уравнять края и положить подъ что либо тяжелое, или завинтить въ переплетные тиски— кто имѣетъ таковые. Чтобы цвѣтная бумага не пачкала лицевыхъ сторонъ, нужно или перекладывать карты чистою бумагою, или просто складывать ихъ попарно, лицомъ къ лицу нумеро-

ванныя стороны, также какъ и цвѣтныя. Нумера, точно такъ какъ и закладки, можно — и даже лучше — тоже наклеить на папку и потомъ вырѣзать отдѣльно.

Кто хочетъ долго сохранить свою игру, тому совѣтуемъ для нумеровъ и для закладокъ сшить особенные мѣшечки и по окончаніи игры акуратно прятать нумера и закладки отдѣльно по мѣшечкамъ. Для всего же лото вмѣстѣ съ картами надобно сдѣлать особенную коробку, въ которой и хранить всю игру.

Правила игры. Выложивъ на средину стола всѣ 12 картъ цифрами внизъ, всѣ играющіе (число ихъ можетъ быть отъ 2 до 12) берутъ каждый на удачу по 1, 2, 3, или по скольку согласятся, картъ, и потомъ кладутъ передъ собою одну карту надъ другою, чтобы легче найти нумера, когда ихъ будутъ выкликать. Одинъ изъ играющихъ, по жребію или по уговору, беретъ мѣшечекъ съ нумерами и, вынимая изъ него по одному нумеру, выкликаетъ его громко, чтобы всѣ играющіе слышали. Ему строго воспрещается выбирать нумера или подсматривать, чтобы выбрать какой нибудь нумеръ по своей волѣ; онъ долженъ выкликать нумеръ, какой ему первый попался подъ руку. Всѣ тѣ играющіе, которые имѣютъ вынутый нумеръ, закрываютъ его, каждый на своихъ картахъ, особенными закладками. Тотъ, кому пришлось ранѣе всѣхъ закрыть всѣ нумера въ одномъ горизонтальномъ ряду на одной картѣ,— выигралъ. Обыкновенно ему даютъ выкликать нумера слѣдующій разъ. Для вашихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, которые желаютъ непремѣнно играть съ вами большими, а между тѣмъ знаютъ только цифры, а не числа, можете согласиться, что выигрываетъ тотъ, у кого ранѣе будутъ закрыты всѣ цифры въ вертикальномъ ряду.

КАКЪ КРОЛИКИ ПОБѢДИЛИ КОШЕКЪ.

Ты хочешь, чтобы я тебѣ разсказала сказку? ты говоришь, что я тебѣ давно обѣщала хорошенькую сказочку? Ну, такъ слушай же, я начинаю:

Жилъ былъ маленькій мальчикъ, хорошенькій, веселенькій мальчикъ, такой же веселенькій, какъ ты. У него были такія же розовыя щечки, такіе же стоптанные башмачки, какъ у тебя. Онъ также какъ и ты очень любилъ папу и маму, и они его очень любили. Когда мама сидѣла за работой, писала или читала что нибудь, онъ подкрадывался къ ней сзади, карабкался на диванъ и обхватывалъ ее за шею. А мама на это нисколько не сердилась; напротивъ, она бросала свою работу, брала своего мальчика на руки, и они оба начинали возиться на диванѣ или на полу, гдѣ попало. Они цѣловались и смѣялись; смѣялись такъ, что иногда Коля (такъ звали мальчика) говорилъ: «Довольно, мама, право довольно, я больше не могу!»

У Коли былъ еще одинъ другъ — большая черная собака, Трезоръ. Трезоръ очень любилъ Колю. Лишь только увидитъ его, сейчасъ же бѣжитъ къ нему на встрѣчу, весело мотаетъ хвостомъ и лижетъ ему руки. Если бы онъ могъ смѣяться, какъ ты, то онъ разсмѣялся бы отъ удовольствія; но онъ не умѣлъ смѣяться, а я увѣрена, что часто ему очень, очень хотѣлось разсмѣяться.

Коля очень любилъ животныхъ; онъ терпѣть не могъ, когда ихъ мучили, и разъ очень разсердился на своего друга Трезора, когда тотъ съ лаемъ бросился на бѣдную сѣрую кошку, которая вошла безъ позволенія въ садъ, укусилъ ее и заставилъ жалобно мяукать отъ испуга и боли.

Такое обращеніе такъ возмутило Колю, что онъ три дня не разговаривалъ съ Трезоромъ; боялись даже, что они совсѣмъ поссорятся. Трезоръ всѣми силами старался примириться съ своимъ маленькимъ господиномъ; онъ прыгалъ вокругъ него и клалъ ему на колѣни голову, въ ожиданіи, что Коля улыбнется и поласкаетъ его; а Коля все не улыбался и строго говорилъ: «Нѣтъ, Трезоръ, нѣтъ, ты злой. Ты чуть не убилъ кошку, которая слабѣе тебя. Это не хорошо! Уйди, уйди отъ меня!»

Изъ этого ты видишь, что Коля очень любилъ животныхъ; да и нельзя же ихъ не любить. Если ты гулялъ и бѣгалъ въ лѣсу, то вѣрно часто любовался разными животными, наблюдалъ за ними. Ты вѣрно видалъ тамъ и зябликовъ, и толстыхъ черныхъ дроздовъ съ ихъ желтыми носами, и ласточекъ, и кукушекъ, и соловьевъ, которые такъ хорошо поютъ. А развѣ ты не видалъ

тамъ бѣлокъ, съ ихъ пушистымъ хвостомъ, постоянно упражняющихся въ гимнастикѣ, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку? А помнишь-ли зайцевъ, съ ихъ длинными ушами? они большіе трусы, но за то какъ они бѣгаютъ! А кролики, эти милые, добрые кролики, съ красными глазками, такъ мило закутанные въ ихъ мягкую теплую шубку! не правда-ли, какъ имъ весело играть на свѣжей зеленой травѣ, грызть листочки, пить росу. А лягушки, которыя съ наступленіемъ вечера безъ устали болтаютъ на берегу рѣки, желая спокойной ночи солнцу?...

Видишь-ли, мой дружокъ, всѣ эти животныя хотятъ, чтобы ихъ любили, и даже некрасивыя между ними, напр. жаба и многія другія, просятъ извиненія за свою уродливость. Представь себѣ, что ты такой же некрасивый, какъ жаба; вѣдь тебѣ было бы очень больно, если бы всѣ отворачивались отъ тебя и бросали въ тебя каменьями!

Никто никогда не говорилъ этого Колѣ, но всѣ эти мысли приходили къ нему сами собой. Онъ всѣхъ любилъ и его тоже всѣ любили, и я узнала послѣ, что въ той рощѣ, гдѣ часто гулялъ Коля, по вечерамъ собирались всѣ эти животныя поговорить передъ сномъ; всѣ хвалили его и говорили, что они очень его любятъ.

Какъ-то разъ утромъ онъ вышелъ побѣгать въ этой рощѣ. Вдругъ замѣтилъ онъ на травѣ, недалеко отъ себя, толстаго кролика, который казалось о чемъ-то раздумывалъ, потому что навострилъ свои большія уши и задумчиво поглаживалъ лапками свои усики.

Коля остановился и улыбнулся; онъ боялся подойти поближе, чтобы не испугать маленькое животное. Но увидя, что кроликъ ласково повернулся къ нему, онъ ободрился и сталъ медленно приближаться; вынулъ изъ кармана кусочекъ хлѣба и хотѣлъ уже предложить его кролику, когда тотъ приподнялся на заднія лапки и поклонился очень вѣжливо, опустивши головку и переднюю лапку.

Разумѣется, Коля немножко струсилъ, потому что вѣдь вѣжливые кролики встрѣчаются не часто; однако онъ скоро успокоился и тоже поклонился, снявъ свою шляпу:

«Здравствуйте, кроликъ, здравствуйте!»

При этомъ онъ сконфузился и положилъ пальчикъ въ ротъ, широко раскрывъ глаза. Ему хотѣлось сказать что нибудь пріятное, но онъ не зналъ что, потому что былъ очень смущенъ.

Добрый кроликъ, вѣрно, понялъ смущеніе Коли, потому что, сѣвъ на травку, онъ ласково улыбнулся и сказалъ:

«Какая прекрасная погода, мой милый мальчикъ, сегодня будетъ, вѣрно, очень жарко.»

— Боже мой, кроликъ говоритъ! вскричалъ Коля, всплеснувъ ручками.

«Да, конечно, дружокъ; я говорю, и говорю совсѣмъ хорошо. Но я говорю только съ тѣми, кого люблю, а потому другіе думаютъ, что я не умѣю говорить. Сядь-ка возлѣ меня здѣсь въ тѣни.»

При этомъ кроликъ протянулъ лапку и дернулъ Колю за курточку. Но Коля не соглашался сѣсть, потому что все еще немного трусилъ. Тогда кроликъ сказалъ:

«Если ты не хочешь сѣсть, то пойдемъ гулять.»

— Охотно, кроликъ. Только вѣдь вы ходите очень скоро; я не успѣю за вами.

«О, тогда садись мнѣ на спину; я тебя понесу къ себѣ, это въ двухъ шагахъ отсюда. Ты познакомишься съ моими дѣтьми, а когда вы познакомитесь, то послѣ можете часто вмѣстѣ играть въ лѣсу.»

Ты, разумѣется, поймешь, что у Коли сердечко запрыгало отъ радости при мысли, что онъ будетъ играть съ маленькими кроликами, которыми онъ до тѣхъ поръ любовался только издали.

— Но, кроликъ, вы меня не уро̀ните? нѣтъ?

«Развѣ я ребенокъ, голубчикъ? Держи меня только крѣпче за уши и не бойся. Поцѣлуй меня, и въ дорогу.»

Колѣ очень не хотѣлось поцѣловать кролика; однако онъ боялся обидѣть такое милое животное, и потому сказалъ: «Хорошо»; но при этомъ покраснѣлъ, потому что подумалъ: «кроликъ замѣтитъ, что мнѣ не хочется его поцѣловать, и обидится».

Однако онъ сейчасъ же успокоился, когда къ его щечкѣ прикоснулась тепленькая мордочка, мягкая какъ атласъ. Этотъ поцѣлуй такъ ему понравился, что онъ обхватилъ ручками кролика за шейку и крѣпко его поцѣловалъ между ушами. Кроликъ смѣялся и корчился какъ сумасшедшій:

«Ты меня щекочешь, голубчикъ; я ужасно боюсь щекотки. Но это ничего; ты милый, добрый мальчикъ. Ну, теперь раздвинь немного ноги, я стану между ними. Возьмись за мои уши; не бойся, мнѣ не будетъ больно. Садись. Только осторожнѣй, не оцарапай меня ногтями.»

Коля усѣлся на спину своего друга. Тогда тотъ поднялъ мордочку кверху и, увидавъ двухъ маленькихъ птичекъ, прыгающихъ съ вѣтки на вѣтку, сказалъ:

«Шшъ, сударыни-барышни, спойте намъ что нибудь и летите передъ нами. Повеселите милаго мальчика, который сидитъ у меня на спинѣ. Надѣюсь, что мнѣ не надо вамъ напоминать кто я такой.»

Птички слетѣли съ дерева и такъ почтительно поклонились кролику, что Коля подумалъ: «этотъ милый кроликъ ужь не Заколдованный-ли Принцъ?»

— Ты крѣпко сидишь, малютка? спросилъ кроликъ.

«Да, крѣпко;» отвѣчалъ Коля, «но вѣдь вы живете не далеко, не правда-ли?»

— Я живу на концѣ маленькой тропинки, тамъ налѣво, между двумя большими деревьями...

«Ахъ, значитъ вы живете въ этой большой норѣ, у которой моя собака Трезоръ всегда скребетъ?»

— Да, я живу тамъ... Ты готовъ? Ну, ѣдемъ.

II.

Послѣднія слова кролика сдѣлали сильное впечатлѣніе на Колю. Онъ хорошо зналъ эту нору и часто, останавливаясь передъ этой большой дырой, спрашивалъ свою маму, что это такое; и мама ему всегда отвѣчала:

«Это, мой мальчикъ, дверь въ домикъ кролика.»

Значитъ, этотъ домикъ подъ землей, и можетъ быть, въ немъ есть разныя комнаты; вѣдь никто того не знаетъ. А можетъ быть, тамъ и спальня, и дѣтская, и кухня. Какъ тамъ должно быть хорошо! И этотъ домъ, вѣрно, очень большой, потому что недалеко отъ большой дыры есть еще нѣсколько дыръ, и все это, говорятъ, двери. Можетъ быть, въ эти двери входитъ дворникъ съ водой и дровами, мясникъ и зеленщикъ съ провизіей? кто знаетъ!

Обо всемъ этомъ Коля часто размышлялъ, когда онъ стоялъ передъ большой норой, внимательно и съ нѣкоторой боязнью осматривая ее. Разъ онъ рѣшился опустить въ нее ручку, но ощупалъ только стѣны длиннаго - длиннаго корридора. Иногда, когда онъ былъ одинъ, онъ наклонялъ головку къ норѣ и кричалъ въ нее: «есть тутъ кто нибудь?» Но неизвѣстно почему, ему никогда никто не отвѣчалъ. Ты поймешь теперь всю радость и все волненіе Коли, когда кроликъ понесъ его къ большой норѣ.

Кроликъ бѣжалъ не тихо. У Коли развѣвались волосики отъ вѣтра. Онъ какъ-то даже замѣтилъ, что его шляпа сейчасъ-сейчасъ улетитъ; но не рѣшился сказать это кролику, потому что—вѣдь ты самъ знаешь — когда теряешь голову, то ужь не думаешь о шляпѣ. При томъ же вещи гораздо болѣе интересныя привлекали его вниманіе. Кроликъ отлично зналъ дорогу: онъ выбралъ самый краткій путь, черезъ чащу, не обращая вни-

манія на вѣтки, колючки и высокую траву, которая сама собой разступалась, чтобы дать ему дорогу. Да, дружокъ, и вѣтки, и листья давали ему дорогу, а дрозды, ласточки, зяблики и другія птички слетались со всѣхъ сторонъ и летѣли за кроликомъ, распѣвая хорошенькія пѣсенки. Синіе и бѣлые колокольчики безмолвно преклонялись передъ нимъ; хорошенькія кашки, фіалки, лютики, сами собой ложились подъ его лапки и представляли изъ себя прекрасный разноцвѣтный коверъ. Со всѣхъ сторонъ колыхалась трава и мохъ, и повсюду весело вертѣлись, кружились, летали насѣкомыя съ золотыми крылышками, мошки, жучки, божьи коровки, голубенькія стрекозы, бабочки. А когда лучи солнца, пробираясь сквозь листья деревьевъ, освѣщали всю эту веселую толпу, то казалось будто милліоны драгоцѣнныхъ камней сверкали на травѣ и въ воздухѣ.

О, какъ это было хорошо! Никогда, никогда, даже во снѣ, Коля не видѣлъ ничего подобнаго; и ему было такъ весело, такъ весело, что онъ хотѣлъ бы всѣхъ разцѣловать — и кролика, и колокольчики, и ласточекъ, и бабочекъ.

Наконецъ кроликъ остановился. Они пріѣхали. Всѣ птички и насѣкомыя расположились по обѣ стороны норы и почтительно поклонились, каждый на свой ладъ, кролику, который въ это время спускалъ съ спины Колю и, ласково улыбаясь, говорилъ ему:

«Иди за мной, малютка; я иду впередъ, чтобы показать тебѣ дорогу. Смотри, не упади, держись за перила.»

Къ своему удивленію, нашъ маленькій Коля вдругъ увидѣлъ, что вохдъ въ нору такъ разширился, что онъ могъ свободно войти въ него. Онъ очутился въ широкомъ корридорѣ, который спускался внизъ. Здѣсь было немного темно, однако все таки можно было на столько видѣть, чтобы пробираться не спотыкаясь, и они скоро подошли къ двери, на которой висѣлъ колокольчикъ. Кроликъ нетерпѣливо дернулъ за шнурокъ.

Дверь отворилась, и на порогѣ появилась большая бѣлка, съ расчесанными и завитыми ушками, держа въ рукахъ маленькій подсвѣчникъ съ розовой свѣчкой, которая очень ярко горѣла. Она низко поклонилась.

«Однако, сказалъ кроликъ, вы кажется заставляете меня ждать! Жена моя принимаетъ?»

Потомъ, обернувшись къ Колѣ, проговорилъ:

«Войдите, дружокъ.»

— Я не зналъ, — сказала бѣлка, такъ низко кланяясь, что завитой пушистый хвостикъ ея перегнулся черезъ голову; — я не зналъ, что король изволитъ ждать.

При словѣ *король* Коля вздрогнулъ.

«Боже мой! господинъ... кроликъ, развѣ вы...»

— Я лѣсной король, голубчикъ.

«Ахъ, господинъ король... ахъ!»

— Ну, что съ тобой, дружокъ?

«А я то, я то васъ держалъ за уши!»

— Ха, ха, ха! я очень люблю такія приключенія! Признаюсь, ты таки порядочно ихъ дергалъ, я совершенно въ поту. Я долженъ быть красенъ, красенъ какъ ракъ?

«Не знаю, король, я не могу видѣть красны вы или нѣтъ, потому что у васъ на лицѣ шерсть...»

Коля остановился и покраснѣлъ; онъ подумалъ: «можетъ быть, мнѣ не надо было говорить, что у него на лицѣ шерсть? онъ, пожалуй, обидится?»

Но кроликъ, напротивъ, совсѣмъ не обидѣлся, а расхохотался отъ души и, обернувшись къ бѣлкѣ, которая была его камеръ-лакей, сказалъ:

— Поди, узнай, принимаетъ-ли королева, а потомъ принеси мнѣ мои туфли и корону.

Бѣлка поклонилась, прыгнула и исчезла за дверью.

— Не хочешь ли осмотрѣть мою комнату? сказалъ король; а я пока перечитаю мою корреспонденцію. Видишь, сколько писемъ.

Коля посмотрѣлъ въ ту сторону, куда кроликъ указывалъ лапкой, и увидѣлъ только кучу закрученныхъ листьевъ.

— Ага, ты не понимаешь?

«Нѣтъ.»

— Мы кролики, если умѣемъ писать, то всегда пишемъ на этихъ листьяхъ. Но многіе изъ моихъ подданныхъ не умѣютъ писать, и я даже этому очень радъ: они довольно говорятъ глупостей и безъ этого.

«Значитъ у васъ есть и перья, и чернила?»

— Нѣтъ, мой ангельчикъ. Какъ мнѣ нравится твое невѣ-

жество! Мы дѣлаемъ когтями маленькія дырочки на листѣ, и смотря по тому, какъ сдѣланы эти дырочки, онѣ означаютъ то или другое. Вотъ посмотри: письмо на виноградномъ листѣ; я увѣренъ, что это отъ моего сосѣда... такъ и есть.

Король быстро пробѣжалъ письмо, и сильная радость выразилась на его лицѣ. Коля никогда не думалъ, чтобы глаза кролика могли быть такъ выразительны.

— Одинъ изъ моихъ друзей предлагаетъ руку своей дочери моему старшему сыну, сказалъ кроликъ съ гордостью. Я не откажу, о нѣтъ, я не откажу.

«Но, король, вашъ старшій сынъ—принцъ?»

— Конечно, дружокъ; и молодая дѣвица, которую ему предлагаютъ, кромѣ того, что она рѣдкой красоты,..

(Коля улыбнулся; онъ не могъ себѣ представить, чтобы одинъ кроликъ могъ быть красивѣе другаго).

.....она еще принцесса. Она дочь очень могущественнаго короля, моего сосѣда, тоже кролика.

«Ахъ, король, надо ихъ женить!»

— Конечно, надо. Но мой старшій сынъ еще совершенный ребенокъ, не смотря на свои большія уши; онъ такой легкомысленный, такой игривый и наивный... право нельзя быть болѣе наивнымъ! Принцесса, напротивъ, очень положительная, и я боюсь, что она будетъ водить своего мужа за носъ, да, да, за носъ.

Послѣ этихъ словъ король поспѣшно развернулъ другіе листья, а Коля сталъ осматривать комнату. Это, казалось, была рабочая комната; стѣны были обиты мхомъ, а возлѣ стѣны стоялъ широкій, красивый диванъ, очень низкій, сдѣланный изъ разныхъ, душистыхъ травъ. Въ одномъ углу былъ большой листъ лопуха, свернутый въ трубку и наполненный чистой прозрачной водой. Коля вспомнилъ, что у мамы въ кабинетѣ всегда стоитъ графинъ съ водой.

— Чортъ возьми! вскричалъ вдругъ король, ударивъ себя лапкой по лбу; какое дурное извѣстіе: мой военный министръ пишетъ мнѣ, что прошлую ночь на границахъ моего государства было разставлено множество ловушекъ!

Король на минуту задумался.

— Кромѣ того, продолжалъ онъ, передовой отрядъ моихъ казаковъ своими собственными глазами видѣлъ при лунномъ свѣтѣ двухъ огромныхъ сѣрыхъ кошекъ, которыя пытались проникнуть въ новыя поры, устроенныя весной по моему приказанію.

Говоря это, король продолжалъ развертывать листья. Этотъ день былъ положительно несчастный, потому что почти въ каждомъ письмѣ заключалось непріятное извѣстіе. Огромный кротъ проникъ въ казарму тѣлохранителей лѣснаго короля; произошла жестокая битва, въ которой одинъ кроликъ, подпоручикъ, очень хорошей фамиліи, лишился кончика хвоста, у другаго была сломана лапа, а у третьяго—отъ сильнаго испуга—сдѣлалось такое кровотеченіе изъ носу, что придворный медикъ еще до сихъ поръ не могъ его остановить. Не смотря на это, кротъ былъ убитъ, и военный министръ всепокорнѣйше проситъ королеву принять шкурку для обивки ея дивана. Но это не все: цѣлый муравейникъ, воспользовавшись одной бойницей, проникъ на оружейный дворъ. Лисица съѣла на дорогѣ курьера лѣснаго короля и т. д.

— Все это меня безпокоитъ и не предвѣщаетъ ничего добраго, прошепталъ король. Всѣ эти происшествія случились какъ разъ въ день помолвки моего сына: это нехорошій знакъ. А можетъ быть, это предвѣщаетъ войну.

«Но, господинъ король, сказалъ Коля, который былъ въ такомъ же волненіи, какъ и кроликъ, если вы начнете войну, у меня есть ружье и острая сабля, и какая еще острая, она такъ рѣжетъ, такъ рѣжетъ—вотъ увидите! и потомъ у меня есть еще труба»... Въ эту минуту вошла бѣлка, держа въ ротикѣ пару туфлей, а въ лапкахъ корону короля.

Король плотно пригнулъ одно ушко къ другому и подставилъ головку бѣлкѣ, которая ловко надѣла на нее корону. И что это была за корона! Она вся была сдѣлана изъ золотистыхъ крылышекъ насѣкомыхъ и изъ божьихъ коровокъ, красныхъ и черныхъ; на верхушкѣ блестѣла прекрасная раковина улитки. Это было чудо какъ хорошо! Но вечеромъ корона была просто ослѣпительна: къ ней прицѣпляли свѣтящихся червячковъ. О, тогда на нее было больно смотрѣть, и король могъ читать тогда безъ свѣчей.

Коля положилъ пальчикъ въ ротъ и съ восторгомъ смотрѣлъ

на короля. У него забилось сердечко, когда бѣлка сказала, что королева принимаетъ. Что-то онъ увидитъ въ другихъ комнатахъ?

III.

Къ несчастью, въ это время раздался голосъ надъ землею:

— Коля! Коля!

«Мама зоветъ завтракать!» сказалъ грустно Коля.

— Иди, иди, малютка! отвѣчалъ ему король: ты теперь знаешь дорогу къ моему дворцу, приходи, когда будетъ можно.

Коля поцѣловалъ короля и побѣжалъ на встрѣчу къ мамѣ, которая его ждала въ концѣ широкой тропинки.

— Какой ты красный, дружокъ; ты вѣрно много бѣгалъ?

«Пойдемъ, пойдемъ скорѣй, мама; я спѣшу, мнѣ надо скорѣй завтракать», и, схвативъ маму за руку, онъ заставилъ ее бѣжать съ собой.

Когда они взошли, завтракъ уже былъ на столѣ, и папа рѣзалъ котлетку для Коли.

— Ну, гдѣ вы были? спросилъ онъ.

— Я ходила въ рощу за Колей, а онъ былъ на маленькой тропинкѣ. Что онъ дѣлалъ тамъ—не знаю; онъ еще не успѣлъ разсказать, отвѣчала мама, привязывая Колѣ салфетку. Ну, кушай, дружокъ, а потомъ разскажи, отчего ты спѣшишь?

Коля молча взялъ вилку въ руку, но не могъ кушать: онъ былъ слишкомъ озабоченъ.

— Да что съ тобой, голубчикъ? спросилъ его папа.

— Ахъ, папа, не сердись, но я иду на войну, сказалъ Коля, опустивъ глаза на свою тарелку.

— На войну? въ самомъ дѣлѣ?

— Да, папа;—онъ рѣшился взглянуть на папу и маму, но видя, что они оба улыбаются, успокоился и разсказалъ все, что съ нимъ случилось утромъ. При этомъ онъ исправно уписывалъ свою котлетку, такъ какъ вдругъ замѣтилъ, что ему очень хочется кушать.

Папа и мама сейчасъ послѣ завтрака пошли вмѣстѣ съ Колей въ дѣтскую, чтобы собрать для короля и молодыхъ принцевъ разное оружіе. У Коли было очень много оружія, но оно почти все было переломано. Но вѣдь когда надо идти на вой-

ну, то разбирать нечего. Собрали все, что только было, и Коля, поцѣловавъ папу и маму, отправился на войну. Его ноша была не легка; онъ взялъ съ собой даже пушку, и потому шелъ очень тихо.

Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ рощѣ, какъ съ одного дерева соскочила бѣлка, камеръ-лакей короля.

— Король проситъ васъ слѣдовать за мною, сказала она чрезвычайно вѣжливо.

Коля отправился за камеръ-лакеемъ. Ему было очень трудно идти, потому что вѣтки и высокая трава путались между ногами. Но скоро онъ вышелъ на маленькій лужокъ, гдѣ собрались восемь важныхъ кроликовъ. Одинъ изъ нихъ, король, сильно взволнованный и озабоченный, быстро шагалъ, кусая усы.

— Вы настоящій гусь, полковникъ, говорилъ онъ кому-то. Онъ казался очень разсерженнымъ, но замѣтивъ Колю, очень любезно обратился къ нему:

— Что ты принесъ намъ, дружокъ?

«Все, господинъ король, для войны. Вотъ труба, ружья и... и...»

— Ты пришелъ кстати, потому что мы, вѣроятно, подвергнемся нападенію тѣхъ двухъ сѣрыхъ кошекъ, о которыхъ я тебѣ говорилъ. Я теперь могу вооружить всѣхъ моихъ офицеровъ. Господа,—продолжалъ онъ, обращаясь къ остальнымъ кроликамъ, которые были большіе чины войска,—пусть каждый беретъ, что ему нужно; я беру трубу.

Ахъ, господинъ король! вскричалъ Коля; мнѣ бы очень хотѣлось взять трубу! Я вамъ лучше дамъ пистолетъ съ пробкой».

— Это невозможно, мое дитя. Пойми меня, — я отдаю приказанія, мнѣ необходима труба, и потомъ... мнѣ еще не приходилось дуть въ трубу, а мнѣ это очень хочется. Вотъ что: не хочешь ли ты быть полковникомъ? я охотно дамъ тебѣ этотъ чинъ.

«О, да! я хочу быть полковникомъ!

— Хорошо, съ этой минуты ты полковникъ!.. но ты мнѣ оставляешь трубу?

«Разумѣется. Къ тому же полковнику не нужна труба; ему нужно имѣть только ружье».

Между тѣмъ, офицеры разбирали оружіе. Кто взялъ исправ-

ное ружьe, а кто старое, изломанное, такъ только—для храбрости; иные взяли только палки отъ серсо. Однако всѣ взяли что нибудь: вѣдь на войнѣ все годится. Одинъ казацкій полковникъ, не зная употребленія барабана, сѣлъ на него и провалился. Король сначала очень разсердился, потому что неприлично казацкому полковнику проваливаться въ барабанъ... но не выдержалъ, и расхохотался.

Въ это время послышался шумъ въ листьяхъ: къ нимъ несся во весь галопъ кроликъ, весь въ поту и въ пыли. Всѣ обратились къ запыленному кролику и молча ждали, что онъ скажетъ. Но онъ такъ скоро бѣжалъ, что не могъ говорить, а только чихнулъ четыре раза сряду.

— Будь здоровъ! сказалъ король; ну, говори... будь здоровъ! да перестанешь-ли ты? Будь здоровъ! чортъ возьми... я разсержусь... Будь здоровъ...

— Г-нъ король!—проговорилъ наконецъ кроликъ, высморкав-

шись въ листикъ, который слетѣлъ въ эту минуту съ дерева,— битва начинается! Сѣрыхъ кошекъ видѣли въ полѣ; онѣ развѣдывали, какъ бы проникнуть въ лѣсъ и осадить насъ. Онѣ вооружены съ ногъ до головы.

Всѣ задрожали.

«Еслибы я могъ принести сюда мою *большую* пушку», подумалъ Коля; но онъ ничего не сказалъ, потому что король былъ очень озабоченъ. Бѣдный король! драться наканунѣ свадьбы своего старшаго сына!

— Ну, по мѣстамъ! и пусть тотъ, кто боится, дѣлаетъ видъ, что не боится. Всѣ мои казаки заняли засады; всѣ проходы защищены; за каждымъ деревомъ стоитъ часовой... все готово!.. Храбрый полковникъ,— обратился онъ къ Колѣ, —заряди свое дѣйствующее ружье и займи постъ подъ этимъ большимъ деревомъ,

Коля направился къ большому дереву; но разумно разсудилъ, что если останется внизу, то кошки его замѣтятъ и не рѣшатся подойти; поэтому, онъ влѣзъ на дерево. Это было не легко; однако, онъ достигъ первой вѣтки и сѣлъ на нее верхомъ, перекинувъ ружье за плечо. Листья закрывали его; онъ былъ увѣренъ, что его не замѣтятъ. Вынувъ саблю изъ ноженъ и зарядивъ ружье, онъ сталъ ждать. Какъ долго тянулось время! Онъ оглядывался кругомъ, но ничего не было видно; только у корней деревьевъ высовывались уши часовыхъ. Ничего не было слышно, кромѣ шопота тѣхъ же часовыхъ, которые перекликались, какъ это всегда бываетъ на войнѣ: «слуша-а-ай!»

Такъ какъ никто не являлся, то Колѣ скоро сдѣлалось скучно, и онъ отъ скуки сталъ считать свои пистоны. Я забыла тебѣ сказать, что у него было настоящее ружье, которое заряжалось пистонами, и мама, предвидя, что битва будетъ отчаянная, дала ему двѣнадцать пистоновъ, прося его быть осторожнѣе. Коля былъ въ восторгѣ; вѣдь столькими зарядами можно обратить въ бѣгство не двухъ, а двѣнадцать кошекъ!

Размышляя объ этомъ, онъ замѣтилъ въ полѣ легкій столбъ пыли; а всмотрѣвшись пристальнѣе, увидѣлъ въ этомъ столбѣ двухъ сѣрыхъ кошекъ, которыя неслись во весь опоръ. Скоро онѣ скрылись во ржи, намѣреваясь пробраться тайкомъ въ рощу. Это было умно придумано; но Коля былъ тоже не глупъ; онъ притаился и сталъ прислушиваться. Скоро послышался легкій

трескъ сухихъ вѣтвей, и изъ высокой травы мелькнулъ сѣрый хвостъ. Коля прицѣлился... но остановился, подумавъ: «пожалуй промахнусь, пускай лучше подойдутъ поближе».

Но пока онъ такъ размышлялъ, кто-то дернулъ его за ногу: это была одна изъ сѣрыхъ кошекъ, которая, замѣтивъ его, подкралась сзади, влѣзла на дерево и ухватилась зубами за его панталоны. Коля былъ очень храбръ (да вѣдь и стыдно же мужчинѣ быть трусомъ), но однако закричалъ изо всѣхъ силъ:

«На помощь! ко мнѣ! на помощь!»

При крикѣ полковника, часовые, стоящіе за деревьями, осторожно высунули свои мордочки, но, увидавъ ярость кошки и отчаянныя движенія Коли, всѣ въ одинъ мигъ пустились въ бѣгство.

«Гадкіе трусы! кричалъ Коля, вернитесь, помогите мнѣ! Но бѣглецы были уже далеко; все тише и тише раздавался

топотъ ихъ лапокъ... А полковникъ остался одинъ, съ саблей въ рукѣ, и съ яростнымъ врагомъ, прицѣпившимся къ его панталонамъ.

Это была ужасная минута! Сабля отчаянно колотила кошку по головѣ; но та, казалось, ничего не замѣчала.

Еслибы Коля не былъ полковникомъ, онъ бы сильно струсилъ; но какъ полковникъ — онъ остался храбрымъ до конца и былъ вознагражденъ.

Вдругъ трррръ—панталоны лопнули, и кошка полетѣла внизъ. Коля потерялъ равновѣсіе и упалъ съ дерева прямо на кошку. О! и здѣсь-то онъ выказалъ всю свою храбрость! Онъ мигомъ направилъ дуло своего ружья въ голову непріятеля и закричалъ густымъ, полковничьимъ голосомъ: «Смирно, а то сейчасъ убью!»

Кошка дрожала всѣмъ тѣломъ и жалобно мяукала.

— Сжальтесь надо мной, пищала она, не убивайте меня, я сдаюсь.

Она всѣми силами старалась смягчить полковника; но Коля былъ не глупъ и говорилъ:

«Дудки, сударыня, дудки! Молчать и не двигаться! У меня *двѣнадцать* пистоновъ въ карманѣ: я тебя не боюсь. Я никого не боюсь — я полковникъ!»

Онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и связалъ имъ переднія лапки кошки. Ты можешь себѣ представить, что онъ связалъ ихъ очень крѣпко.

Затѣмъ, держа платокъ за кончикъ, полковникъ сказалъ:

«Ну, теперь ты мой плѣнникъ, изволь идти на заднихъ лапкахъ ко дворцу».

Только что онъ сказалъ эти слова, какъ раздался звукъ трубы и появились король, королева и молодые принцы, всѣ верхомъ на спинахъ министровъ. За королевской фамиліей слѣдовали полки казаковъ и саперовъ. Это было чудное зрѣлище! Ты можешь себѣ представить, какъ пріятно было нашему полковнику показать всей арміи своего плѣнника.

Король соскочилъ съ своего министра и съ восторгомъ кинулся на шею Колѣ. Съ этой минуты они были друзья на всю жизнь.

— Голубчикъ мой, какой ты молодецъ! Какъ я люблю тебя!— И король отеръ лапкой навернувшіяся слезы.

— Полковникъ, сказала въ свою очередь королева,—вы убили нашего смертельнаго врага... полковникъ — вы молодецъ! и она дала ему поцѣловать свою лапку.

Принцы тоже подошли съ поздравленіями; а казаки затрясли ушами и закричали во все горло:

— Да здравствуетъ полковникъ!

— Теперь, сказалъ король обращаясь къ казакамъ, — сдѣлайте носилки, положите на нихъ кошку, отнесите ее въ мой кабинетъ и заприте на ключъ. Ну, поворачивайтесь.

Казаки знали, что король не любилъ шутить, и потому немедленно исполнили данное приказаніе.

— Одно меня очень безпокоитъ, сказалъ король, приподнявъ корону и почесавъ голову: здѣсь въ плѣну только одна кошка, а гдѣ же другая?

Всѣ молчали.

«Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Коля, гдѣ же другая кошка?»

Начали искать. Наконецъ королева замѣтила на землѣ слѣды кошачьихъ лапокъ, по направленію къ полю.

«Трусъ, убѣжалъ!» вскричалъ Коля, позвольте мнѣ бѣжать за нимъ».

— Какъ же голубчикъ ты можешь бѣжать за нимъ, когда онъ бѣгаетъ втрое скорѣе тебя?—и его величество опять поднялъ корону и почесалъ голову.

— Полковникъ можетъ сѣсть верхомъ на одного изъ нашихъ министровъ, сказала королева, которая была гораздо умнѣе своего супруга.

— Вы спасаете государство! сказалъ король, цѣлуя королеву! Вотъ умно придумано! Полковникъ, садитесь верхомъ на одного изъ этихъ господъ. У тебя нѣтъ шпоръ?

«Нѣтъ, господинъ король.»

— Ну не надо. Садись вонъ на того толстяка; это мой министръ финансовъ. Ему не надо шпоръ; онъ такъ скоро бѣгаетъ, какъ никто.

Министръ улыбнулся и очень любезно подошелъ къ Колѣ, предлагая свои услуги; но тотъ, подумавъ, сказалъ: «очень вамъ благодаренъ, но мнѣ пришла въ голову мысль, которую я попрошу его величество выслушать.»

Все королевское семейство собралось вокругъ полковника и приготовилось его слушать.

«Мнѣ кажется,» сказалъ Коля, «что лучше не преслѣдовать кошку.»

Министръ финансовъ, который былъ немного лѣнивъ и не любилъ тормошиться, кивнулъ головой и прошепталъ: — это вполнѣ справедливо! какая прекрасная мысль!

— Господинъ министръ! строго возразилъ король, — когда заговорятъ о финансахъ, тогда вы можете высказать свое мнѣніе, а теперь молчите!

Коля продолжалъ шопотомъ:

«Къ тому же, убѣжавшая кошка должна быть не далеко, и вѣрно скоро вернется, чтобы наблюдать за нами. Будемъ хитрѣе ее.»

Король засмѣялся, закрывъ лапой ротъ (чтобы не было слышно), и проговорилъ: — да, да, будемъ хитрѣе ее.

«А чтобъ ее поймать,» продолжалъ Коля, «знаете ли что надо сдѣлать? Намъ надо спрятаться, да такъ, чтобы насъ невозможно было видѣть. Для этого мы должны выкраситься въ зеленую краску; тогда насъ не отличатъ отъ кустовъ.»

— Превосходно! вскричалъ король. Какая блестящая мысль! Полковникъ, поцѣлуй меня! А вы, казаки, бѣгите скорѣй въ казармы и выкрасьтесь какъ сказалъ полковникъ. Я и королевская фамилія бѣжимъ во дворецъ, чтобы сдѣлать тоже самое.

— Но у меня голубые глаза, сказала королева жеманясь, я не знаю — къ лицу ли мнѣ зеленый цвѣтъ.

— Чортъ возьми! отвѣчалъ король,—какъ можно въ такихъ серьезныхъ обстоятельствахъ говорить такой вздоръ!

Чрезъ нѣсколько минутъ казаки и королевская фамилія возвратилась. Они были такіе зеленые, такіе зеленые, что ихъ нельзя было отличить отъ травы. Коля былъ въ восторгѣ: всѣхъ разставилъ по мѣстамъ и самъ спрятался за дерево.

Коля былъ правъ: гадкая кошка была не далеко, и минутъ черезъ пять голова ея мелькнула въ травѣ. Она оглядывалась кругомъ и, не замѣчая ничего, стала приближаться. Коля не смѣлъ дохнуть и едва удерживался отъ хохота.

Наконецъ, кошка повидимому успокоилась и рѣшилась выйти на тропинку. Но не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ

всѣ зеленые казаки выскочили изъ засадъ и бросились на общаго врага. Кто кусалъ его за уши, кто вскочилъ ему на спину, кто теребилъ длинный хвостъ; Коля же уже занесъ саблю, чтобы однимъ ударомъ отрубить ему голову, когда кошка бросилась на колѣни, прося помилованія, и такъ жалостно мяукала, что надо было быть камнемъ, чтобы не исполнить ея просьбы. Казаки и Коля рѣшились простить и удовлетворились тѣмъ, что отрѣзали врагу когти и взяли съ него подписку, что онъ никогда не подниметъ оружія противъ кроликовъ.

Такъ были побѣждены обѣ сѣрыя кошки. Король, не зная чѣмъ вознаградить Колю, и не рѣшаясь предложить ему руку, своей дочери—такъ какъ Коля былъ слишкомъ молодъ,—произвелъ его тотчасъ же въ генералы и предложилъ ему мѣсто военнаго министра. Но Коля не любилъ политику, и поэтому отказался отъ должности военнаго министра и принялъ только чинъ генерала.

— Но это еще не все,—сказалъ король, снимая съ своей шеи хорошенькую ленту; откусивъ зубами кусочекъ отъ нея, онъ прикрѣпилъ его къ пуговкѣ Коли.—Вотъ лучшій знакъ отличія за храбрость.

Коля никогда въ жизни—а ему было пять лѣтъ—не былъ такъ счастливъ, какъ въ тотъ день; а когда королева предложила ему сѣсть возлѣ себя, чтобы сдѣлать смотръ войскамъ, онъ чуть не заплакалъ!

— Вы пріѣдете на свадьбу моего сына, генералъ? спросила королева.

«О, конечно».

Въ это время войско кроликовъ выстроилось. Король торжественно провозгласилъ: *парадъ начинается!* и, обращаясь къ Колѣ, сказалъ:

— Генералъ, не хотите-ли сдѣлать смотръ войскамъ?

Коля чувствовалъ, что онъ покраснѣлъ, какъ ракъ; однако вынулъ саблю и крикнулъ изо всѣхъ силъ:

— «Скорымъ шагомъ — маршъ!»

Войско потянулось мимо него гуськомъ; впереди несли знамя (палку, на которой былъ привязанъ листъ лопуха).

Парадъ приближался уже къ концу... и вдругъ въ это время раздался голосъ:

— Коля, иди обѣдать!

Нечего дѣлать, надо было идти. Онъ распростился со всѣми и побѣжалъ домой.

— Гдѣ ты былъ? спросила его мама,—ты весь въ поту!

«Ахъ мама я... я...» Онъ такъ запыхался, что не могъ говорить. «Гдѣ папа? я хочу ему разсказать... Еслибы ты знала, еслибы ты знала... я генералъ... я не хотѣлъ быть министромъ... У меня хорошенькая лента... я буду на свадьбѣ принца».

Ты можешь себѣ представить, какъ папа и мама его были довольны.

Коля не хотѣлъ снимать ленту, и мама, укладывая его спать, привязала ее къ его рубашечкѣ, чтобы и ночью она была съ нимъ. Вотъ что значитъ быть храбрымъ!

Сказка моя кончена, и мнѣ, вѣрно, не надо говорить тебѣ, дружокъ, что она вся, отъ начала до конца, выдумана мною для твоей забавы. Ну, а теперь поцѣлуй меня и—прощай.

БОЧКА.

I.

Что это тамъ въ бочкѣ? Хорошенькое яблоко, ко
маетъ, что его никто не найдетъ. Но Лиза увидала
— Если бы его достать! сказала она Володѣ; мы
и дадимъ, пожалуй, маленькій кусочекъ Сашѣ.
У Саши ушки хорошо слушаютъ. Кажется, о
шалъ, и видно, что этотъ разговоръ ему очень
— Володя вѣдь большой: онъ непремѣнно д
Посмотримъ.

II.

Ай, ай! какая глубокая бочка! Бѣдный Володя упалъ въ нее головой внизъ. Какъ-то онъ оттуда выйдетъ?

Лизѣ теперь очень жаль, что ей захотѣлось покушать яблока.

Саша очень недоволенъ: онъ думаетъ, что яблоко, а можетъ быть и носъ большаго брата, — раздавлены.

Сосать свой пальчикъ не такъ вкусно, какъ яблоко.

Володя кричитъ изъ бочки: «мама! мама!». Авось мама не далеко и придетъ вытащить изъ бочки Володю, а вмѣстѣ съ нимъ, можетъ быть, и яблоко.